

A young man with short, light brown hair and a serious expression is walking towards the viewer. He is wearing a dark green military-style jacket with brown leather accents, a brown scarf, and dark pants. He holds a brown leather bag in his right hand and has his left hand on the back of a black wolf. The wolf is walking alongside him, looking forward with its mouth slightly open. The background is a detailed landscape with green pine trees in the foreground, rolling hills, and jagged, snow-capped mountains under a blue sky with white clouds and a few birds flying. The overall style is that of a classic oil painting.

Иван Дзюба

ВАЛЁР

Иван Дзюба

ВАЛЁР

«Автор»

2026

Дзюба И.

ВАЛЁР / И. Дзюба — «Автор», 2026

Макарий, молодой человек, бывший пограничник, художник, ищет родственников и свою родословную. Он проходит через множество испытаний и выдерживает все тяжести, которые преподносит ему непредсказуемая жизнь. Шагая по стране с чёрным волкодавом Берли, он видит окружающий мир без прикрас и розовых очков. В своих поисках он встречает любовь и, боясь её потерять, оставляет у хороших людей дожидаться его возвращения. Но необычные явления и необыкновенные происшествия задерживают его в пути. Свернуть

© Дзюба И., 2026

© Автор, 2026

ВАЛЁР

ИВАН ДЗЮБА

ВАЛЁР

Над ночным лесом висела огромная в яркости луна. Она, будто вселенский подсолнух на грядке миров, рассыпала лепестки света земле. Редкие крики ночных птиц разносили прерывистым ветром убегающее эхо.

Трески и шорохи непознанных существ, изредка, тревожили шебуршливую вязкую тишь. Ночь меркла в бледно-медной мгле, оставляя лишь мгновения на полный покой.

Сквозь лапники ветвистой ели, что-то прокралось и замерло, угрожающей тенью.

Сверкнули два огонька зажжённых сияющей луной и в тёмном силуэте двинулись к Макарию. Это был, редкий для этих мест, огромный блуждающий волк. Один ли он здесь? Или их, целая стая?

Макарий почувствовал, как по спине пробежала нервная дрожь и охватила всё его оцепеневшее тело. Рука, отчуждённо оторвала от рядом стоявшей сосны, огромный сук и Макарий застыл с этим суком перед волком. Несколько шагов от волка – для броска животного, это было как раз.

Сколько два существа стояли друг перед другом – ночь не считала. Но была целая вечность для Макария, в которой всё слилось в одно: выстоять и не струсить перед угрозой.

Кто – кого? Глаза в глаза! Всё вокруг не имело значения: ни блеск луны, ни шум деревьев, только в глаза: силой и огромной волей, где победа – жизнь! И волк, отступил: жёстко прыгнул в кусты и скрылся в глубине этой встревоженной им тишине.

«Видимо, волки – не все ещё волки!», – с огромным облегчением подумал Макарий.

Третьей ночью назад, перед ранним утром, ему явился ужасный и вещий сон. Густой, басистый голос громко и сильно вещал: «Ты этого – хотел!».

Открылся тёмный квадратный колодец, облицованный глянцевым чёрным цветом. Глубокий, до бездны и страха, в который, кто-то начал опускать, его, лежащего Макария. Где сон, а где явь, не понять, не разобрать. Но от опускания в чёрную бездну, ёмкая предутренняя тишина задрожала и разорвалась от несдержанного крика Макария:

«Не хочу! И никогда туда не хотел! Я сказал это просто, просто так! Не думая!».

Густой басистый голос громко захохотал и исчез, затихая в неведомом колодце без дна. Эхо долго блудило по старым углам, не зная, куда деться от тревожного крика Макария: будило ломкую тяжёлую взвесь пустоты.

Он начал вспоминать, когда же сказал, что хочет туда, в черноту? Может, когда не стало матери, и хоронить её не за что было? Но это было до армии, и мать хоронила вся обеспокоенная улица. А он, сам, оцепеневший от чего-то, неотвратимого, долго стоял у могилы, но туда не хотел никак.

Домой его привели подвыпившие немолодые соседи Гриша и Дуся. Мать помянули всей улицей, без него: спиртное он не признавал, совсем. Но, всё-таки: когда, же он зазывал в себя эту черноту, что так навязчиво вошла, не спросив, под раннее утро?

Может, когда стая ласточек, сгруппировавшись, взлетала в небо высоко и, опускаясь вниз, пролетала и пролетала множество раз над Макарием? Так низко пикирую, что думалось: в этой стае находится и душа матери? Но он и тогда не хотел в этот чёрный колодец без дна.

Или же, когда котик приполз домой израненный, что казалось, он без глаза, и был страх за его здоровье? Нет, котик был в последнее время здоров и редко бывал дома: всё в гулянье. Тогда, когда?

И он, Макарий, вспомнил:

«Да! И, наверное, это было не один раз, а целых два? Видимо, да!».

Впервые это было на берегу Ужимки, когда сильный ветер гнал пенистые волны, выводя воем из русла протоки самого себя.

Он тогда искал затерянные в себе слова для стихотворения о великом и чистом будущем. Ждал созидания от воды для вдохновенья и цельности рифм. Кувшинки, волнами поднимались в насуспенное небо и с облаков падали в помутневшую глубь реки. Падали так резво, что ему очень хотелось нырнуть в эту глубь и помочь им всплыть поверх волн. Он готов был прыгнуть, не раздеваясь, в эту баламуть пенистой воды, не осознавая, что это опасно для него самого. Ужимка восхищала танцем водных цветов и, казалось, что мир Затворки не такой уж и одинокий к нему.

А второй раз, когда? Второй раз, точно, котик. Только не свой, а соседский, серый Вася: неуправляем и вездесущий. Зачем-то полез на старый заброшенный колодец и упал в самую безводную жизнь: на дно. Мяуканье слышно было, еле-еле, но Макарий услышал, проходя мимо.

Колодец был сложен из брусьев, и, похоже, что много лет назад. Они расползлись в стороны, покрылись скользким грибком, отрухлявели от времени и сырости.

«Как туда залезть?» – долго кружился вокруг Макарий.

«Как спасти этого Васю? Живое, ведь, существо!»

Он пытался найти лестницу, где угодно, но такой длины не нашлось, даже во всей семидворной Затворке.

И он придумал, просто и легко. Нашёл две валяющиеся тонкие жерди, скрутил проволокой в длину и всунул в колодец, зовя кота Васю. Кот выкарабкался мгновенно и, мяукнув, скрылся в густых зарослях лопухов.

Макарий жил в бывшей конюшне, ставшей давно ему домом. На крюках, где когда-то висели хомуты и вожжи, теперь царствовали его изношенные вещи. А между ними – волшебство: картины необыкновенные в своём разнообразии. Это было его настоящее дело, замены которому он не знал и никогда не искал.

По просьбам и без них, он окунался в это великое созидание красочного мира, отключаясь от внешнего мира, уходом в самого себя. В царство красок его влекло всё, что он чувствовал, и рисовалось всегда, само собой, без остатка.

Долгое время зимы для него не было долгим и неудобным. К холоду он привык из самого детства, когда топить печь было нечем. Вдвоём, они с матерью, отправлялись в недалекий лес за хворостом и тащили будущее тепло на себе самих.

Вспомнилось, как прибежала заплаканная Дуся, и надрывно вырывая из себя слова, запричитала:

– Ой, Макарий, Макарий! И что же делается в мире таком? Хотят всех жителей выдавить из наших домов неизвестно куда! Туча целая прибыла этих, наехавших! Ой, немогу успокоиться! Ходят по домам и толкуют, что всех нас переселят в посёлок, или ещё куда-нибудь, хотим мы этого, или не хотим. Это что же такое творится на свете белом? Говорят, что пройдёт трасса через нашу улицу и объезд совсем невозможен!

– А где же наши все? Испугались и затаились по углам?

– Не знаю! Гриша ушёл к ним, а я вот к тебе прибежала, – успокоившись, тихо прошептала Дуся.

– Хорошо! Я сейчас вот заканчиваю и приду к вам, посмотрим, что эти хотят, – и подумал: «Эх! Не вовремя это всё, не вовремя! Только вознёсся в себе, как вдруг, что с обрыва!».

Улица была единственной из всего, что осталось от Затворки. Загорелся лес, и почти всё село зацепило пожаром, который достал до людских домов. Теперь Затворка, укороченное село с единственной улицей, на семь дворов. И ещё с конюшней, без коней-лошадей, что жилым домом стала для Макария.

К Макарию они зашли без стука и зова, бесцеремонно распахнув дверь настежь. Он только собрался идти к соседям, как втоптались с улицы невхожие люди. Совсем не по-домашнему взглянулись эти три человека в комнате красок.

Крепкий на вид мужчина, видать их начальник, сердито хмыкнул и жёстко огляделся вокруг. Серые глиняные стены с еле заметной побелкой, потолок от сырости, в разводах и пятнах, что казалось: мгла караулит здесь всё и вся. Но, будто при этом всё, излучается здесь тайности праздник.

На самой середине этой неудобной комнаты висела на стене картина, которую не заметить нельзя. Эта картинная явь, выходящая за рамки представления о манере и стиле творчества, притягивала взор, словно магнитом, в тревожную силу восторга. В необъяснимую глубину смешанных чувств, из которых и выбраться – никак, никогда, и – незачем.

– Кто это? Мать Божья? Или святая? – с удивлением постояв перед картиной, спросил он хриплым голосом Макария.

– Это – мама моя! Для меня – она святая! Она всегда была такой! Видите же, ясная, какая! Как утренняя заря над тихим расцветным садом!

– Да, уж, это, точно, вижу! Святых, всех святых! Вы ещё и поэт? Много о вас говорили, но не верилось. Теперь вижу, что это похоже на правду! – он провёл рукой по лицу, будто прогоняя с него что-то, и взгляделся в картину.

Мир картины был словно живой. Он светился в цветущей вишне женским лицом и телом, точно паря в невесомости. Небо, подсвечивая своей лазурной чистотой, возвеличивало это творение. Создала его рука, несомненно, талантливого мастера, высокого и необыкновенно чуткого в искусстве.

– Да! Вы, молодой человек, краски в жизнь возносите достоверно и необычно, не как другие. Рисовать вы умеете: этого – не отнять! Не Микеланджело, но впечатляюще, и очень! Но, всё же, проживать вам в этом сарае нельзя по законам страны и человеческим, тоже. Для этого мы и прибыли к вам в Затворку. Тем более, что здесь вы находитесь без всякого разрешения на проживание. А это, государственная собственность, так, что на сборы вам, мы даём полчаса. Надеюсь, хватит? Имуущество ваше здесь всё? – спросил он вдруг жёстко, внимательно окинув взглядом сбруйную комнату.

Потом прошёлся перед картинами и, повернувшись к Макарию, негромко сказал:

– Что здесь изображено, мы всё увезём для народа, в хорошее место. Надеюсь, что вы не против народа? Проверим на достоверность и найдём достойное применение, – и твёрдо добавил:

– Давно вас всех надо отсюда переселить в лучшее жильё, с инфраструктурой. Так, что для вас, молодой человек, открываются большие перспективы. Да ещё с таким художественным талантом, многое вам достичь можно и нужно, безоговорочно!

Макарий словно онемел от неожиданности и не смог вымолвить ни слова, будто, кто-то накинул замок на его голос и разум.

– Вот, представители администрации вам всё объяснят и подскажут, если, что-то будет непонятное, – добавил этот человек, указав на мужчину и женщину. И уходя, спросил:

– А всё это творчество, что здесь я вижу, действительно – ваше? Это всё вы так вывели красками и создали такой вот мир? – и, не дождавшись ответа, махнув рукой, покинул конюшню.

Повисла неприятная тишина в этой необычной комнате, и лишь безучастный сверчок безразлично веселился в углу.

– Это, кто же так со мной расправляется? И за что? Кто это так произвольно решает мою судьбу? – наконец вырвалось у Макария.

Женщина, стоящая рядом с мужчиной, тяжело ответила:

– Так кто ж их знает! Будто бы из района: так они нам все представились. Этот, главный, но он не один здесь: их, этих, ещё хватит на вас всех, – и вздохнула, утерев платком глаза.

– И куда мне теперь деваться? Что, с ними ехать, с этими, чуждыми? Или как?

Мужчина, стоявший у двери, мрачно ответил:

– Ты бы парень, не торопился к ним, ненадёжные это люди. Каким-то нечестным прикусом от них тянет. Похоже, что это какие-то, проходимцы, а не районные деятели. Пока этот ушёл, ты бы, парень, без раздумий, отсюда, да быстрее, хоть куда глаза глядят. Сторон-то в мире ведь много, найдёшь свою, настоящую, а не с этими.

Но Макарий горячо вспыхнул и жёстко произнёс:

– Какие стороны! Я – дома! И нет мне здесь указов, от каких-то, чужаков. С какой такой стати мне отсюда уезжать, да ещё без моего согласия? Это же настоящий беспредел!

– Бросай всё и беги скорее отсюда, куда глаза глядят! Это цепкие люди, которые своё не упустят, так что беги в любую точку мира, подальше от этих безумцев!

По улице, прогудела тяжёлая машина, что для этих мест, почти невозможность, но, Макарий не обратил на неё внимания и, выровняв голос, чётко спросил:

– За что так ко мне этот, что маятником расхаживал по моему личному жилищу? Законов я не нарушал никаких и не думал о том, что кто-то захочет выдавить из этих «царских палат». И кто же за этим «подарком» стоит, для каких это целей? Вы можете мне дать вразумительный ответ, представители разумного вашего явления здесь?

– Какие законы, парень? Сарказм здесь твой ни к чему! Это не те, что строить будут дорогу. Это другие: им нужна ваша земля! И им нужен – ты! Вот, так! И я этого тебе не говорил! Понял? Так что, если понимаешь, то, беги и не мысли, что сможешь противостоять этим захватчикам! Ты молод, талантлив, и сможешь найти достойную жизнь в иных местах, – натужно выдохнул седой представитель администрации и, оглянувшись на дверь, мрачно добавил:

– У них на тебя имеются особые виды. Так, что беги, без оглядки! Там, с ними, будто, милиция: это чтоб не было волнений, и за тобой. Прославился ты своими картинами и сам, видимо, об этом не знал? Не догадывался? Ты им очень необходим! И точно, как настоящий художник, для их чёрных дел, – и, тяжело задышав, мужчина покосился на дверь.

Макарий, окинув взглядом комнату и выразительно дав на слова, сказал:

– Как же я вам рад, за ваше такое многострадальное и великодушное появление здесь! Рукоплескать от восторга, да в припляску до самого бесчувствия от вашего вторжения

в мою жизнь! Так, что ли, я должен себя теперь вести перед вами? И согнувшись, шагать на цыпочках по вашим указкам, куда я и мыслить не мыслил? Так, теперь, вы мне приказываете быть?

– Мы, парень, сами, почти, что невольники! Ты нас не ругай, а думай сам, что и как. В тебя вся жизнь ещё впереди, так, что не теряй её направление смолоду.

– Здесь со мною ещё котик живёт! Куда ему теперь без меня, во мглу?

– Котика мы пристроим, ты не волнуйся! Дай бог, свидимся ещё, и обязательно не в этой грязи. Звать меня, Афанасий и я один такой по имени в посёлке. Найдёшь, когда всё успокоится: я в это верю! Мы постараемся проследить, как и где будут твои картины. Давай парень, скорей решайся. Точно говорю, что не пожалеешь. Лес вот рядом: не весь же сгорел. А этим мы скажем, что ушёл посоветоваться к соседям. Давай, с богом тебя и верой, что всё образуется.

Макарий, молча, выслушал, не спеша взял мамину сумочку с документами, фотографиями, взглянул прощально на картины и вышел из конюшни. Вдалеке, по улице, сновали какие-то люди. Возле сгоревшей школы стоял огромный бортовой грузовик, у которого, сидя на подножке, скучал тучный милиционер.

Он внимательно посмотрел на мимо идущего Макария и лениво, беззлобно, спросил:

– А ты куда это, молодой человек? Уходить отсюда пока никому не раз решено! Ты меня, надеюсь, понял? Так что, возвращайся в свой дом и жди указаний. И не переживай: всё будет хорошо! И даже лучше, чем хорошо. Ведь, это же настоящая дыра! И как в ней жить, видимо, сам уж давно и без меня знаешь! – и, потягиваясь, добавил:

– Я бы здесь даже одного дня выдержать не смог! Как вы так жили без всего необходимого? Трудно, наверное, было? Ни магазинов, ни телефонов, ничего, даже первейшего нет. Так что, парень, возвращайся в свой дом и жди. Скоро всё у вас наладится к лучшему!

– Да я сейчас вернусь, но прежде схожу к соседям за своим котиком.

Неожиданно милиционер встрепенулся, и в его глазах засверкало недоверие:

– А это что у тебя там за сумка? Для котика, что ли, парень? А ну-ка, постой, подожди к своему коту ходить. Видимо, ты куда-то лыжи наострил, так ведь, а, или нет? А ну, что в сумочке, показывай! Поглядим, не сокровища ли там хранятся? Может мои, или ценные государственные вещи?

Макарий вывалил из сумочки прямо на капот свой нехитрый скарб и горько улыбнулся:

– Сокровище, это когда решаешь сам свою судьбу, без этих всяких надсмотрщиков и наглецов, которые не дают спокойно жить!

– Ты это о ком? Обо мне, что ли? – и мгновенно, несмотря на былую ленивость, метнулся он к Макарию.

– Да я тебя сейчас в бараний рог согну и не выровняю, чтоб такой и был всегда! Ты, что ли, этот художник, из-за которого вся эта канитель? А ну-ка, давай, залазь в машину, без излишних разговоров! Я тебе покажу, наглецов! Собирай свои сокровища и залазь!

Жёсткие цепкие руки скрутили запястья Макария за спину и зазвенели наручниками. Но осуществить им задуманное не удалось. От разваленной церкви, к сгоревшей школе, двигалась небольшая толпа взъерошенных местных жителей, жестикулирующих и кричащих, о чём-то.

Милиционеру пришлось ослабить хватку и бросить наручники в открытую кабину грузовика.

Воспользовавшись этим, Макарий рванул милиционера за воротник и со всей силы толкнул его в кабину. Тот, тяжело охнув, стукнулся в приборную панель и упал тучным лицом вниз, став безразличным ко всему.

«Видимо в поисках бараньего скрученного рога и возможности выровнять его», – мелькнула в Макария мысль.

Бежавшие люди свернули в сторону от бывшей школы, и наступила полная, неестественная в ёмкости тишина.

В этой тишине возился в кабине милиционер, пытаясь поднять свою тучность, и стучало, будто стремясь выскочить из груди Макария, сердце.

«За что это так ко мне все? За что? Что я им такого плохого сделал, чтобы на меня одевать наручники? Теперь, точно, повесят на меня ещё и покушения на милиционера».

Он с трудом поднял грузное милицейское тело и, убедившись, что с ним ничего страшного не произошло, схватил сумку и кинулся прочь, в зовущий недалёкий лес.

Лес был полон щебетанья птиц, верной открытостью лета, но дышал затаенной грядущей тревогой.

«А картин, то их будет, точно, ещё много! Много, и – навсегда прекрасные! И никому их без предложения не отдам! Разве, что по необходимости», – жёстко подумал он, еле сдерживаясь от желания, рвануть скорее, хоть, куда.

И всё же, он побежал: не думая, куда и зачем. Хвоя била в лицо безжалостно колюче, будто не признавая, что он здесь свой. Цеплялись корни вековых деревьев за ноги и силу, вне терпения и боли. Сороки, бесцеремонно сопровождая его бег, опережали путанные мысли, возвещая лесную глушь о не своём. Он чувствовал: гонится за ним скрытая угроза, неверие в справедливость и чистое завтра. Горечь, сжигала ему внутренний мир, невыносимо жгучим огнём обиды на всех и вся. Казалось, что крапива и колючки были попугайчиками в беге путанном, неведомо куда.

Заговорила о себе усталость и Макарий нашёл густые заросли молодых сосен среди невысоких осин. Из них он соорудил небольшой шалашик от начавшего мелкого дождя и, укрывшись под ним, забылся тревожным сном. Несколько раз он просыпался, и, теряя смысл происходящего, уходил дальше в глубокий лес. Но, как будто чья-то жёсткая сила, завладев его сознанием и, погоняя по лесу, вновь возвращала в шалашик, чтобы сокрыться во сне. В этом тяжёлом, беспокойном бреду виделась Затворка и улыбчивая мягкая мать. Сколько времени он находился в этом состоянии, лес ответить не умел, или тревожить не хотел.

Дождь, что был тихий и не густой, ушёл вместе с тучной ночью. Лес беззаботно дышал мирной жизнью. Комаров и мошкеры не чувствовалось совсем: видать, спрятались от влаги до сухих надёжных времён.

Даже находясь в дрожащем лесном шалаше и вдыхая во всю грудь последождевую свежесть затаённого лета, он не смог сообразить, для чего это с ним мир так жёстко поступил?

Ведь, сейчас родимый и всегда любимый день лета, в котором, он, Макарий, был рождён, ровно двадцать один год назад. И радость должна переполнять всё его естество выше всех неизведанных высот, а на самом деле – бега, непонятно зачем и от кого? О дне рождения он никому не говорил, а просто знал его изнутри, где словно пребывал в невесомом состоянии души. Вот сегодня, как раз и был тот день, в котором явился на белый свет, Макарий, единственный в духе своём, сын Затворки, затерянной в памяти страны. Но полёта нет, а лишь непонятное огорчение на целый мир, где притаилась боль, смешанная с горьким удивлением: зачем всё это есть?

Он понимал, что в лесу долго находиться нельзя и необходимо скорее выбираться к людям. Значит, только, вперёд и вперёд, возвращаться назад никак нельзя.

Издаലെка донеслись, какие-то, совсем не лесные шумы: затревожили душу волнующим, непонятным всплеском.

Послышался разливистый собачий лай, вперемешку со многими перекриками и возгласами идущих людей.

Макарий, затаившись, прислушался к этим крикам. Мимо протопало несколько мужчин и женщин, пронесли усталый разговор:

– Да не найдём мы его здесь, никогда! Он что, совсем дурак, чтобы залезать в эту непролазность! Да и зачем это ему прятаться двое суток в лесу? Или, что-то с ним случилось нехорошее, или может в посёлок ушёл за красками, или, где-нибудь спит. А мы вот лазь по этим буеракам. Фу, ты, пора всем возвращаться домой, и так силы уже на полном исходе. Как бы вы меня самого назад не понесли, вместо Макария.

– Но, ты же, сам говорил, что видел как он убежал в лес. Ты что же, нам всем соврал, а, Гриша? Его, видимо, запугали эти, приезжие, больше нечего и думать. Видели, как картины-то все унесли: куда и зачем, без Макария? Никого не подпустили из нас, даже меня.

Это тяжело высказался Митрофан: самый сильный и старший житель по семидворной Затворке.

– Так здесь, недалеко, есть брошенный домик лесника: мы там часто бывали с Макарием. Он эту местность очень любит. Говорит, что пахнет тайностью и миртом, словно в церкви. Только, где и в какой он церкви бывал, я не знаю! Вот, давайте дойдём туда, и, если его там нет, тогда и домой, – это уже были слова соседа Гриши.

Голоса уходили дальше на север, постепенно затихая между густых деревьев осин, сосен и зарослей кустов.

Значит, всё-таки, ищут его, Макария. А зачем? Видимо, это те послали искать, что отняли картины, и прочь пришлось убежать от них? И выходит, что он уже бродит двое суток в лесу? Неужели потерялась суть времени и сокрылась в душевную боль? Чего не ожидал никогда, то и явилось, как чужеродный бред?

Внезапно зашелестели кусты, и к нему в конуру воткнулась радостная мордочка Жучка, чёрного пёсика Гриши и Дуси. Он кинулся прямо на грудь Макарию и заскулил от удовольствия и восторга. Это был единственный во всём мире, настоящий, верный и сообразительный друг. Он вилял хвостиком, прижимался мокрым носиком к лицу Макария, будто говоря, что вот я какой умелый поисковик. Нашёл тебя, а другие найти так и не могут.

У Макария защемило, заволновалось в груди, от такой, неожиданной встречи.

Жучок завизжал, залаял на весь окружающий лес, запрыгал вокруг Макария, как будто зовя за собой.

– Тише, Жучок мой, тише! Беги скорее к своим, а я потом, слышишь, что говорю! И прекрати ты лаять на весь мир, – и подтолкнул пёсика, вглубь леса, за густой кудрявый вереск. Как будто, вместе с ним себя вытолкнул в этот проём глубокой неизвестности, что, где-то там, притаилась в ожидании.

На лай собачки никто не явился, видимо, посчитали игрой и забавой Жучка.

«Не теряйся сила мысли, неограниченная и вечная в путях собственных, не знавшая, ранее таких проблем. Что имею, на сей час, то имею! И мощь, и ясность, что давала энергию жить и творить, ещё в полном разгаре! Так что, силу воли в кулак, и вперёд! Держать в себе всё чистое, и думать, что это лишь вкус плодов дикой груши, которая растёт возле старой конюшни».

С усталостью, что ещё сильнее начала доставать после встречи с Жучком, он двинулся дальше. Где-то там, за лесным массивом, другой район и другие селения. Вот туда ему и необходимо добратся. Там, может и станет всё на свои места, как было раньше?

Сжимала боль от тревожности одиночества и непонимания: куда же деваться теперь, что делать дальше, и что искать?

Лес, безразлично шумел над его мыслями: он жил своей полной и независимой жизнью от людских переживаний.

Двое суток блужданий, видимо оттого, что он пошёл по кругу? С детства ещё Макарий об этом знал, что правая нога шагает шире, чем левая. И поэтому, можно идти, совершая круги навстречу собственным пройденным шагам. Двое суток в лесу без еды, на подножном корме, это, почти что, обессилие своих и так не очень полных сил.

Лес не оканчивался, а становился ещё глуше, деревьями выше, и силы Макария покидали всё быстрее. Брести-идти в неизвестность желания небыло совсем. Подкрадывался вечер, и хотелось лечь, где-нибудь под кустом, на мягкий мох и уснуть, забыв обо всё. О том, что произошло с ним и происходит сейчас в этом непредсказуемом мире.

Неожиданно, откуда-то, донеслось громкое лошадиное ржание и по всему лесу, раскати-лось, разметалось, растревожилось эхо, чего-то родного и верного.

Горло сжала судорога от услышанного ржания, от надежды, что скоро закончится блуждание в эту незваную неизвестность. Силы сразу прибавилось, и Макарий, с трудом выбрался на заросшую разнотравьем дорогу. По ней мирно качаясь, двигалась гружёная телега, впряжённая серым конём. На телеге, свесив ноги в резиновых сапожках, восседала женщина, неопределённых лет.

– О! Тпру, стой! Видишь, человек, откуда-то взялся!

Телега остановилась и женщина, непринуждённо спрыгнув, шагнула к Макарию.

– Из какой такой непознанной глуши? Вокруг ведь, никого и нигде не найти! Уж, никак, не верится в это, до самой невозможности! Беглец что ли, из далёких, неведомых мест?

Она обошла вокруг Макария, оглядела его изодранную одежду, и всмотревшись в его измученное лицо, с весёлым озорством воскликнула:

– Хо, хо! Вот так сюрприз! Ко мне, что ли в гости, на мой, тусклый огонёк? Или, как это понимать? Вот так неожиданность! Кто же ты такой есть на самом деле? Из какого такого ниоткуда сюда взялся? На бандита, ты будто, непохожий. Только, вот, измучен, чем-то, до самого немогу!

Серый конь нетерпеливо топтал копытом густую траву, как будто хотел быстрее от всего этого двинуться в путь.

– Тпру! Не торопись, мой друг! Ты же видишь, что здесь человек, и он нуждается в нас, и, видимо, очень. Так, ведь, я говорю?

Женщина, не дождавшись ответа, тронула Макария за плечо и, вздохнув, промолвила:

– Да! Вот что творит жизнь теперь с молодыми людьми! Не то, что было раньше, в другие времена. Тогда не бродяжничали люди по густым лесам, а занимались чистыми делами и жили для пользы людей, – и продолжила:

– Но садись, нежданный человек, всё равно подвезём, если нам по пути. Ногами не всегда найдёшь то, что ищешь, да и найти порой невозможно. Или, уже, нашёл?

Макарий, молча, еле двигаясь, обессилено взмахнул рукой.

– Нет? Одежда, изодранная, почти что, до самого срама. Но впереди дорога одна: закрытая обсерватория. И пути дальше нет, разве, только, если лишь назад.

– Поедешь, или как? Что, молчишь? Ух, как тебе худо уж совсем. Давай помогу залезть на нашу лошадиную силу.

Макарий с трудом залез на стоящую телегу и бессильно выдохнул:

– Мне всё равно куда. Куда-нибудь, и если вы не против, то я с вами.

– Я то, не против, а вот он, не знаю, – и женщина кивнула в сторону коня.

– Ну, что ж, поехали! Звать меня, Мотря! А точнее: Смотрина, Смотрина Алексеевна. Вот так вот. Мой родитель такой нарёк и – не иначе, – и она беззлобно хлёстнула кнутом серого коня, впряжённого в крепкую телегу, груженную ящиками и мешками.

– Что, мол, когда вырасту, стану жить по звёздам. Но, теперь, вот, звёзды смотрят на меня, а я смотрю на тишину закрытой обсерватории. И одна, совсем там одна из людей, как мерцающая в тёмном небе звезда.

– Но, серячок мой, ненаглядный, дружок мой верный, тяни: теперь нас больше и вес стал совсем иной. Домой тянись, не ленись, и своих не бойсь!

Как сквозь пелену Макарий слушал странную речь и понял, что эта Смотрина Алексеевна немного навеселе.

Трясло телегу по лесной заросшей дороге, и мимо тряслись густые берёзы, сосны и ели. Женщина громко пела, и всё прошлое показалось Макарию, далёким и небывало лёгким. Ведь, ничего такого страшного и не произошло. Разве, что картины? Исчезнут и канут в чьи-то тёмных закоулках, что и вовсе их не найти? Или уничтожат, за ненадобностью. А перемены в жизни всегда необходимы: ведь без них тускнеет окружающий мир.

Смотрина Алексеевна, вдруг, словно спохватившись, прервала песню и громко воскликнула:

– Стой, мой, Сметливый! Что же это я так! А ну-ка, давай мой дорогой попутчик всё это мы быстро и верно исправим. Ты вот какой ослабленный, до дуновения ветром!

Она извлекла из-под мешков бутылку какого-то вина, тёмно-красного до кровавого цвета и бодро улыбнувшись Макарию, выразительно воскликнула:

– Не волнуйся: это церковное вино, живительный кагор! Он согреет и душу, и тело, и станешь ты как новенький, мой настоящий попутчик! Наполнит силой и верой во всё лучшее, чем было раньше и есть на самом деле! И в меня, тоже, поверишь! – и звонко захохотала.

– Ну, а зовут-то тебя как? Забыл, что и не вспомнить? Мы память твою сейчас вернём: держи! – и Смотрина Алексеевна подала Макарию открытую бутылку вина.

– Пей, сколько влезет и даже больше! Мне выдали сегодня зарплату спиртным: так что, набирайся сил. Помогает, особенно таким вот неизвестным, как ты. Пей, наполняйся кагорной силой, и не будешь больше блуждать в своей памяти по неизвестности! – ещё сильнее разве-селась эта странная женщина.

– Макарий, звать меня. Но я никогда не употребляю спиртное, совсем! И не хочу сейчас, не надо этого мне! Что это даст? Головную боль и мучения?

– Ну, Макарий, так Макарий! Имя то, какое святое! Ты что же думаешь, я, Смотрина, алкоголичка и дрянь? Я – есть хранитель былых достижений науки и будущих великих открытий! Ты это пойми и заруби себе на носу, – она задорно улыбнулась и добавила:

– Я ведь, Смотрина, надёжная, как гранитная скала над бурной ревущей рекой! Без подвохов, без глупых затей и предательств. Так вот, так и есть! Понимай это! И помни, всегда!

Кагор был действительно сладкий, немного приторный, но пить было приятно.

– Ну, вот! А ты боялся: говорил, что совсем не пьёшь. Глянь сам, ведь: полбутылки то, и нет! Молодец, другого и не скажу.

– Но, ненаглядный мой Сметливый, по нашей дороге, вперёд! Не стесняйся, домой! – и хлёстнула коня кнутом.

– Давай, вперёд, мой родимый! Не грусти и не скучай! Вот, какая нам неожиданность привалила! Так сразу не взять и не осмыслить, как хоти и ни желай! То ли в достаток, то ли в убыток, так сходу и не поймёшь!

Телега вновь затряслась по ухабинам и ямам лесной заброшенной дороги, вглубь тайности берёз, елей и сосен. По неизвестному лесу, истомленной жизни, без вопроса: куда и зачем всё это есть?

– издалека, очень издалека, добирается человечество в достойную жизнь. И до какого места оно дойдёт: за межу, где уже ничего не будет, или в чистоту и порядок, где главное – всё? И нет другого пути, как любить, и уважать, себе подобных? Но, пока что, есть лишь один идиотизм! Иного здесь не найдёшь и не скажешь. Вот так вот, Макарий, я вижу этот наш милый зацелованный дурностями мир. Целина для совершенствия новых умов и созидания талантов, только твори! Люби, поднимай себя в то, что дано свыше настоящей жизнью! А не влачении её к безумности унижения, вглубь стыда и позора, таща туда всех и вся без разбора, – доносилось откуда-то с глубины, нахлынувшего вдруг тумана.

– Что, уснул уже, и так быстро? Укачало нашей телегой в свой безудержный сон?..

Эйфория напоследок, тронула его лёгким вихрем и унесла в запереды неясной действительности. Обволокла его мягким дыханием мамы, откуда-то, явившейся и нежно прошептывав-

шей: «Я с тобою, мой сын, всегда и везде! Так, что всё будет хорошо! Только, терпи, терпи и верь»

Запрыгали какие-то тени, прячась вглубь рваной усталости, размывая всё, что было и есть, и что когда-нибудь будет Соединялись в покой и тревожную тьму, волоклись хаотично, в такт тележной тряски, звучно стучали копытами

Он, уже, еле слышал возглас Смотрины Алексеевны и радостное ржание Сметливого, который въезжал в распахнутые ворота скрытого лесом селения.

Шагая сквозь этот хмельной сон в небольшой бревенчатый дом, Макарий чувствовал себя разбитым и потерянным. Подбирался вечерний закат, воссияя над лесным горизонтом, словно, знак неизвестности судьбы. Это ещё Макарий успел запомнить и увидеть этот жаркий огонь на темнеющем небе, прежде чем в него успела войти сонливая небывалая вязкость

– Что, уже проснулся, наш неожиданный гость? Да? И – совсем? И ничуть уже не спим? – откуда-то, из неясной высоты, донеслось Макарию.

– Ты, уж, меня прости, что я без разрешения в твои документы заглянула! Так, ради одинокого любопытства и покоя. Явился ты, как божеский посланец ниоткуда. Это же надо так сильно меня удивить! Даже и сейчас не могу в это поверить!

– Чем же я вас так мог удивить, Смотрина Алексеевна, – еле открыв сонные глаза, спросил её Макарий.

– Фамилия то, какая: Длань! Получается, что ты Ладонь Святого? Длань Макарий! Вот так Макарий! Уж, не ворожей ли ты? Неужели и в это пропадающее место доходит яркий свет?

На столе стоял такой же кагор, как и тот, что дарил силы Макарию, но не открытый. Рядом, два гранённых стакана, с десятков красных редисок и два зелёных яблока.

– Удивляешь ты меня парень, с первых же минут появления. Это, какое-такое провидение прислало тебя сюда? Вовек, никому не отгадать! И даже, мне! Не всё же у меня отнимать без конца!

Солнце, ярко заглядывая в окна, показывало, что действительно наступает полный день.

– А теперь, встаём, встаём! День уже скоро возродится в полный зенит! И дел у нас ещё предстоит немало. Одежду тебе вот я принесла, почти новую, возьми и одень. Но, сначала, в баню. Вода ещё тёплая, не горячая, но для лета, как раз! Очистить себя от усталости, что гоняла тебя по лесам, да от неясных тревог! Так, ведь, парень, друг мой, новоявленный?

– Да, я, вот не смею, как-то об этом, совсем никак – растерянно ответил Макарий.

– Необходимо такое очищение от всяких ненужных мыслей! А одежда, то думаю, что тебе по размеру подойдёт и будет впору. От ребят наших она осталась, так что ты не переживай: они свои и давно их здесь пока нет, и вернуться ли, когда-нибудь, я не знаю: бог, как говорится, надвое сказал. Так что принимай одежду: теперь она твоя и носи её на здоровье и силу.

Макарий, стыдливо взглянул на стоящую над ним Смотрину Алексеевну и неуверенно выдал:

– Вы, только, выйдите, я быстро оденусь и следом за вами.

– Ха! Он ещё и стесняется! Ты что же не помнишь, как я тебя вытряхивала из твоих рваных штанов? Нет? Ну, вот и посмейся сам над самим собой! А я смеяться не стану! Это практика жизни и её исполнять дано всем нам. Вот, так! И на себя посмотри: в чём ты сейчас одет? Спортивные штаны Смотрины Алексеевны! Так что, хватит постель нежить, а верхнейший подъём, в день ожидающий!

Макарий, быстро встал с постели и оглянулся вокруг: как пришёл сюда, и как упал на эту кровать, он вспомнить не смог.

– Вот, если хочешь, то можешь поднять свой дух и силу вот этим эликсиром! Вчера ведь тебе помог всё вспомнить. Или обратно забыл как звать? – и засмеялась, точно, как в том вчера.

Макарий отрицательно взмахнул рукой и удивился себе самому: был свеж душой и телом, но в баню хотел.

В бане, деревянной и чистой, дышалось легко, без напряжения. Аккуратно развешаны веники, из берёзы, пихты, можжевельника и липы.

– Вот здесь, твоя заблудшая душа, очиститься от бывших забот и расстройств. Там, стонок для бритвы ожидает на окне! – уже из-за двери донёсся голос Смотрины Алексеевны.

– Оденешься и выходи во двор, где имеется всё необходимое, чтоб привести себя в полный порядок, по настоящему, а не вскользь. Завтракать-обедать и слушать всё то, что расскажешь о блужданиях своих по лесам, мы будем в «ресторанчике».

Баня, вдохнула силу мыслить и оценивать настоящее положение! Заботы, что были комом от неуёмного сна, растаяли прочь, и открылась сила твёрдой надёжности.

Макарий, стал точно тем Макарием, что жил энергией духа высокого творчества и познания.

«Вот, теперь мне кажется, что я уже как дома, по-настоящему! Как в те, былые времена! Или это, лишь, только кажется?».

– Ну, что, мой вчерашний попутчик, освежился бане, до восстановления?

– Да, спасибо вам, Смотрина Алексеевна!

– Не стоит об этом и говорить! Мы ведь должны быть всегда людьми и оставаться ими до последнего вздоха! Несмотря ни на какие преграды и повороты судьбы! Я об этом, уж то, знаю, как! И даже, очень и очень! – улыбнувшись, ответила Смотрина Алексеевна.

– Я и сам толком ещё не понимаю: зачем я здесь и что со мною происходит. Только недавно, будто всё было прекрасно, а теперь, вот так, навязался к вам. Не знаю даже, как и быть мне теперь дальше.

– Ты, Макарий, не огорчайся от ненужных мыслей: прочь их гони! Что и не было, то наладится! Пойдём сначала в наш давно остывший местный «ресторанчик», его согреем. Это наша общая столовая и мы в шутку называем её так. И будем праздновать твой день рождения! Вот, так, мой неожиданный юный друг! Даже если и был он вчера, этот день, кстати, и мамы твоей, то необходимо его помнить. Ведь, это мама произвела твой необходимый миру свет. Я уже приготовила для этого торжества всё, что нашлось в нашем лесном богатстве. Но, сначала, я покажу наши, небольшие владения.

Они прошли по территории обсерватории и осмотрели все постройки. Их было совсем немного, где-то с десятков домов и закрытых строений. Отдельно стоял ещё один, под белым куполом, нацеленным в небо.

– Обсерватория открыта для наблюдения неба ещё в шестидесятых годах. Вот такой у нас первый телескоп. Это ценнейший прибор для исследований непознанного мира! Он наш всеобщий любимец и жизнь! Красавец на загляденье уму и всеобщему разуму! Да и всем взглядам он неповторимо любим! Конечно, если тебе это интересно, но пока он законсервирован до иных времён. Вот, здесь, всё было уже подготовлено для установки нового телескопа, но времена, времена. Пока оставлено до лучших созиданий. А это дома для обслуживания и проживания нашего персонала.

– Имеется у нас и огород, и сад, и даже, аллея, для забывания города. Гуляй – не хочу, и куда хочу! Так что, праздник твой наш полностью всеобщий!

«Ресторанчик», был стареньким бревенчатым домиком, посредине селения.

В домике на столе лежала кипа чистых листов бумаги, множество разных карандашей, журналов и книг.

– Вот, это мои обязанности, настоящие. Писать, отчёты, о том, как хранится здешняя работа, по имени астрономия. Это же величайшая польза, для развития страны и всего человечества. Правда, зарплату, вот такую пока выдают, как ты видел в телеге. Но я верю, и ты надеюсь, тоже, что всё наладится в мире нашем. Так и будет, вновь рождённый, Макарий?

Макарий, утвердительно кивнул головой и спросил:

– А дальше, то что? Что же станет с вашей обсерваторией и с вами потом? Так и жить здесь, в этой лесной глуши?

– А дальше, будет дальше! Жизнь ведь не стоит на одном месте, где только ты и я, да лес этот вокруг. Мир меняется очень быстро и непредсказуемо, как никогда раньше. Что произойдёт в этом «дальше», ни ты, ни я, знать не можем. Будем надеяться, на чистое и прекрасное будущее. Вот ты явился сюда, разве зная зачем? Сам по своему произволу, или по иному приказу своей души? Ничего не бывает просто так, как видится сначала. Всё это и есть связь наших жизненных сил с творчеством природы.

– Я это чувствую, так же, как и вы, но объяснить себе не могу.

– Не переживай, Макарий, ты здесь не зря! Обдумаешь всё, что и как, и всё в тебя верно и обязательно, образуется. Точно тебе говорю! Смотрина не ошибается! Помни это! – и, улыbnувшись, торжественно добавила:

– Поднимаю за тебя, мой юный друг, это драгоценное волшебство, что налито в наших бокалах и дает нам силу принимать мир таким, как он есть! И, может даже намного лучше, чем он есть на самом деле! – и, легко улыbnувшись, продолжила:

– Теперь, Макарий, я буду тебя внимательно слушать, о блуждании-гулянии по лесам. Как и зачем ты докатился до жизни такой, что тревожишь леса, и людей. То есть, меня в своём одиночестве, да наш обсерваторный, пока отдыхающий мир.

И Смотрина Алексеевна, глотнув вино, тепло взглянула Макарию в глаза и спросила:

– Проникал ли ты, когда-нибудь, в глубину выси небесной, точнее, звёздной? Здесь, в меня одинокой, этого добра хватает, только отсоединись от мира сего и ты там, в неведомой глубине! По тихим ночам, где могут лишь тревожить птицы и мысли, иного и не найти. Вот, что тебя здесь может охватить безвозвратно, Макарий. И так каждую ночь, без твоего согласования с миром этим! Сам является он, даже не спросив разрешения на вход. Это и есть одиночество, вдали от себя подобных. Жизнь, ведь, не вычерпывается, как ложкой, а течёт выданным нам руслом реки времени и обязательств с появления на свет. Вот, здесь, поневоле, становишься философом и оценку даёшь иную, ко всему, что раньше не ценил и никогда не замечал, – и, помолчав, добавила:

– И это есть проза жизни, вдали от цивилизации и прочих нежностей, самая настоящая. Не цена городской, где всё рядышком и не очень просится трудится, – и, встряхнув головой, весело воскликнула:

– А теперь, давай, рассказывай, зачем ты, всё-таки, бродил по лесу, что привидение?

– Жизнь моя, вот так исправляет свои заботы обо мне! – улыbnулся ей Макарий.

– Это же неплохо, когда о тебе заботятся, да ещё и целая жизнь! Ну, что ж, я жду! – и легко улыbnувшись, весело добавила:

– Ты, правда, подожди меня немного, я сейчас, кой-чего, принесу! Ведь, ты праздничный обязан быть в этот день, а может и всегда! Так, ведь? – и по девичьи, выбежала из «ресторанчика».

Макарий, неожиданно для себя, взял со стола карандаш, чистый лист бумаги и рука мгновенно нарисовала восторженную Смотрину Алексеевну. Светлую, с открытым лицом и весёлой озорной улыбкой, как в том лесу! Как при первой встрече, что на заросшей дороге, с объёмом огромной жизни!

Он, с удовольствием взглянул на рисунок, и веки глаз, вдруг начали тяжелеть, и Макарий, устало склонив голову на стол, окунулся в сон. Видимо, сказался вчерашний, трудный день, который и сегодня решил напомнить немного о себе

– Звать тебя, парень, как? – со слезами на глазах, спросила девушка, прижимая к груди рыжую собачку, дрожавшую от холода.

Он, надевая куртку на мокрую рубашку, ей улыbnулся и ответил:

– Так же, как звали раньше! – и, хлюпая мокрыми ботинками по снегу, быстро пошёл в сторону города.

От девушки вослед ему донеслось:

– А меня-то, запомни, запомни, как звать, и навсегда, навсегда, что я и есть твоя О.

Но, Макарий её не дослушал, и поспешил скорее домой.

Мороз был не очень силён, под два-три градуса. Но, заболеть было легко, а это совсем, ни к чему.

«Домой, отогреться под тёплым одеялом и поспать, сколько хватит времени! А времени у меня, теперь, через край!».

Мимо проносились автомобили, обдавая Макария скоростным ветром, с резким обдувом снежка.

Холод, начал пробираться под куртку и в мокрые ботинки, что стали похожие на тяжёлые льдины.

Он, по пути зашёл в магазин, купил бутылку коньяка, пару лимонов и поспешил домой.

Поднялся на свой пятый этаж, вошёл в квартиру и принял тёплый душ. Зашторил окна, в темноте налил полный фужер коньяка и без отрыва выпил до дна. Закусил половинкой лимона и, укутавшись тёплым одеялом, почти упал на диван.

Спал беспробудно, до какой-то, непонятной тревоги.

– Ты, в себя примешь физика, безотказно! – неожиданно твёрдо донеслось из темноты.

– Я не знаю физика: я художник! А ты, кто? Голос твой я слышу, но видеть не могу! Ты, где? Не прячься, и покажись, а то мне не хочется угадывать, где ты, и кто ты есть, на самом деле! Никого здесь нет, никого, а ты естии, будто бы, нет.

– Ты скоро сможешь увидеть самое неведомое, до понимания глубины сотворения всего и вся, что дозволено не многим! Как у вас говорят: на одном пальце, только, пересчитать!

Над иконой Святого Николая светились три огонька. Они, словно разноцветные лампочки, легко пронеслись по комнате и исчезли сквозь закрытое окно, не оставив и следа на стекле.

Темнота, всколыхнулась мелькнувшим светом и окунула его обратно в глубокий сон.

Макарий проснулся и выглянул в окно. Во дворе сияла полноправная весна, в цветении майской величины. Значит, всё это ему приснилось? Но голос звучал очень явственно и чутко, что спутать его со сном, просто, невозможно! А девушка с собачкой? Как её связать с морозом, что обхватывал даже его ботинки? Нет, это был не сон, а настоящая зима, пускай и с небольшим холодком. И вода в реке, которая была уже покрытая тонким льдом, на котором и заигралась эта рыжая собачка, тоже, ведь явь, а не сон! Но, на улице сияет май!

«А девушка-то, была очень уж миловидная, что сердце забилось в таком тревожном стуке, что и поверить в это невозможно! А я, почему так быстро оттуда сбежал?».

Как она пыталась сама прыгнуть на этот тонкий лёд! Слезы текли по её лицу, и тихое, от бессилия всхлипывание, превратилось в плач. А на льду, в рваной полынье, барахталась собачка, скуля от беспомощности и страха. Вот это и заставило Макария взойти на тонкий лёд, который, треснув под ним, окунул в холодную воду, которая обожгла его ужасной резью. Собачку, с прорехи льда он вытащил, но самого ботинки потянули на дно. Всё же, он сумел выбраться на берег и спокойно ушёл домой.

«Так, мой дорогой Макарий! Где мои ботинки, что с мокрой весны находятся на балконе? Но, их там нет, и где же, их мне искать, если даже в квартире найти невозможно?».

Ботинок Макарий не нашёл нигде! Обыскал обе комнаты, но их небыло нигде!

В дверь требовательно постучали, с приправой нелестных слов:

– Ты, что же, скороходы свои бросил ко мне под дверь? Сушить их мне, что ли, предложил? Следов наставил, что враг врагов, а мы-то, люди свои, сами по себе! Понял, сосед, как бы и нет? Ботинки свои заberi и не разбрасывай их по коридору, а то мы их быстро в жадность

мусорки отошлём! Будешь сорить, так мы тебя быстро отсюда, что метлой, выметем, без твоих на то соглашений!

Дверь, грюкнула под ударом чужого кулака и замерла в тишине.

Макарий вышел в коридор и, взяв ботинки в руки, с удивлением заметил, что они действительно были мокрые и, точно, его!..

– Эй, парень! Ты, что же это, опять спать решил, да ещё и в такой необычной позе? Давай, просыпайся в наш день идущий, а то ведь его можно и проспять! И вернуть уж назад, не получится, так что, подъём, для восстановления своих сил!

Макарий, очнувшись, с удивлением взглянул на Смотрину Алексеевну и спросил:

– А где же О, эта девушка с мокрой собачкой? – покрутил вокруг сонной головой, Макарий.

Смотрина Алексеевна, засмеялась и весело ответила:

– Это, видимо, в Антона Павловича Чехова! Там есть, что-то очень похожее, на это, парень! А «О», то это в нашем алфавите, да ещё и в высоком восторге, имеется всегда! Приснилось, значит, тебе невероятное, да очень уж, желаемое, точно, что парейдолия в сонном явлении! Так, ведь, Макарий, из мира не этого, что рядом с нами?

– Видимо, что так! Но, всё же, это было, будто, наяву! А парейдолия, то, что это такое на вкус? Вы, уж, извините меня, за то, что уснул!

– Это, когда желаемое выдаётся за видимую действительность, причём, очень и очень явственно! – и, вдруг, неожиданно, с удивлением воскликнула:

– А это откуда в тебя такое, и точно, что на самом явном явлении? – и взяла рисунок с таким восторгом, что глаза засияли девичьим неудержимым блеском.

– Что это за волшебство? Откуда ты взял это? Из кипы листов, вот из тех, что на столе?

– Нет! Я взял лишь один лист бумаги, остальное-то, вот, из этого карандаша, – и Макарий протянул ей обычный простой карандаш, и добавил:

– Вот, из-за такого я бродил по лесу, пока вас не встретил.

– Ты это вот так сумел? Так ты же – валёр, самый настоящий, валёр! И нет здесь споров, и никаких отговорок!

– А что это такое, валёр?

– Это ценность и достоинство, из французского. Так обычно, слышала где-то, говорят о сильном выражении цвета в картине. Будто, так! Но я ведь не художник, а ты вот, хорош!

– Теперь выходит, что я, Смотрина Алексеевна, виноватая в твоих бродячих шатаниях между деревьев и кустов? Так выходит, Макарий? – и мягко улыбнувшись, добавила:

– А она – красивая! Даже, очень! Вот это я, так я! – и взглянув на рисунок, вновь рассмеялась, звонко и радостно.

– Да! Мне бы такой быть, на самом деле, как вот здесь. Или я такая и есть? – и лукаво указав на рисунок, взмахнула величественно рукой.

– Так, ведь, Макарий? – и с весёлостью подмигнув, спросила:

– Что, влюбился сходу в такую красоту, а, вновь рождённый?

– Да я, вы что, нет, – сконфузился от такого вопроса Макарий.

– Не переживай, мой новый друг, я для тебя уже в годах. Не просить же Землю полететь назад, вокруг Солнца в обратную сторону, ради меня? Ей это зачем? Чтобы мне сбросить несколько лет? Да и муж у меня имеется, или я у него? Но он сейчас очень далеко, расскажу, как-нибудь, под настроение.

– А вы этой обсерваторией руководите, Смотрина Алексеевна?

– Я, Макарий, здесь не начальник и не командующий, а старший научный сотрудник. А вот, по защите нашей собственной безопасности, то здесь я целый, что ни есть, генералиссимус! Вот я и стою на защите нашего взгляда в небеса, пока сотрудники наши в разъездах. Мир

нашка чаётся сейчас по неизвестности, что и не знаешь, что станет с будущим днём. Но, мы же с тобой, молодцы! Так ведь рисуется тебе образ будущего: сильного и чистого, а, валёр?

– Он рисуется мне с самых незапамятных времён, и шагаю я к нему, почти что топтанием на одном месте.

– Раз шагаешь, то уже это хорошо! Нет застоя в пути, и мыслью охватишь всё то, что ногами не сможешь пройти! Но это я тебе свою прелюдию, почти, что в шутку, а ты мне теперь давай свою увертюру и симфонию. И всю, без ограничений! Сколько сможешь и сумеешь мне донести, без конфуза и пряностей.

Со двора донесся громкий и мощный требовательный лай собаки.

– Вот, явился наш пропащий гуляка. Защитник мой и надёжный друг, что среди людей сейчас редкость. Это он просится войти. Пойду, открою дверь. Ты не бойся его, а будь внимателен и правдив. Он это понимает прекрасно.

– Звать его, Берлиоз! Как музыка Берлиоза: сильная, громкая и необычная. Вы с ним обязательно подружитесь. Мы его все зовём просто: наш Берли.

Дверь надёжно хлопнула, и в комнату вошёл, выше средней величины, пёс. Чёрный и сильный, с упругими лапами и внимательными тёмными глазами. Он пристально взглянул на Макария, обошёл вокруг него и присел перед ним.

– Да! Вот это, да! Вот так защитник! С ним справиться невозможно, – и, чтобы показать, что и он знает о Берлиозе, Макарий добавил:

– Только, вот, он чёрный, а Берлиоз был рыжим, как его звали ещё, рыжий чёрт.

– Чёрт не чёрт, а с волками он справляется отлично! Бывали здесь, эти «гости», теперь их нет совсем. А Берли, можешь погладить. Он тебя принял и понял, что ты ему свой, – и, потрепав пса за холку, добавила:

– Ну, что, Берли, познакомился с новым другом, теперь беги и наслаждайся своим летом, – и выпустила пса из домика.

– Да! Вот тебе подарок от нас с Берли и от всего нашего коллектива, который ушёл в непонятный отпуск, до лучших времён. Держи! – и Смотрина Алексеевна подала Макарию бинокль в чёрном кожаном футляре.

– Он тебе будет верным смотрителем в звёздное небо для познания миров и своих чувств. Он мне достался от отца, которого уже нет давно. Пользуйся и помни, что далёкое – есть близкое, как чувство любви. Расстояний, нет никаких! Они в тебе соединены единым целым, с началом всего. Ну, вот, что-то меня опять заносит в какую-то далёкую даль. Видимо, от вина кагорного и церковного? Как ты думаешь, а, Макарий? – и вновь, звонко засмеялась.

– Я, не знаю об этом, но вдаль здесь взглянуть можно, только в глубины себя, если, конечно, бинокля не иметь! Спасибо вам, Смотрина Алексеевна, за такой подарок! Очень благодарен я вам за него, и как-то, уж, очень и очень, это для меня необычно!

– Вот, теперь и хорошо, что очень: смотри в эту даль, что вглубь себя, и находи всё то, что необходимо для созидания времён! Что сумеешь найти, в этом сомнений нет. Я вот здесь, сколько уже в молчанье одна? Не сосчитать: ни в днях, ни в мирах, ни в звёздах! Вот и радуюсь я тебе, Макарий, что рядом живая душа и к тому же, я думаю, прекрасная и чистая! – вопрошительно взглянула на него, Смотрина Алексеевна.

– Я себя никогда ещё не хвалил и знаю одно: хвалить себя, это удел самовлюблённых и заносчивых людей, что по жизни ещё не прошли, а так, бахвальство перед другими, такими же, как он сам.

– Ты прав, Макарий, в этом, совершенно прав! И по лесу ты блудил, видимо, не от тоски, не для бахвальства, как я думаю. Ты не тревожься, что я хожу словами по грани! Я давно уже сама грань! Звёзды, это величайшее творение природы, но этого мало человеку в одиночестве. Вот, ты и есть моё спасение от этого жадного уединения, глотающего жизнь без остатка и надежду на будущее.

Макарий задумчиво молчал, и не знал, о чём с ней можно говорить. О своей Затворке, о тех неожиданных людях, что принесли беду своим появлением, или, о чём ещё, неведомом?

– Ой! Да, что же это я всё о себе! Хватит! Давай своё повествование обо всём, что болит и тревожит твоё «я». А на мой смех не обращай внимания. Это я от радости, что не одна теперь здесь, и могу жить безупречно, и вечно, как в лучшие времена! Ты согласен с этим, мой новоявленный друг, Макарий?

Макарий, склонил голову на грудь и, вытерев глаза, ей не ответил.

– Что молчишь, как атмосферное диво облаков в ясную погоду? Ответа не требуется? И так я вижу, что ты человек чистый, верный, как лес вокруг и безоблачный. Но, глаза-то, твои глаза говорят, что и тебе бывает порой нелегко, даже и в ясную погоду! Так, ведь?

– Смотрина Алексеевна! Что мне говорить вам, когда вот вино в руке. Может, не то скажу, или не так вы поймёте?

– Пойму, Макарий, пойму! И ещё как пойму! Я ведь живу здесь в тонком обособленном мире, где неявное, вдруг, становится явным. И то, что ты откуда-то убежал, или от кого-то, я тоже пойму. Не переживай, а давай, начинай свою повесть.

Кагор больше не сластил Макария, а был горьковатым, как его рассказ о своей жизни. Как жилось в прошлом, и что он ожидает в будущем, он окончить не успел.

Со двора донёся резкий шум автомобиля и несколько ружейных выстрелов. Мелькнула перед окном милицмейская машина и остановилась посреди селения.

– Кто это так приехал, с войной, что ли? – прошептала горячо Смотрина Алексеевна.

– Ты, Макарий, пока спрячься в другую комнату, а я узнаю, кто это так бесцеремонно прибыл с выстрелами. Да! Там, под кроватью ружьё и карабин, на всякий случай. Смотри: они заряжены и могут выстрелить. Будь аккуратен и держи их наготове. Но, это, если что! Ты понял? Да не робей, а держи ухо востро и слушай! Там есть маленькое окошко, оно открывается, так что посматривай и мгновенно принимай решения.

– Что, мне оружие взять и начать стрелять по людям? Разве такое возможно в это мирное время?

– Парень, здесь возможно многое: запомни! Да и мир сейчас не такой как был раньше. Ты, в армии служил и умеешь обращаться с оружием?

– В армии я был и этому научен, но, там армия, а здесь гражданка, разница, то есть!

– Ты не бойся гражданка. Здесь, может, похлеще, чем в армии на отдыхе, так, что слушай меня и внимательно! Шутить у нас времени нет! Стреляй сначала в ноги, но прежде, дай один предупредительный в воздух! Так положено, а там действуй по ситуации. Уже бывали здесь всякие «безоглядки»: разная дрянь и муть. Жаль, что Берли наш в разгуле по лесу, он их бы удержал на время, – твёрдо сказала Смотрина Алексеевна и, сжав губы, вышла из «ресторанчика» во двор.

Макарий быстро вошёл в маленькую комнату, нашёл под кроватью карабин и тихо приоткрыл единственное маленькое оконце. Возле милицмейской машины стояло двое гражданских людей и один в майорских погонах.

Смотрина Алексеевна подошла к этой группе и нарочито громко спросила:

– Ну, и кто вы? Почему стреляете в запретном месте? Что происходит? Беспредельничать никому здесь нельзя, и никогда!

Майор, видимо здесь главный этой команды, примирительно взглянул на Смотрину Алексеевну и уверенно сказал:

– Я начальник уголовного розыска районной милиции и у меня имеются сведения, что здесь есть разрушения, этой самой обсерватории. И прибыли мы сюда, чтобы посмотреть, есть ли это на самом деле? Слухи ходят, что обсерватории больше нет и всё брошено в развал, и навсегда. Ну, а выстрелы, то прошу простить, это по пути от радости свободы лесной. Заси-

делись мы в своих кабинетах и заседаниях. Вот и решили проехать к вашим обсерваторным краям. Проверить слухи и уточнить их достоверность.

– Слухи свои оставьте для иных слухов, а здесь их не слушают, и слушать времени нет! Как и нет желаний лицезреть ваши незваные лица: кто, откуда, зачем и по какому поводу к нам?

– Мы званые, да ещё как! Для этого мы и прибыли сюда, чтобы никто и нигде не задавался вопросом, о существовании обсерватории! – и поглядев на своих спутников, продолжил:

– Вот, знакомьтесь! Это, корреспондент из «Горизонта» Сорокин. А это, из «Местной газеты», Верхоглядов. Они хотят осветить в прессе нацеленность и действенность науки в глубинке страны. Надеемся, что с вашей помощью мы это поймём.

– Так сказать, открытая замочная скважина? Так, что ли? Молодцы! У нас и без вас хватает забот. Зачем же нам и ваше внимание, когда вы есть «гости» незваные. Я никого сюда не звала, не приглашала и не просила. Нахожусь я здесь на государственной службе и под неё защитой. Так, что прошу предъявить мне документы и разрешение стрелять в научном пункте, без необходимых оснований. Вы держите в своих руках ружья, когда перед вами женщина одна и мирная. Но, знайте! Я здесь – власть: и губернатор, и президент, и всё вместе! И стрелять, и уничтожать живность, никому не позволю! Здесь на это имеется полный запрет! И его обязаны исполнять все, несмотря на цвет автомобилей и широту погон. Так, что прошу, именем закона покинуть нашу территорию, но прежде предъявив документы личности! Всем! Читать, видимо, ещё умеете? На въезде большими буквами написано:

**ПОСТОРОННИМ ВХОД-ВЪЕЗД БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ
ВОСПРЕЩЁН!**

– Мы сейчас вам предъявим наши удостоверения, но, я вас спрошу: вы Смотрина Алексеевна? Так, ведь, точнее и быть не может?

– У меня другого имени нет! И менять его не собираюсь, никогда! Это вы приехали сюда спросить меня об этом? В такую лесную даль?

– Вот вам имеется письмо от руководителя нашего района. Просил вам лично доставить, если вы ещё находитесь здесь, – сказал майор и, подав большой закрытый конверт, с твёрдой улыбкой, добавил:

– Что в письме я не знаю, но думаю, что хорошее. Он о вас отзывался прекрасно и уважительно, что неудивительно, взглянув на вас.

– Но, но! Майор! Я повода вам не давала никакого, чтобы со мной, вот так вот, с лёгкой иронией и флиртом вести разговор.

Макарию слышно было всё, что говорилось и виделось, без ограничений. Руки, державшие карабин, чуть дрожали, а сердце стучало давно забытым армейским стуком. Так было, когда он впервые прицелился в человека, пусть, даже, врага. Он ярко вспомнил эту тревожную команду: стреляй! Стреляй, или застрелять тебя и – всё! Он тогда не выстрелил.

Перед глазами вновь возник этот миражный и грязный немирности день, что жёстко изменил его судьбу.

Он, Макарий, тогда выстрелить так и не смог. Не смог пересилить тошноту и страх перед убийством человека.

Теперь, вот, ситуация повторяется, но в ином обличье. Голова закружилась, затуманилась. В глазах замаячили, какие-то тени, запрыгали в прицеле карабина, как черти в жутком хороводе. Вновь, застучали копыта, засверкали забытые огни и вспышки, сдавило тисками голову, и он нажал на курок.

Пуля пробила майору планшет, никого больше не задев, но испугала выстрелом всё эту «команду», распластав её по обсерваторной мирной земле.

Стоять осталась лишь одна Смотрина Алексеевна, посреди этой картины дня.

– Что, вам ещё не ясно? Документы предъявить прошу повторно! Надеюсь, что повторять не придётся? – и жёстко улыбнувшись, добавила:

– Вставайте «гости» наши дорогие и незваные! Не бойтесь! Это защитный комплекс сработал, от неожиданных неприятностей. Там много кто есть, но выстрелов больше не будет, если вы их не попросите! Прошу всем встать и стоять передо мной, отвечая на вопросы: кто вы на самом деле и что вам надо от нашей обсерватории?

– Это же корреспондент из «Горизонта», а это из «Местной газеты», тяжело выдавил лежащий на траве майор и хрипло добавил:

– Вы нас, Смотрина Алексеевна, встретили очень приятно, запоминающе и дружелюбно. Я этого вам не забуду и когда-нибудь скажу огромное спасибо! С любовью и величайшим почтением.

– Тихо и спокойно, пугать не надо! Следующая пуля будет не в планшет, а в плохо думающую вашу мысль, без разговоров и возражений! И не забудьте, майор, больше не становится на путь неисправимый! Пока не поздно! Или уже опоздали? Да? Ну, то мне не сюрприз, а обыкновенная явность.

– Ну, что, майоры и герои нашего времени? Надеюсь, что вы всё поняли? Документы, как говорят небесные силы, подать в развёрнутом виде и поодиночке! Жду, очень я жду! И положить их на нашу родную траву, подальше от греха, – твёрдо и сильно выкрикнула им Смотрина Алексеевна.

Макарий понял, что это сказано ему, чтобы он услышал и держал всю эту компанию на прицеле, и стрелять, если что, как было сказано раньше.

Майор, всё так же, как и остальные «гости», лежал на спорыше, молча и неподвижно.

Первым поднялся и бросил на траву, какую-то корочку из «Горизонта», туда же и помповое ружьё. Второй, что из «Местной газеты», встал следом за ним, тоже швырнул туда же своё ружьё и удостоверение. Оба неуверенно затоптались перед Смотриной Алексеевной, показывая своим видом растерянное неудовольствие.

Майор, тоже встал, отряхнулся и, криво улыбаясь, натянуто пошутил:

– Да, вас я бы взял к себе в уголовный розыск, без всяких на то проверок и волокит.

– Я сказала: отвечать поодиночке, кто, как и зачем здесь? А там посмотрим, что дальше с вами делать.

Неожиданно, из-за кустов калины выскочил Берли. Видимо, услышал выстрелы и примчался на помощь. Твёрдый в своём напряжении и мощный своим видом, он угрожающе зарычал и рванулся к майору.

– Берли! Фу! Не трогать, пока не трогать! Ну, если что, то, тогда! – и улыбнулась!

«Какая же, всё-таки, эта женщина духом сильная! Да! Вот, такая. А я вот выстрелил, да ещё в милиционера».

Стойкой и неумолимой она виделась Макарию из окошка. У него ещё дрожали руки от выстрела, от непонятого напряжения: ведь выстрел был неожиданный для него самого.

– Вот, что я вам сейчас скажу, незваные люди. Или, кто вы на самом деле! Больше никогда, ни при каких обстоятельствах, сюда не появляйтесь. Мы защитим всегда своё дело и жизнь, кто бы нам ни угрожал. Невзирая на любые удостоверения и чины. Мы – люди Вселенной и государства, так что не дадим здесь произвольничать, никому! А начальника уголовного розыска района я знаю лично. То это, уж, никак не вы, человек с погонями майора. И я думаю, что эти корреспонденты, такие же корреспонденты, как вы майор.

– Вот, что, Смотрина Алексеевна! Вы, видимо, ещё не ознакомлены с тем, что в районной милиции новый начальник, уже целую неделю. Вот, так! Я тоже, как говориться, новый. Документ я сейчас покажу, как вы говорите, в развёрнутом виде. Правда, из моих рук. За выстрел в милиционера, есть уголовная ответственность. Думаю, что вы об этом знаете сами, не хуже меня, без утверждений. Мы сейчас покинем это негостеприимное место, убедившись, что обсерватория не закрыта, – и майор, кивнул головой своим попутчикам, пошёл к милицмейской машине.

– Ружья, заберите! Чужого нам не надо! Но, в разряженном виде, – жёстко бросила им Смотрина Алексеевна и, разрядив ружья, окинула эту «команду» испытующим взглядом.

Тот, что из «Горизонта», вернулся и взял под мышку ружья, удостоверения и унёс в салон автомобиля, оставив патроны и письмо на траве.

Милицейский «уазик», заурчав, лихо взревел и унёсся, мелькнув, напоследок, своим жёлтым истрёпанным видом.

Макарий, выскочил из «ресторанчика», держа карабин наизготовке перед собой, чтобы защитить от всех и вся, кто ещё посягнёт на обсерваторный мир.

Смотрина Алексеевна сидела на траве, обхватив ладонями лицо, и хохотала на весь лес.

– Ты видел, как они дёрнули отсюда? А? Видел? И всё ты слышал? Ой, немогу! Хочется смеяться, до слёз. Так что готовимся к военной защите, Макарий! Ты меня понял, мой друг? Это не милиционер и не корреспонденты, а бывалые и ушлые негодяи.

Слёзы текли по лицу Смотрины Алексеевны, но хохот её был, неудержим!

– Это же Венька, Венеамин Бычков! Мой бывший одноклассник и почти что сосед, правда, из той былой жизни, что где-то за обочиной осталась, между раздвоенных дорог. Ой, немогу, Макарий! Да останови же мой этот дикий, неудержимый смех! – и, немного успокоившись, добавила:

– Молодец, что стрельнул в этого мерзавца, пусть даже мимо, по планшету. Он должен об этом знать, что здесь защита надёжная и спуску ему не будет. Но я не уверена, что он не вернётся. Этот, Веня-Феня, как его в школе называли, большой и очень большой негодяй.

– Но, предупредительный я дать не успел!

– И так, всё нормально: выдержали же этих негодяев! А теперь идём и продолжим наш праздник: он всё же есть и никем ещё не отменён.

– Окошко необходимо закрыть! Карабин и ружьё держать всегда под рукой, в заряженном виде. Этот мерзавец, точно, вернётся! Уж, если попытался что-то захватить, то никогда не отступит. Сегодня, едва ли, а, вот, через день-два, надо их ожидать.

– «Гости» там, «гости» здесь. Когда это всё закончится? – вслух себе вымолвил Макарий.

– Ты о ком это? О тех несостоявшихся захватчиках, что мелькнули жёлтым автомобилем? Да они и живут всякой этой заразой: украсть, отнять, добыть, или добить неугодных людей, что мешают ихним целям. Для этого ума много не надо! Этот, Веня-Феня, болтался по тюрьмам, как по родным домам. Гадливый человек, и многое сходит, почему-то, с его поганых рук. Но мы ведь с тобой молодцы! Так ли, Макарий? Нет сожаления, что занесло тебя в наше обсерваторное место?

– Что вы, Смотрина Алексеевна! Я вернулся в себя от этой растерянности, что гналась по лесам и кустам. Мы постоим за себя и за всех! Кстати: а где, теперь, ваш Сметливый? Берли, вот, перед нами, настрожен, как воин перед боевым наступлением.

– Наш Сметливый, Макарий, и Берли, тоже наш. Теперь мы все одна семья, в защите от посягателей и мерзавцев. Значения никакого нет между нами: единство и ещё раз единство! – и вскинув кулак вверх, улыбнувшись, добавила:

– Вот, так только и надо нам всем жить! А Сметливый находится на поляне с густой и полезной травой, возле ручья.

– Смотрина Алексеевна! Конверт они-то оставили на траве, надо бы его прочесть, что находится в нём? Может и что-то хорошее находится там? Патроны, тоже бы надо забрать! – и Макарий поднял брошенный серосиний пакет, опечатанный контрольной лентой, так же патроны и подал их Смотрине Алексеевне.

В конверте лежало письмо и плотная пачка «зелёных» денег.

– Чушь, собачья, а не письмо! Прости меня, мой друг, за такие слова, но, это писал не глава района! Жаль, что я отвезла в ремонт нашу радиостанцию: узнать, теперь, как? А деньги надо нам припрятать: в такой ситуации они будут не лишними. А письмо вслух, даже читать

не хочу! Сам понимаешь, о чём! Чтобы я отдала всю документацию и подписала эту бумагу, где написано о закрытии обсерватории и передача всего имущества этим негодяям.

– Вот так, Макарий, мне приходится жить в этом замирском мире, где и ты находишься теперь. Не одни так другие нагрянут сюда в надежде лёгкой наживы. Так и хочется этой «нелюди», что-то схватить, прикарманить, пока в стране происходит непонятно что. Да чего уж тут и говорить: ты сам всё это прекрасно понимаешь.

– Понимаю, но, не совсем! Прошла перестройка и должно бы жить стране лучше. Я в далёкой своей Затворке политикой не увлекался, да и сей час, она от понимания далека.

– Жизнь, Макарий, заставит и политикой заниматься, видеть невидимое вокруг себя и других, что даже об этом спрашивать тебя, об этом ей не придётся! – и улыбкой смахнув с лица горечь, бодро воскликнула:

– Мы, ведь, с тобою обсерваторные, а значит, вселенские! И нам всё по плечу! И какие то, насюки чужаков нам не страшны! Так и должно быть в нашей жизни: бесспорно, верно и чётко, так я думаю, Макарий!

– Как хочется верить, что всё это не навсегда, а только, лишь, чуть-чуть, вздохнул неуверенно Макарий, входя в бревенчатый «ресторанчик».

– Ну, что тебе сказать, мой друг, если сейчас в стране идут перемены и куда они нас всех заведут, то богу известно. А мы не хотим худшего, никому: ни ты, ни я! Да и жизнь поиском найдёт лучшее: надеяться надо всегда и без остановки! Вот, только так, мой друг, Макарий!

Кагор был налит в стаканы праздника, но пряталась по углам, какая-то неведомая взвесь тревоги. Это Макарий явно чувствовал и, проглотив напиток до дна, спросил:

– Что же мы теперь будем делать, после этого дикого вторжения?

– Что? – задумчиво спросила Смотрина Алексеевна и туманно ответила:

– Это всё, что вокруг, бред ненужности, так сказать: решето без чудес. Как будто, это и есть крикливая тишина, бьющая в моё сознание неуязвимой постоянностью. И в этой тишине, я болтаюсь в поиске удовлетворяющей жизни. Теперь, оказывается, что я не одинокая в этом. Ты, ведь, тоже в поиске, Макарий? Так ведь? И не надо нам синдрома «егора»! Мы выстоим с тобой до верных и настоящих времён!

– Что значит, синдрома Егора?

– Это, когда обманывают всех и вся, без всяких на то причин и наваждений, то есть, объегорить!

– Егор Егору, то не рад! Он для обмана не уклад! Для этих правд, мы свет зажжём, чтоб осветить их мрачность днём!

– Это, что ты выдал в застолье наше?

– Само напросилось, видимо, тоже, захотелось к нам быть поближе! – улыбнулся Макарий.

– Вот, вот, и я об этом: завтра, с утра, пойдём, через болото на остров. Там есть пещера: Тёщина Пазуха. Спрячем в неё все необходимые припасы, на всякий непредвиденный случай. Но, это, если Мефодий не придёт. Сегодня его день, число, и он должен скоро быть здесь, в меня. Он знает, что я уехала в район и привезти должна его личный заказ.

– Какой заказ, Смотрина Алексеевна?

– Это, Макарий, свечи! Церковные, намоленные восковые свечи! Мефодий этот, уж, очень верующий человек. Сколько ему лет, он точно и сам не знает, но мудрый и чувственный до всего что происходит. Он единственный остался проживать в диком лесу, из бывшего рядом хуторка.

– Свечи, восковые свечи! Обгорели мира плечи! Голова осталась жить! Как теперь нам с этим быть?

– Ты, что Макарий, стихами, так неожиданно, как будто, сам из себя? Так, что ли, можешь?

– Бывает, Смотрина Алексеевна, но, не всегда, а когда желание вскинет свой взгляд на меня!

– Да, ты парень, что подарок! И чем же ещё сможешь удивить наш мир обсерваторный? Ну, не стану смущать твою рифму: пускай созидаёт в своём созидании! А, о Мефодии, то скажу так: будем его ожидать, а не придёт, то мы сами к нему поедём на нашем гужевом транспорте. Но, это если сегодня не придёт Мефодий. Я всегда держу слово, он тоже. Ты, тоже, такой, Макарий?

– Стараюсь, быть таким, по возможности.

– Ну и многим ты, как мне, рисовал невероятную красоту? Или, только я одна имею такое волшебство? – удивлённо рассматривая рисунок, спросила Смотрина Алексеевна.

– Да, бывало, что и рисовал других! Я ведь и в армии рисовал, так, в помощь заставе.

– Ты что, служил в пограничных войсках? Там сила нужна и выносливость? Так, ведь?

– Нужна, куда же, без этого. Она везде нужна, эта сила, – ответил Макарий и почувствовал нахлынувшую боль. Он, вновь, вспомнил, её, эту, забываемую боль.

Маленькая и хрупкая девушка, одетая в солдатскую форму, восхищалась своей стройной сдержанностью. На солдатские ухаживания она отговаривалась шуткой, или загадочной улыбкой. Был в неё, говорили, какой-то, ушедший на «дембель» солдат. Но она, почему-то, осталась одна, здесь, на заставе. Солдаты любили тронуть её словами о жизни, с весёлым и показушным озорством, перед нарядом на границу.

И Макарий, как и все те, с небольшой запинкой и с натянутой небрежностью, спросил проходящую мимо Галину:

– Как жизнь, Галина? Малина?

Она, неожиданно подошла к нему и, внимательно заглянув в глаза, тихо прошептала:

– Я, Галиночка, и жизнь моя совсем не малиночка! Ты ведь лучше всех этих, так зачем же и ты так ко мне?

Макарий сжался в себе, словно ёжик от прикосновения палки и, глотая слова, пролепетал:

– Да не хотел я этого, не хотел. Ты, ты – и, растерявшись, машинально смахнул набежавшие на глаза неуправляемые капли.

– Это ты меня нарисовал на стену почёта, такую, что и богине станет завидно? Ты? Чего это, вдруг, стеснительно смолк? Вот тебе и малина, а сам-то, в слезах, – и улыбнулась, по-детски засияв глазами.

– Ты мне лучше скажи привет, и я отвечу тем же. Ты же не такой, как все остальные, так зачем же их копировать и себя менять? – и, улыбнувшись, прошептала «привет!», и с веселостью, добавила:

– Я бы за таким как ты, да хоть на край света и без оглядки! Только, вот, зачем нам тот край света, когда и этот не плох! – и нежно провела маленькой ладошкой по лицу Макария.

Ушла она, маленькая, но большая в своей независимости и невиноватая, ни в чём.

Под утро, заставу подняли по тревоге в «ружьё». Группа моджахедов прорывалась через таджикскую границу.

Где-то двести вооружённых бандитов, с криками «аллах ах бар», без разбора стреляя во все стороны, убивая всех, кто попадался на бегу.

Всё это вспомнилось Макарию, жёстко и явно. Лейтенант Градов, простреленный автоматной очередью, лежал неподалёку, еле шевелясь, но в сознании.

Бой стонал ужасный и неровный. Застава держалась из последних сил, но не пропускала сквозь себя чужаков.

Макарий был словно парализованный от этой, невидимой до этого, жестокой бойни. Он лежал за большим камнем, но выстрелить в чужаков не мог. Будто скрутила пальцы, какая-то

неведомая сила, и не позволяла ему нажать на курок. Целился, заставлял себя, но выстрелить ни как не удавалось, в этих, чужих людей, с другой стороны границы.

Раненный лейтенант, зло и через силу, преодолевая боль, крикнул:

– Да стреляй же, чёрт бы тебя побрал! Что, заклинило? Очнись!

Он успел ещё раз крикнуть Макарию:

– Стреляй же! Или они застрелят тебя, не жалея!

Но он, Макарий, тогда не выстрелил. Стрельнуть в человека впервые оказалось совсем не так просто. И один из убежавших моджахедов, будто подтверждая слова лейтенанта, развернулся и бросил гранату. Макарий, отчуждённо и безразлично подумал: «Ну, вот, теперь и всё!». Но, кто-то, метнулся, прыгнул, навалившись на Макария маленьким и худеньким телом, накрыл его от взрыва. И он, теряя сознание, успел услышать, как девичьи губы, целуя, со стоном прошептали:

– Ой, Макарийчик ты мой! Я к тебе поближе хочу, навсегда! Ты мне очень и очень люб, не покидай меня совсем.

Их нашли после боя, обнявшихся, в запекшейся общей кровавой луже, не подающих никаких признаков жизни.

Три месяца врачи боролись за жизнь Макария, и он выжил. Выкарабкался из этих ранений и контузий, но службе в армии был наложен запрет. Галину спасти не удалось. Её сняли с Макария, ещё тёплую, но не возвратную к жизни.

Увезли её на Алтай, на родину и схоронили со всеми почестями, как подобает героям.

Могилу Галинки он посетил, добираясь в алтайские края на перекладных, как сквозь туман и боль.

Никто с ним общаться в селе не желал, кроме единственного брата Славика. Да и тот, видимо, по чьей-то команде, нехотя общался с ним. Остальные, смотрели искоса и уходили прочь, не удостоив его даже кивком головы.

Этот, двоюродный брат Галинки, на вид не был зол и понимал Макария больше других односельчан. Он отвёл Макария за край села, на заросший погост, где высился металлический памятник Галинке.

– Вот, она, твоя и наша Галя! Вот, что принесла ей жизнь: пока что – вечность. Вот, такую, в оградке и в железе. Медаль ей дали, но она об этом не знает! А ты знаешь, или нет?

– Нет, никто мне об этом не сказал, – тихо прошептал Макарий, и добавил:

– Давай, помолчим! Я к ней приехал навестить.

– Ну, что ж, давай, помолчим. Но, тебе советую: поскорее помолчи и уезжай отсюда. Очень и очень на тебя недовольные наши жители. В гибели Галинки виновен ведь ты! Пусть, и произвольно. Но, всёравно, этого у нас никто не любит. Так что, помолчи, поговори, и навсегда отсюда, прощайся.

Макарий, жёстко стиснув зубы, ответил:

– Я ведь сказал, что приехал к ней, а не к тебе, и не к другим!

Он подошёл к этому странномуobelisku, прижался губами к зелёной краске металла, стал на колени перед ним и, взяв полную горсть земли, всыпал себе в карман.

И громко, не стесняясь Славика, сказал:

– Здравствуй Галинка! Вот мы вновь встретились! Прости, что так вышло у нас недолговечно. Не надо было тебе так ко мне, с таким вот прыжком. Не надо было!..

Заволокло серым дымом небо, застонало, загрохотало над погостом. То ли кресты, наклонившись, устали нести свою службу и просят от могил уйти, то ли что-то неведомое вновь пробудилось в Макария.

Пошёл крупный густой дождь, словно омывающий слезами память и скорбь, что тучами нависли над этим погостом.

– Уходить тебе надо отсюда: не возвращайся в наше село! Здесь у нас на род горячий! Сначала бьют, а потом, даже не жалеют, – вежливо помолчав, сказал Славик и добавил:

– Здесь знают все, как погибла Галинка и почему. Закрыла она тебя собой! Незачем было тебе сюда приезжать, не к чему. Её здесь все любили и уважали: военная ведь была, к тому же, ещё и медсестра. А у нас это очень значимо и весомо, – и вздохнув, тяжело спросил:

– И много ты с ней встречался?

– Мы были знакомы, но, издали. Застава, ведь, не город. А говорили мы с ней всего один раз, возле нашего штаба. Минут десять, а может, и меньше.

– Что, и всё? Ты парень мне глаза не заливай своей болтовнёй! Как это, один раз? И то, всего лишь поговорил? Не смеши!

– А второй раз мы встретились наедине, вот, тогда, когда нас гранатой, и всё. Как было, так и было. А она, очень настоящая была, и есть, и будет! – выдавил из себя Макарий.

– Да ты парень, чудак! В такую даль махнул, вот так чудак! От скуки, что ли?

– Не поймёшь ты меня, не поймёшь. Да и зачем тебе это? Наше всё это с ней! Она, с тех пор, живёт во мне!

– Но, всё равно, уходи скорее! Вот, этой просекой выйдешь на трассу, а там попуткой до Барнаула. Не к чему из-за тебя нам грех на душу брать. Да и ты-то, ведь, не виноват в гибели Галинки. Но, так вот, всё сложилось. А за портрет, спасибо! Это ещё, может, сдержало наших жителей: он теперь в нашем Доме культуры на самом почётном месте, – и горько вздохнув, Славик, добавил:

– Дождь прошёл, нас умыл, вот и всё! Так, что парень, давай, уходи и нас больше никогда не тревожь! Забудь! Вырви из себя всё это! – и резво повернулся, ушёл в свой алтайский край. И уже, издали, крикнул:

– А мы-то, совсем не страшные и не ужасные! Мы сейчас в горе! Не поминай нас лихом!..

Всё это вновь пронеслось тысячный раз в его памяти. И вновь, и вновь, загудели какие-то звуки, забормотали чужие голоса. Затревожили громкие взрывы, солёный поцелуй и девичий стон из тёплых губ, уходящий за пределы душии воли.

Он вышел во двор, где стояла винтовая лестница в небо. То ли каланча, то ли вышка.

На самой верхушке этой лестницы в небо, имелась маленькая площадка и столик с лавочкой. Видимо для наблюдения неба. Звёзды с грустью за глядывали в его растревоженную душу, но успокоить не могли.

– Эй, уснувший! Просыпайся! Уже утро! Что ты там пробрёл: сердце неба? Или сбегал за край Вселенной посмотреть, как там поживают иные? Спускайся из объятий сонности, по этой винтовой вертикали. Пора продолжать наш жизненный цикл, где мы ещё с тобой, далеко совсем не такие и плохие!

Макарий осмотрелся: какая же ширь вокруг! Величие и красота бесконечных зелёных лесов, куда не кинешь взгляд! Вот где величие мира всего! Но от неожиданности вздрогнул и крикнул, срывающим голосом:

– Ух! Смотрина Алексеевна! К нам едут какие-то две машины. Далеко ещё, но видимо, это к нам. Дорога-то всего одна.

– Цветом, они какие? Та же жёлтая там есть, или нет? Значит, всё-таки, решил этот Венья! Спускайся быстрее: надо с честью встретить этот сброд, иначе нам никак нельзя!

– Цвет никак не разобрать! Далеко ведь, а бинокль я не взял. Но, кажется, что они серые. Макарий, быстро спустился вниз и выдохнул Смотрине Алексеевне:

– Ну, что, я за оружием побегу, так, ведь?

– Иного нам и не дано, как защищать свою жизнь и обсерваторию. Давай, быстро беги и всё носи сюда, вот, за те кусты калины. Заляжем там и посмотрим, что это ещё к нам за «гостей» судьба несёт.

Калина, над головами уже покраснела, веяла спокойствием и верою леса.

Въехало два автомобиля, медленно продвигаясь к центру селения. Для них, видимо, закрытые ворота не стали большой преградой. И надпись, что въезд без разрешения запрещён, тоже, не помеха.

Не спеша, из этих «уазиков», выbralось несколько разных по годам людей.

– О! Смотрина Алексеевна! Да это ж тот, что картины мои забрал, будто бы, для народа. Вот, где я этого гада встретил! Что ему и здесь надо? Не за мною ли сюда прибыл? И, как тогда, совсем не один!

– Не знаю, Макарий, но хочу узнать. Я сейчас к ним схожу и спрошу об этом, что им здесь всё-таки надо. А ты, как тогда, держи всю эту неясность на прицеле. И стреляй, не жалея карабин. Он верный, наш карабин и жёсткий, до безвозврата. Шестеро, кажется этих неясных и, похоже, что это не альтруисты.

– А, вот, ещё один, какой-то, небольшого роста, идёт к ним. Теперь их уже стало семь.

– Да это же Мефодий! Куда же он идёт! Прямо в лапы этих неизвестных.

Как же его остановить? Придётся идти мне к этой дряни и решать всё это.

Ты держи их всех на прицеле! И стреляй без всяких, на то, предупреждений. Здесь решается: жить нам всем, или, погибнуть. Иного я не вижу! Патронов хватит на их всех! Да и ружьё периодически применяй, для устрашения. Пускай думают, что здесь несколько человек. Ну, а что со мною, то все документы спрятаны возле Сметливого, в термосе! Найдёшь и никому, кроме наших, если конечно они вернуться, не отдавай. Ну, с богом и верой, что всё обойдётся! Я пошла! А ты решай за всех нас всё сам! На тебе теперь лежат наши с Мефодием жизни и судьба об обсерватории.

– Хорошо, я постараюсь их всех держать на прицеле, не сомневайтесь!

– И ещё: появится Берли, держи при себе. Могут эти неясные пристрелить: я чувствую, что могут. Ну, с богом и спокойствием! – и Смотрина Алексеевна, вышла из-за кустов калины и не спеша направилась к этим неведомым «гостям», успев на ходу, добавить:

– Если сумею, то я тебе подам знак: большой палец – вниз! Это, если очень будет худо, ну, а если всё в норме, то большой палец – вверх! Ты не высовывайся сильно, чтобы не заметили раньше. Прячься и меняй дислокацию! Ты, ведь, боец и это обязан уметь! – и твёрдо шагнула к «ресторанчику».

Вся эта кучка настороженно вглядывалась в домики и сараи, как будто бы, выискивая там тревогу, или кого-то, опасного и сильного. Оружия при них Макарий пока не заметил.

– Эй, вы! Не туда направили свои взоры! Я – здесь! Но, это если вы прибыли лично ко мне, то я вас слушаю! А если – нет, то у меня со всеми вами будет разговор короткий! Бесповоротно поворачивайте свои «быстроходы», и в путь! В путь безвозмездный и правильный, вне оскорблений и требований, конечно, с вашей стороны. Я здесь настоятельница и представитель этого вселенского храма! Так, что слушаю, и очень, ваше объяснение: кто вы и зачем сюда пожаловали в таком вот количестве?

– О, Смотрина Алексеевна! Да я же к вам добраться вчера не смог. Вот, сегодня и пришёл, – радостно пошёл навстречу Мефодий и, повернувшись к этим «неясным», по-старчески, воскликнул:

– Вот она и есть! Ценнейшая во всей округе душа и такой, как она, больше нет нигде.

– Подождите Мефодий со своими панагериками, я сама разберусь, что и как.

– Здравствуйте! – уверенно сказал тот, кого узнал Макарий, и шагнул на встречу к Смотрине Алексеевне.

– Давайте войдём в домик и там всё обсудим, кто мы и зачем здесь персонами своими.

– Условия ставить мне нет причин. Говорите, что вас сюда привело, в нашу закрытую обсерваторию. Что вам здесь нужно от нашего закрытого мирка? Здесь всегда полно забот и работ, так что у меня нет много времени вас долго слушать. Я, жду!

– Это, вот, вам! – подал конверт, признанный Макарием, мужчина.

Конверт был такой же, как тот, что бросили «гости» ранее, из милицейского «уазика».

– В конверте лежит новый договор и приказ об использовании этой местности, и всех строений. Прочтите внимательно и вы с нами согласитесь, без уговоров и тревог! – и, взяв под руку Смотрину Алексеевну, увёл её в открытую дверь «ресторанчика». За ними вошёл, туда же, Мефодий и остальные, приехавшие, эти незванные люди.

Макарий решил подождать, что же произойдёт теперь дальше. В обиду он Смотрину Алексеевну не даст этим приехавшим, да и вообще, никому! Но, спешить в такой ситуации, смысла нет. Надо повременить, и сосредоточится в самом себе!

Время шло, текли минуты за минутами, а из «ресторанчика» никто не выходил.

Солнце, сквозь облака, освещало тишину и своей переменчивостью обостряло тревогу Макария.

Внезапно, откуда-то, протарахтел мотоцикл и остановился возле «ресторанчика». Молоденькая девушка, одетая в спортивную одежду, прислонила свой «Минск» возле домика и неуверенно огляделась по сторонам.

– А где Смотрина Алексеевна? Вы что, здесь новые? – спросила она, вышедших на звук мотоцикла, одного из этих двух «неясных».

– А зачем Смотрина Алексеевна? Мы чем её хуже? Смотри не на Смотрину, а нас! Во, какие мы молодцы! Хоть под венец сейчас выводи! Выбирай любого, на свой вкус и привкус! Ты, ведь, не против этого? – и гадливо загоготал.

– Не хаами! Я такого не терплю и не прощаю, так что забудь и выбрось себе в своё заблудшее воспитание, для твоей же пользы.

– Да я же шутя, не со зла, а о ком спрашиваешь, то она в домике! Заходи, увидишь сама! И девчонка, не раздумывая, вошла в скрипучую дверь «ресторанчика».

«Кто же эта девушка? Да ещё и на мотоцикле? Крикнуть бы ей: – «Что же ты делаешь! Не ходи туда!», или промолчать и пока не высовываться?».

Макарий лихорадочно искал в себе ответ и не находил Руки, вновь задрожали, но карабин держали цепко и усиленно, как никогда раньше.

Через несколько минут из домика вышло четыре человека. Два из них, направились в левую сторону, а два, в правую. Куда же это они пошли? Что-то подозрительное их разделение на стороны.

«Может взять их штурмом, пока эти ушли, таким неожиданным наскоком? Но, какой из меня штурмовик?»

Он спрятал в кусты ружьё, и, закинув на плечо карабин, решил зайти в тыл ««ресторанчика»».

Тихо, стараясь не тревожить хрустом зарослей травы, он стал приближаться к домику.

Но вдруг почувствовал, как что-то мощное обрушилось на его голову. Как потащили его по колючкам и опавшим сухим веткам, прошуршали по лесной приземлённости мхов.

И исчезло, куда-то небо, птичьего голоса, мотоцикл и девчонка в спортивном трико.

И мысли стали тухнуть непонятностью, вязли во время, останавливали часы-ходики, стучались в окна давно сгоревшего дома. Гудело крыльцо под тяжёлыми шагами, что по вискам слова: «Ты этого хотел», и уходящий в бездну басистый, неудержимый хохот.

– Да, что с ним возиться! Толку от таких, не бывает никогда! Уж я-то с ними навозился! О-го-го, сколько! Не сосчитать даже при желании! Плюнь ты на него и пусть уходит на все четыре стороны. Этот не сдастся, никогда, точно! Да и тех, что в сарае вместе с ним я бы отпустил! Так надёжнее в будущем: зачем рвать себя на потом? А?

– Помолчи, а лучше отволоки его к тем, остальным. Рано их отпускать, да и стоят ли они этого отпускания? Документов, то нет! Надо держать их на голой диете, до полного соглашения! Вот, так! И не вздумай с ними, «вась-вась»! Неясность будущего всегда тревожит и ведёт к пути на соглашение. Так я думаю, будет и с ними.

– Не уверен, что соглашение будет! Вот, какие они все цепкие отказом, но этого, то я отведу, куда ему от меня деться.

– Да, к этим, но прежде, «краскописцу» этому, необходимо преподать урок повиновения. Выдать ему то, что давно заслужил! Но беречь его от беспамятства! Мне он нужен работоспособным, и творческим. Так что, сильно не очень усердствуйте: без жёсткого помешательства и разных экзекуций. Мы дикарями быть не должны, но обязаны его перевоспитать, для нашей пользы!

Два, волосатых и серых человека из этой команды, грубо толкнув Макария в спину, оттащили к стене и начали «перевоспитательную работу».

Били усердно: ругаясь, плюясь и поочерёдно приговаривая:

– Это ещё цветочки. А плоды будут совсем иные и вкуснее, чем тыква в плаксивую осень.

– И будут над тобой ромашки-лепесточки: любишь-не-любишь! Ха, ха, ха!

– А может тебя в угол поставить? До самого нужного созревания, да так, чтобы не забывал о нашей любви человеческой, до самого лютейшего изнеможения? Так, сказать, для твоей же пользы, чтоб ситуацию принял. Точно, как огурец на закуску! – и загоготал, один, из этих, двоих.

– Да рядом с вами, запросто, но, отвратительно! – избитыми губами ответил Макарий и, с тяжёлым смехом, добавил:

– Так сказать, в испытательном казусе, – и Макарий, несмотря на боль, глухо захохотал.

– Вот, что! Воспитывайте столько, сколько он будет требовать! Вы, надеюсь, поняли? Но, руки его беречь! Да и голову эту дурную, поберегите ещё: без неё он нам не нужен, даже, как эта тыква.

– Ну, что, очнулся, наш Макарий? Вот, попался и ты к этим негодьям в их безжалостные руки. Как же так случилось, что мы все оказались вместе в этом дровянике? – тихо, но твёрдо, спросила всех Смотрина Алексеевна и продолжила:

– Но, сдаваться на милость этим негодьям нам нельзя! Негоже, это! Не по-человечески нам трусость и беспомощность! Мы, люди высокой мечты и силы! Так, ведь? Я думаю, что да! А тебя Макарий, приволокли, избитого до беспамятства, в изодранной одежде, сам посмотри. Помнишь, как в том лесу? Но там природа тебя испытывала на прочность, а здесь, человеческая мразь, которую и человеком назвать нельзя. Да улыбнись ты, выше облаков и в небо, силой мысли для достижения наших правд и их восприятий. Ты многое сможешь и сумеешь, точно: ведь Смотрина не ошибается! – и, улыбнувшись в сарайных потёмках, добавила:

– Этот, их главный, увидел твой рисунок на столе, и, пойдя ж ты, сразу понял, что ты где-то рядом. И завёл свою песню о том, чтобы я изменила сама себе. Да и вам всем, тоже. И начал уговаривать и, даже, лстить, примерно вот так:

– Да, Смотрина! Рисунок исполнен отлично, и знаю кем! Вы на нём красивы и очень чисты, вот такой вам и надо оставаться для всех прекрасных дней. Уверен, что они у вас ещё впереди! Но, это если станете послушны и разумны. Ведь, как я понимаю, вы в разум верите, без ограничений, так, ведь? Мне этот парень, очень нужен и без всяких компромиссов от вас!

– В разум я, конечно, верю, но, не такой, как ваш. Ваш разум пошатнула алчность и сбросила вниз бывшего вашего человеческого «я!». Там осталось лишь мелкое ничтожество и жажда наживы, притом, любым гадливым способом! Вот так примерно я ему отвечала. В итоге, теперь вот и я с вами вместе, в сарае для нашего тепла, – и воодушевлённо окинув всех взглядом, продолжила:

– Ну, что, мои родные? Вот теперь мы все и в сборе. Даже не в сборе, а дровяном сарае, который обязан давать нам силу жизни. Но выхода-то нет: есть одна дверь, да и та запертая снаружи. Как нам выбираться отсюда? И зачем? Жду я от вас совета: от всех, без молчания и отчаяния. Ну, Макарий, начинай первым!

– Выбраться отсюда нам необходимо поскорее: это ясно и так. Можно криком вызвать, кого-нибудь, из этих и напасть здесь на него. Но, я думаю, необходимо обследовать сначала этот сарай. Может в нём, где-то есть слабое место, или дыра под брёвнами, или крышей. Если найдём, то вылезем наружу и займёмся теми, что в домике. Но, мне кажется, что слышаться песни и дикий хохот. Давайте прислушаемся: точно я слышу это, или, только, кажется?

– Да, есть такое дело! – молчавший до этого, сказал Мефодий.

– Как будто пьяные орут на весь лес. Будто так, вот, я слышу, – добавил он с хрипцой.

– Вот это уже и неплохо! Более-менее, точно! Они видимо нашли наш тайный склад, где и вино, и водка, и закуска в полном идеале. Вот, такой теперь расклад. Но тогда и вызвать никого не получится: возможности-то нет. Кто из них оставит своё пиршество? Думаю, что, никто! Давайте, сначала обследуем сарай и, как можно, внимательней. Но я знаю, что он построен надёжно и крепко, на века! Разве, что может крыша, нам поможет? Когда-то она имела протечку, но её закрыли. Вот, в том углу, как раз к лесу. Можно попробовать осмотреть её: поленица, возле неё, почти целая. Надо залезть на неё и осмотреть, нет ли где щели?

В углу сарая, на восход, послышалось шептанье Мефодия. Все поняли: он молится богу о скорейшем освобождении из этого сарая. Помолившись, он с грустью спросил:

– Что же творится на нашей Земле? Где же, правда и порядочность Вселенной? Скажите мне, Смотрина Алексеевна. Вы, ведь, человек учёный и многое знаете об этой, вот, Вселенной.

– Это наш такой, так называемый, «Антропный принцип», Мефодий. Существует утверждение, что Вселенная создана именно под человека. Но я с этим не согласна. И думаю, что наоборот: именно Вселенная и создала человека, для собственных и необходимых ей действий. Но пока об этом спросить её мы не умеем.

– Да, человеческий принцип сейчас одинаков, кем бы он ни был создан. Бегают по маленькому шарикю с дубинкою и пулями друг за другом, эти, мы, человечки. Так уж, безумны мы, сверхчеловечки, что не понимаем пагубности нашего такого бытия? – задумчиво, вставил своё, Мефодий.

– Рассуждать на эту тему мы будем на свободе, за пределами сарая для дров. А теперь, мысли и предложения о наших действиях!

В серой тишине послышалось всхлипование и тихий, девичий плачь.

– Ты что же это напускаешь нам мокроту, а, Леночка? Так испугалась этих, что ли? Успокойся, всё у нас будет в «ажуре!». И не иначе! Так что, выше голову юную! Она мужает, и не упускай ей дать возможность это познать! Хороший и удобный случай наполнить себя силой, Леночка! Да, и познакомься с Макарием! Он терпелив и мужественен: бери пример поведения в таких условиях!

– Да я не об этом! Я, о другом. Вчера вечером ко мне пришёл один человек, кажется, он из этих, что здесь. Подал мне записку и сказал, что меня ждёт с нетерпением моя тётя, то есть, вы, Смотрина Алексеевна. Вот я и решила на свой вояж к вам. От этого и слеза покатила, а не от страха и трусости. Я, как вы все! За победу и восстание нас из пепла! Теперь я понимаю, зачем им здесь нужна: чтобы вы стали посговорчее. Спекуляция мною! Вот, почему моя слеза не удержалась. Больше не буду так! Поверьте! Я – смогу!

«Хрупкая, юная, почти что девчонка и очень, очень, похожая на Галинку», – подумалось Макарию, и он ответил:

– Лена! Мы в этом не сомневаемся и разговор не об этом, а о нашем будущем. А вы-то, молодец! И храбрость вам дана, мы это видим. В такой ситуации и не стонать, вот так и надо нам всем держаться!

– Всё! Разговоры об этом потом, а сейчас необходимо подумать, какой найти выход из этого положения и чтобы безошибочно! Наша цель: выбраться, как можно скорее вырваться отсюда и без потерь. Этих захватчиков, желательно побережь: как не думай, не гадай, но они тоже люди, пускай и негодные для нас. Так, что ты Леночка, права: за победу, за восстание, но

не из пепла! Гореть наши души должны энергией и силой, чего у нас маловато, все согласны со мною?

– Ой, кто-то идёт вот к нам, из этих, – заглянув в щелочку двери, воскликнула Леночка.

– И тащит сумку, какую-то, на плече, – добавила она.

– Его пока трогать не будем. Нет у нас ещё уверенности победы. Сначала узнаем, зачем он сюда тащит эту сумку. Может вода и еда? Это нам сейчас кстати и очень-очень необходимо, для восстановления сил.

– Эй, вы! Живы ещё, без еды и напитков? Может ещё это вам и надо, так сказать? – пьяно выкрикнул этот, подошедший, и стукнул засовом двери.

– Ну, что молчим, как святые ночи тишины! Вот вам подарки от нашего гостеприимства. Ха-ха-ха! Да не бойтесь вы нас и не переживайте: всё будет хорошо! Я же, «Вась-Вась!». А он, то есть я, любит жизнь и всем её желает! Здесь вино и кое-что из еды, для поддержки ваших штанов, чтобы не сползали куда не надо, – и захохотал, как-то, неестественно и не зло.

Он поставил возле входа сумку и, приложив палец к своему рту, громко добавил:

– Будьте умны и послушны, так сказать, для жизни полезней! – и, оглянувшись на дверь, быстро вытащил из-под куртки небольшой ломик.

– Ну, мне пора к делам своим, – и бросив Макарию ломик, закрыл на засов дверь сарая.

Ушёл, пьяно шатаясь, этот «Вась-Вась». К своим он ушёл, или к чужим? Стоить ли, думать теперь, об этом?

– Ну, и кто он, этот «Вась-Вась»? А следующий будет кто? Уж, не такой ли, что мы забудем и мир, и кто мы есть на самом деле? Пример, вот, наш Макарий! Живого места эти не оставили на нём. И нас всех заперли сюда, не зря! Но, ломик он принёс и, видимо, украдкой от тех, остальных! – и Смотрина Алексеевна решительно добавила:

– Подкрепляемся и вперёд, без отступлений и огорчений! Сила духа и единства, вот, что нас освободит!

В сумке были две бутылки кагора и бутылка водки, и всё! Еды небыло вовсе.

– Ну, что ж: чем богаты, тому рады! – это уже Мефодий из своего угла, подал свой голос.

– Вино, нам даст силу и надежду! А это – хорошо! Водку мы возьмём с собою, вот, за эту дверь. Её нужно ломиком из петель снять, да и без ломика это сделать можно. Смотрите: дверь ведь висит на петлях, подняв её вверх, и она снимется, – внимательно осмотрев эту запертую снаружи преграду, добавил Макарий.

Вино было выпито всё, без остатка. Водку взял Мефодий, в изношенную сумку, висевшую через плечо.

Дверь сняли с петель быстро и в оставленную щель выбрались на свободу, на ожидающий их белый свет.

– Уходим, уходим, за кусты калины! Там, Макарий, ружье ты наше оставил?

– Всё там! И патроны к нему: их полный запас ожидают в кустах калины. Если, конечно, эти не нашли.

Дверь, быстро прислонили к проёму и закрыли на засов, чтобы небыло заметно, что она открывалась.

В домике криков больше не было слышно, но тревога веялась из него, что эхо по лесу.

– Вот, смотрите: Берли бежит к нам! Вот, молодец! Вот это поддержка, настоящая!

Берли был насторожен и очень возбуждён. Видимо он почувствовал здесь чужаков и причался на помощь. Обнюхав всех, он бросился к домику, где находились чужаки.

– Берли, назад! Фу! Вернись, что я сказала! Ко мне!

Но Берли уже прыгнул с громким лаем в приоткрытую дверь домика и, зарывав, смолк.

– Быстрее прячемся в кусты, смотрите: эти нехорошие уже выскочили из домика. Заметили они нас, заметили! Бежим поскорее вглубь леса, а там посмотрим, может ко мне, – на ходу выкрикнул Мефодий и кинулся в лес.

– Смотрина Алексеевна, давайте и вы за ним с Леной! Я задержу их, насколько сумею! Обо мне не беспокойтесь: я, всё-таки, пограничник.

– Давай, родной, Макарийчик! Держись, и не попадись к этим! Мы тебя ждём у Мефодия. Тропинка, там, от ручья и прямо не сворачивая никуда, приведёт к нам. А, Берли, а Берли, ну, что ж, посмотрим... А мы сюда, всё же, скоро вернёмся.

Ружьё нашлось на том же месте, в кустах калины. Патроны – в сумке, как и были, целые.

Сердце рвалось из груди Макария, словно хотело сбежать от бешеной силы, что захватила этот, и так, невольности свет.

Стрелять Макарий начал, не дожидаясь нападения. Задержать надо было этих, от погони за Смотриной Алексеевной, Мефодием и Леной.

Целится в них, он не хотел! Это, ведь, не моджахеды, а простые негодяи, заблудшие жадностью наживы в самих себе.

Ответного выстрела он не услышал. Только почувствовал, как ударило в грудь, ниже левого плеча, что-то, сильно и больно. Руки перестали слушаться и небо, вдруг, почему-то, посмотрело ему в глаза, удивлением синим. Добавилось к нему: мрак и солнце, вязкая сонность, опасная жёсткость, в чьих-то словах, и всё заволокло пеленою мрака.

– Мы этих, сбежавших, уже не найдём. Им лес роднее, чем мы им, и потому, уезжаем, и сейчас! А этого, для проникновения в жизнь его неосознанную, к дереву привяжите, да покрепче! Пускай полюбуется комариной тучей! Для его же пользы. Останется жив, значит, повезло! И мы, ни кого не отправив в мир иной, останемся чисты. Унесите отсюда, такое неговорчивое существо: надоел он мне хуже всякой горькости.

И, вновь, Макарий почувствовал сквозь боль и тревогу, как его потащи ли, куда-то, в лес.

Два, дышащих перегаром молчаливых «этих», привязали к сосне и так же молча, удалились прочь.

Ветер качал безразлично сосны и ели. Осины с берёзами шептались между собой листвою, как будто в этом мире нет больше никого кроме них. Комариные стаи, словно обезумевшие осы, налетали на избитое тело Макария и, насытившись питательной силой, освобождали место для насыщения другим. Тишина, которую он так любил, отдавала зловещностью и безысходностью. Избитые губы смогли лишь прошептать несколько несвязных слов: да и кому они здесь были нужны, в этой безлюдной, утопающей в себе глуши?..

Послышался хруст опавших веток и из глубины кустов вереска вылез «Вась-Вась».

– Висим и мечтаем? И о чём наши восторги? О былом и святом рисовании своём? Во, стихами, почти! Ну и как ты наш неповторимый, непримиримый? Вижу, что жив ещё! Матерь божья тебя ещё держит на своих руках. Держись, держись, а дальше, то что? Придёт какой-то, «Вась-Вась» и даст тебе свою руку помощи? В добавку к силе божьей? А, терпеливый и не уговорный, так, что ли?

– Во, и этот волкодав здесь! Во, какая живучая штука! Приполз, не иначе, ведь был мёртвый совсем. Вот таким должен быть и я! Живучим и надёжным. Но я «Вась-Вась», и пути на зад почти нет, – и, ухмыльнувшись, добавил:

– Ненавижу этот комариный гнус! И чтоб я его ещё и человеком кормил? Ну, уж, нет! – и он подошёл к Макарию, который был привязан к сосне, и чиркнул ножом по верёвке, возле правой руки. Потом жёстко воткнул нож в дерево и с твёрдостью сказал:

– Остальное доделаешь сам. Я – поденок, но, не всегда же, мне быть подонком, – и тяжело вздохнув, исчез в зарослях леса, своей мнимой твёрдостью.

Слабеющей рукой Макарий вытащил из сосны нож, разрезал свои путы и упал на дышащую временем траву лицом вверх.

По синему небу летали стрекозы и мотыльки. Ощутимо пахло такой родимой и любимой хвоей. Птичье разноголосье возвращало Макарию жизнь восстановления и силу духа. Он поднялся с огромным трудом из этого травянистого чуда и приблизился к Берли. Когда сюда тот

приполз, Макарий не заметил. Не мог он заметить сквозь жгучую боль своей беспомощности и бессилия.

«Тяжёлый! Может, килограмм под шестьдесят-семьдесят, не меньше! Как же мне его дотащить?», – он потрогал руками грудь пса и явно ощутил биение сердца.

«Живой, наш Берли, живой! Освободим мы тебя из этих смертоносных лап, освободим!».

С трудом двигаясь, Макарий срезал широкую ветвь сосны и накатиł на неё Берли.

Неслись по небу редкие облака, с весёлостью сновали бесчисленные насекомые и впивались в лицо ужасные комары и мошки. Доставали до самой, что-ни-есть, ослабленной души, которой, так и хотелось покоя. Хотелось, до умиротворения и безмолвия сокрыться в какой-нибудь край, где нет ужасностей и бесправий, изморностей, чуждых миру, людей.

Сколько тащить ещё Берли в «ресторанчик», и хватит ли сил на это адское всеисилие? Надо! И ещё раз, и ещё, и ещё раз, надо! И обращаясь к своим не очень уверенным шагам, он твердил и твердил:

«Дойти, добрести, дотащить! Не упасть в глушь травы, не сбиться с пути, во что бы то ни стало! Так надо в мире нашем жить!».

Силу, придавало небо, дышащий вокруг лес, ставшим вновь близким и родным, и осознание всего происходящего с ним.

Волоклась по колючкам, по опавшей хвое, широкая сосновая ветвь, таща на себе бесценный груз, жизнь Берлиоза! Макарий падал, стонал от боли, но, вновь поднимался, и тащил, и тащил затухающую собачью жизнь, во спасение её.

Он с трудом распахнул скрипящую дверь «ресторанчика» и увидел, что их здесь этих захватчиков, полный сбор.

– О! Картина Репина: «Не ждали!».. Целый, так сказать, «Айболит!», да и не совсем один! Волкодава притащил дохлого. Да ещё и на кровать кинул. И зачем ты сюда приполз? Нас пострелять, или как? – и загоготал, тот, что привязывал к сосне.

– Тихо, всем! Мы, люди и это все должны помнить! Уяснили? – это уже ихний главный, твёрдо осадил и повернулся к Марию:

– Явился, всё-таки! Сила духа в тебя на зависть, этим. Ну, что ж, живи, пока! – жёстко сказал он, выдавливая слова.

– И ты, тоже, живи, пока!..

– Эй, ты, оживший! Заткни свою рожу! – выкрикнул тот, что сказал про «Айболита».

– Помолчи, Федя, помолчи. Он всё прекрасно понимает и осознаёт происходящее. Учись у него! Крепкий и твёрдый в действиях своих. Нечета тебе. Тебе бы таким надо быть!

– Да, художник, да! А ты оказываешься крепким и несговорчивым. Ну и что нам с тобой теперь делать? Может, ты сам нам подскажешь, а? Как там тебя? Макарий?

– Подскажу, и немедленно! Чем раньше вы уберётесь отсюда, тем больше вы имеете шансы на прощение, если ещё оно к вам проявит терпимость! Я бы – не проявил!

– Ты на нас зла не держи. Стрелять в тебя никто не собирался. Это ты сам вызвал на себя, ответ дурака безмозглого! – и тяжелоатом добавил:

– Точно, как на войне, которая и нам не нужна! Ни на свинцовый грамм. Так уж вышло, в мире перестроечном. Мы сейчас убываем отсюда и, надеюсь, что безвозвратно и без вопросов. А с тобою художник, я всё-таки рад, что познакомился и встреча у нас вторая. Пусть, даже, вот так. Ты ведь стоишь твёрдо в жизни и мне такие по душе! Если, вдруг, наши пути, где-то пересекутся, помогу, при необходимости. А о картинах, то это, как-нибудь, в другой раз, но они не пропадут! – и, окинув взглядом свою команду, властно крикнул:

– Чужого не брать! Спиртное, тоже! И – по коням! Куда берёшь? Ружьё и карабин оставить! Только – своё! Всем понятно?

Стукнула выходная дверь, закрыла собою всё это непонятное и не совсем осознанное происходящее: было ли это явью, или что-то чужое, вновь, вторглось, из ниоткуда? Это, что, и есть настоящая земная жизнь?

Кружилась комната в глазах Макария, таял свет из окон, и падало нечто вглубь тревожной измаянной души, разрывая её на куски бывшего и не настоящего «я».

«Что же это было? И с ним ли происходит всё это странное и такое неясное?».

Он подошёл к Берли, лежащему на кровати и пощупал грудь: да, сердце билось, вопреки всем желаниям «этих».

На столе, среди огрызков яблок и разных закусок, стояла почти полная бутылка водки.

«Вот, чем необходимо обеззаразить рану Берли, да и свою тоже».

Он взял стоящую в углу пустую корзину, смахнул туда все эти объедки и вытащил во двор. Потом тихо двигаясь, Макарий пошёл на поиски трав. Там, где аллея, уже вызревает черёмуха. Он с трудом добрался до неё, сорвал ветку этих чёрных ягод. Добавил, рядом растущей красной рябины, цветки зверобоя и подорожник, чтобы всё это залить для настоя водкой.

Рядом, какая-то птица, неожиданно встрепенулась крыльями и захохотала в своей восторженной вольности.

Этот неожиданный хохот больно резанул по чувствам Макария, и он упал на колючую лесную траву.

Сердце у него ещё не болело никогда. Но в этот раз, схватило что-то за грудиной, сжало клещами, что хоть грызи вокруг всё без остатка.

Сквозь боль он почувствовал, как что-то живое, размером с небольшой мяч, вошло под рёбра, к самой селезёнке. И по телу, к сердцу, ране, словно молния по небосводу, пошла неведомая возвышающая энергия. Боль исчезла мгновенно, и появилось чувство невесомости, эйфории и, какого-то, высоко-полётного неосознанного мира. Кто к нему это так явился? Откуда это вошло спасением и неожиданной силой? И так быстро исчезнет, в никуда? Или, куда, за какие такие грани неясного мира?

Ворон, восседавший на старой сосне, с удивлением рассматривал Макария. Кивал ему седой головой, что казалось, он хочет спросить о чём-то важном и необходимом. И, наверное, спросил бы, обладая человеческим голосом.

Макарий, невесело улыбнулся ему, поднялся с травы и, едва шевеля губами, сказал:

– Привет, мой друг, привет! Я очень спешу, и поговорить нам сейчас не когда, уж, как-нибудь, в другой раз! Мы ведь с тобой оба вольные птицы? Куда хотим, туда летим? – с некоторым облегчением, но через силу, обратился к нему Макарий.

«Ворон, есть ворон, а меня-то, понял всего! Я это очень и очень почувствовал. Люди не могут так, как может природа живого леса».

Он шёл, тяжело ступая ногами по земной траве, как по собственной жизни, которая, треплет беспричинно и будто хочет научить его понимания себя.

Неожиданно, откуда-то донеслось залихватское, громкое пение и рваная игра бесшабашной гармони. Послышался скрипящий звук автомобиля и на поляну выкатился «ГАЗ-51», открытый кузов которого был заполнен разношерстной кричащей публикой.

Машина остановилась, и вся эта публика хлынула через борт хлипкой машины.

Макарий, еле идущий, застыл от изумления! Кого это ещё принесло в их и так беспокойный край?

Гармонь, соперничала с бубном и подпевала этой людской песенной ораве, на весь притихший, от нашествия лес.

– Мы вам хлеба, а вы нам – зрелищ! Неба мы хотим, неба! Даёшь нам неба! И никаких гвоздей! Без неба – нет хлеба! А без хлеба – жизнь тоска, что наганом у виска! Горько! Горько! Невесте и жениху, дайте неба! – кричал, какой-то, ряженный парень, с бутылкой в руке.

– Хлеб есть, вот он! А где небо? – и высоко поднимая бутылку, пьяно, словно в путях конь, гарцевал.

Разукрашенная полупьяная невеста, вытаращив глаза на Макария, визгнув, закричала:

– А это же – совсем не наш! Мы его не приглашали сюда! Ты кто? Наш, или, не наш? Я с тобой сейчас разберусь, кто же ты есть здесь такой!

И невеста, подбежав, алчно впиалась своими жаркими губами в губы Макария: не оторвать!

– Теперь, точно знаю, что ты – наш! Ух! Молодец, какой!

Ещё громче забубенил бубен! Ещё ярче заиграла гармонь! Ещё сильнее заплясала вся эта пестрота! И закружила в себя эта канитель Макария, закружила, не остановить, и нет ей конца.

«Из беды, да в праздник. Но, там же, Берли!». Но эта безудержная орава уже раскинула на поляне какую-то скатерть-самобранку. И как по волшебству появились на ней огурцы-помидоры и всяко-разная еда.

– Налетай-угощайся народ, заливай свой рот! И гуляй до немогу, и об этом – ни гу-гу! – кричал всё тот же, с бутылкой в руке и, повернувшись к Макарию, выкрикнул:

– А ты парень, что, в стыду, так маячишь на виду? – и налив в стакан этой мутной жидкости, протянул Макарию:

– За невесту жениха, выпивают все до дна! А потом и по второй, чтоб была она женой!

А гармонь, упиваясь своим наслаждением, наяривала свои «семь-сорок», доставая до глубины Макария души и уносила в заждавшийся покой.

Рука сама поднесла к губам гранёный стакан и выплеснула этот огонь в своё усталое «я».

А невеста, разбросав своей мощной грудью державших её гостей, рванулась к Макарию.

– Я его – хочу! Он, теперь – мой!..

– Беги парень быстрее отсюда! Она и не такое вытворяла с парнями. Это, ух, баба!

– Некуда мне теперь бежать, я уже прибежал, совсем – сквозь силу ответил Макарий.

А бубен долбил по лесной округе, соперничая с гармонью и дикими криками гулящих, этих свадебных людей, до бесподобия.

Макарий ощутил, как жаркие ладони пробежали под рубашку и зачастили поиском по груди. Что они там искали, он почувствовать не мог. Он лишь, почему-то подумал: «А дятлы-то, видимо, уж разлетелись от этого шума и возвратятся ли теперь?..».

– Гриня-Агриппина! Я же всё вижу! Прекрати это представление!

– Филя! Да он же какой миленький и беззащитный. Я же к нему не насовсем, а так, всего-то, на чуть-чуть.

Упругие груди прижались к Макарию всем своим естеством, как будто бы требуя немедленной отдачи.

– Ой! А это, что у тебя? – воскликнула чужая невеста, увидев под энцефалитной курткой рубашку в крови и под ней запекшую рану.

– Кто же тебя, вот так, мою кровиночку новую, так что я сейчас заплачу, – всхлипнула Гриня-Агриппина и, осознав происходящее, сильнее взвизгнула и закричала:

– Да он же убитый! Ой! Он же – пулей, да навьлет! Он же весь теперь будет в крови!..

Но на неё уже никто не обращал внимания. Праздник свадьбы был в полном разгаре: до высоты и неба, и даже выше безоблачных проёмов необузданностей, и безутешных грехов!

Плясали все! Ходуном ходила земля! Плясали сосны и ели, и весь вдруг развеселившийся лес. И мыслей почти не оставалось в Макария от этого безумного шабаша. Как будто глубокая прострация безысходности накинула на него свой аркан и потащила в тяжёлый не осознанный мир.

– Ой, и что же мне делать с тобой, хороший мой и раненый насквозь.

– И куда же мне тебя девать теперь, кроме, как в себя и – навсегда! И всего, без остатка! – шептали горячие губы Грини-Агреппины.

– И как же тебя-то звать, мой миленький, спросить хочу, – затрепетала, вдруг, стихшим голосом Гриня-Агриппина.

– Макарий! Там, в домике, ещё один раненный есть, – с трудом выдавил из себя Макарий.

– Пойдёмте, я покажу, – и, заплетаясь ногами, он пошёл к домику, на территорию закрытую от посещений... не приглашённых людей.

– Чудное имя, какое, Макарий! А я, мой хороший, из Зелёного села. Приходи: всегда я буду твоя, – шептали жаркие губы, идущей рядом Грини-Агриппины.

«Что же это происходит со мной? Что это? Неужели всё это наяву, а не в каком-нибудь забренном и запредельном сне?».

Сколько продолжалась эта свадебная оргия Макарий вспомнить не мог. Очнулся он в тихом «ресторанчике», где рядом на кровати лежал раненный Берли. Над ним суежилась, протрезвевшая Гриня-Агриппина, чужая невеста, поцеловавшая его.

– Тебе и ему нужна наша Агафья. Она быстро вас на ноги поставит. Ты слышишь меня, хороший мой?..

И вновь, над головою затряслись кроны хвой и берёз, осин и ольх. И вновь, как будто в повторении, дрожало небо в тёмно-сером тумане. Лицо Макария щекотала, чья-то, косматая шерсть – не отстранить. Гудел натугой автомобиль, прорываясь, куда-то в тревогу и неизведанную мглу.... Висела в дрожанье бледная луна и закрывалась порой силуэтами молчаливых людей, как будто дразня своей прерывистой блеклостью.

«Куда-то меня, всё-таки везут! Но, зачем?», – с трудом сообразил, лежащий в кузове, Макарий.

Дышало жаром и пахло, чем-то, давно забытым и необычно приятным. Клокотало тихим урчаньем, что-то, в этом огнённом жерле тишины.

– Вот и сила к тебе явилась, и уходить не собирается! Да и как она может уйти от такого молодца! Вот, так и должно быть! – услышал тихий старческий голос, Макарий.

– Ты, сынок, целых пяток дней был вне себя. Уж, какой ты был дрожащий, я то, знаю. Да и как тебе по-иному быть: ведь изранен весь. С войны, что ли пришёл, или как?

В открытой русской печи горели дрова ровным домашним огнём. Из этого очага, длинным ухватом доставала чугунок очень древняя старушка, притом, обращалась к Макарию:

– Вовремя тебя ко мне привезли. Ещё бы чуток и настиг бы тебя «антонов огонь». Спасибо скажешь Агриппине! Молодец она в этом! Настрадавшаяся девушка, что и сладу никак в её жизни нет. Бегает она к тебе по несколько раз в день: как бы небыло беды. Филя, этот, уж больно нехорош в себе. А ты, пока лежи, освойся в доме моём. Сколько тебе надо здесь быть, не прогоню и на час!

Тикали на стене часы-ходики, мигали Макарию глазами котика. Печь несла уют и тепло, давно забытое в одинокой жизни. На полу ковром, расстелилась свежестью душистая зелёная трава. От белой стены глядели образа в золотистых и серебристых окладах. В красном углу, под божественным ликом, горела лампада мерцающим и таинственным огнём.

Этот свет мерцанья добавлял необычность происходящего и понимания всего, что есть в мире этом.

– Ты лежи-лежи! И не вздумай пока вставать с кровати. Устал видимо очень ты от жизни испытаний: ничего, это бывает. Терпи, как говорят, крепче будешь. Я вижу, что грехов у тебя немного, а столько, как и положено быть: без них то, как жить? Никому нельзя, да и нет таких безгрешных. Разве, что святые люди, которые сейчас в иных мирах!

– Вот, я тебе приготовила напиток травяной, уж, постарайся эту горечь выпить. Агриппина сказала, что звать тебя Макарием, – худенькая женщина преклонных лет, заботливо подала Макарию кружку и, вздохнув, тихо продолжила:

– Всё в мире от природы: святое и мирное. Только надо принимать её, эту природу, чистой душой своей. Вот тогда в мире наладится жизнь и её предназначение всему настоящему.

Макарий осмотрел маленькую избу на три узеньких окна. Над ним нависал неровный потолок из густых разных брёвнышек. Сколько лет этому дому, по всем признакам, дано оценить, видимо, только седому времени.

– Простите, меня! И здравствуйте! Где это я нахожусь, вот так, неожиданно, и зачем, здесь?

– Вы, уж, меня извините, я сейчас уйду, вы уж, не беспокойтесь об этом.

– Куда это ты пойдёшь? За, каким-таким правом: упасть где-нибудь на пустой дороге? Нет! Эта дорога тебя уже ждёт, и очень спешит куда-то увезти. Но, ты не соглашайся, а послушай Агафью! И лежи здесь, до полного выздоровления и набирания сил.

И будто в подтверждении этих слов, остановилась возле дома, какая-то, машина и ржаво хлопнула дверь.

В дом без стука вошёл средних лет милиционер. По виду, усталый и очень измученный человек.

Это, Макарий, заметил сразу, как тот вошёл и понял, что он к нему.

– Ну и зачем тебя ко мне принесло, Георгий? Чарок я не наливаю, так зачем же, скажи?

– Не шебуршись, Никаноровна, не шебуршись. Я же власть, а с властью разговаривать так нельзя.

– Ты, власть? Да какая же ты власть. У меня орденов да медалей больше чем у тебя пуговиц на кителе да твоих штанах. Говорят люди, что ты спал под хлевом у Синьки. Вот ты, какая власть. И пришёл ты сюда не званый, не как гость, а как чужой, не постучав даже. А ещё при кителе и погонах, да и планшет висит вот на плече.

И Макарий мгновенно вспомнил о планшете, который он прострелил. Не за этим ли сюда прибыл этот Георгий?

– Не к тебе я Агафья, приехал, а вот к нему, что на кровати твоей лежит. А насчёт медалей да орденов, то их и у меня хватает. И считать их в пуговицах, не намерен. Да и не вешать же их, как твои образы, на стену. А что лежал, то, да, лежал. К тебе, вот спешил, да никак не смог успеть. Не позволила мне бывшая контузия в этом. Вот, так, Агафья Никаноровна, – мрачно ответил милиционер и обратился к Макарию:

– Это что, твоя собака возле дома сторожит?

– Это – пёс, а не собака! И я – его, а он – мой!

– Вот ты какой, на самом деле!

– Какой есть, такой и есть.

– Ну что ж, собирайся, какой есть и со мной поедешь. На тебя имеется заявление, что ты кем-то прострелен в грудь. Будем расследовать и дознаваться, кто смог тебе принести огнестрельное увечье.

– Ты, Георгий, участковый, или кто? Этот парень изранен ещё с армии, так что, не ершись.

– Никаноровна, не мешай. Я знаю, что ты женщина правильная, но я так немогу. Есть на парня заявление, и мы на него обязаны отреагировать. Так, что, собирайся молодой человек, и поехали в район. Там мы разберёмся, что ты за птица такая, с прострелом в груди.

– Ты зачем это так, с моим больным? Ему ещё, лежать да лежать. А ты тащишь его неизвестно куда. Не пушу, с таким как ты, никуда не пушу! Он ведь в бессознательном чувстве лежал до сих пор, а ты его забрать хочешь? Не война ли нашла на тебя, Георгий? Или, ещё не созрел с утра, после вчера? Не трожь, я говорю тебе! Это мой больной и я его обязана вылечить! Будет он здоров, тогда и приезжай! Какую моду взял: что хочу, то творю!

Но Макарий встал с кровати и нетвёрдо шагнул к участковому:

– Раз надо, так надо. Поехали, что ж, я понимаю, – и повернувшись, к Агафье Никаноровне, тихо сказал:

– Вы не беспокойтесь за меня. Всё будет хорошо. Вины за мною нет никакой! И вам, Агафья Никаноровна, огромное спасибо за моё лечение. Я к вам ещё вернусь, ждите! Ещё раз, огромное спасибо за помощь!

– Ох! Да не ехал бы ты сынок с этим участковым, уж, точно, не надо бы! Ведь, тебе ещё с десятков дней лежать! – всплакнула, задрожав, старенькая женщина возле дышащей жаром печи, но одежду подала.

– Вот, смотри, Георгий, кого ты забираешь? Видишь, вся рубашка в крови, отстирать никак не смогла, да и в моих слезах. Вот, приходится отдавать одежду Федота. А парня ещё нельзя трясти по ухабинам и ямам. Что, это так горит в тебе служебный долг исполнения, или как?

Но Макарий оделся, подошёл к ней, обнял её за худенькие плечи, и с натугой в голосе произнёс:

– Нет беды за мною, и её никому не желаю! Так, что надеюсь, всё будет хорошо!

– Ты, Георгий, выйди-ка пока во двор: Макарию необходимо привести себя в полный порядок. Как-никак, он всё же был в беспамятстве, да целых пять дней. А ты куда-то увозишь, без его на то желания и здоровья. Разбирайся здесь, в моём доме: кто тебе этому мешает?

– У меня – приказ: доставить сегодня в отдел. Я не могу его нарушить, никак не могу.

– Ну, тогда ожидай во дворе, а мы сейчас займёмся порядком.

– Давай, сынок, немного подстрижём твои юные локоны, – и Агафья Никаноровна достала из сундука ножницы и коробочку с бритвенным прибором.

– Это от Федота моего, так что вот так, Макарий. Жизнь есть жизнь, но в неё добавкой нацелена смерть. Прости господи меня за такое сравнение, но это так. Никуда от неё не деться, не скрыться, не убежать.

Ножницы умело защёлками по усталой голове парня, забегала с любовью густая расчёска, и старый умывальник возрадовался чистой струёй новому умывальцу.

– Вот и всё родной мой! И когда же это я вновь тебя увижу? А долечится надо, даже необходимо, и очень! У тебя ведь контузия тяжёлая, вдобавок к ранениям. И она, почти, что неизлечимая. Разве что, клин клином? Но это случается очень и очень редко, что везение.

– Спасибо вам, Агафья Никаноровна, очень. За мною так ухаживала только мать и никто больше. Теперь, вот вы так, – с комом в груди, сказал тихо Макарий.

– Что ты, сынок, что ты. Мы ведь люди и обязаны любить всех ближних наших. И ты мне стал ближе и дороже, чем вся эта моя будущая жизнь. Ты вот какой красавец: всем невестам на зависть! И тебя подарить нельзя, и забрать тебя, никому нельзя! Ты ведь и есть этот смысл жизни людской и выразительно прекрасной, до непостижимости. Но, вот, пока что, забирают, – вздохнув, ответила Агафья Никаноровна.

Дверь громко стукнула, и в дом вошёл нетерпеливый милиционер:

– Ну, что? Порядок в порядке? Тогда, в путь!

– Ты Георгий, смотри, без всяких там милицейских штучек. Чтобы всё по закону было и без выдумок разных с вашей стороны. Надеюсь на тебя, Георгий!

– Не переживай так Агафья! Всё будет как надо, по закону. Иначе мы не умеем! Ну, вперёд, парень!

Макарий подошёл к этой старенькой женщине, обнял её за маленькие плечи, и с теплотой в голосе произнёс:

– Спасибо вам за одежду, за лечение, за добрые слова! Я к вам обязательно вернусь! Даю вам слово! – и, поцеловав Агафью Никаноровну в щеку, вышел следом за участковым.

Берли, от радости прыгнул мощными лапами на грудь и заглянул Макарию в глаза!

– Да живой я, Берли, живой! И ты – молодчина, вот какой уже прыгучий! Но за мною не бежать, а оставаться здесь! Ты меня понял, Берли? Жди! Я скоро обязательно вернусь!

Милиционер, тяжело улыбнулся и промолчал, как будто, что-то зная, что не положено знать иным.

Старый «уазик» заводится, не хотел, словно вопреки желанию милиционера.

– Вот, видишь, и даже твоя машина не хочет увозить парня отсюда, Георгий! А ты, вот, увозишь! – горько сказала вышедшая следом Агафья и, взмахнув слезу, обратилась к Макарию:

– Ты берегись сынок всяких трудов физических. Они вредны тебе пока! Я тебя, сынок, ожидать буду, всегда, всегда. Не дай бог ты мне Георгий его назад не привезёшь: прокляну! Не посмотрю что ты в погонах. Я, как ты знаешь, сама воевала и имела тоже погоны. Так что, вернуть моего больного, и сегодня! Иначе, его с тобою не отпущу!

– Никаноровна! Я же не следователь и не знаю всего происходящего. Постараюсь, по возможности, выполнить твою просьбу. Но, это, если нет его вины, – и повернулся к Макарию.

– Парень не похож на виноватого. Но, разве теперь поймёшь по лицу: виноват он, или нет? Сейчас и психолог не разберётся в этом! Такие, вот, настали времена!

«Уазик», нехотя вздохнул, запыхтел и, затарахтев неровно мотором, двинулся в путь.

– Откуда ты такой, парень? Из мечты, что ли? Этим сейчас долго не проживёшь. Ближе надо к земной истине быть. Витать в облаках, это утопия и пережиток, так сейчас многие думают. А ты вот, так не думаешь, как я погляжу.

– Обсерваторию знаете? Вот, я оттуда такой, какой есть. Там над головою и жизнью иное представление о быте нашем человеческом. И мой пёс, тоже оттуда, где верховодят нашими мыслями звёзды и иные миры, – ответил ему Макарий.

– Говоришь, ты парень неплохо, а даже хорошо, но это не даёт тебе право носить в себе огнестрел. Вот, так, молодой человек. Твою обсерваторию, я-то знаю! Бывал, там пару раз по службе, но, давно.

Машина тряслась неспешной ездой, как будто соперничая с дорогой: кто кого осилит.

– А Никаноровна, Агафья, то это наша достопримечательность! И единственный лекарь на всю округу. Все к ней стремятся со своими недугами. Живёт на отшибе, а люди к ней идут за советом, за лечением, издалека: безотказная женщина. Такой у неё был и муж, фронтовик, как и Агафья. Вот они и жили здесь вдвоём, без электричества и соседей. Как сказал, когда-то, Федот, муж Агафьи: «Нам вместо электричества светит лес своей жизнью». Он был лесник, а она его помощник. Теперь, вот осталась одна, уже лет семь, главная над собой.

– А дети у неё есть, или на всём белом свете, никого? – спросил задумчиво Макарий участкового.

– Да будто небыло никого, не замечал. Войну-то, с первых дней прошли и до конца. Она была военврачом, а Федот, в полковой разведке. Видимо, ранений много, так что от этого, может, и нет у них детей.

– О! Как там тебя, Макарий? В окно то, выглянь!

За старым «уазиком» бежал Берли. Устало и тяжело, но он бежал, следом за Макарием, от самого дома Агафьи.

– Во, какой верный! А он ведь тоже был ранен и ножом, так ведь, Макарий? Кто это вас так недолюбил, что нанёс тяжёлые ранения?

Но Макарий не ответил. Он вдруг жёстко замолчал: отвечать не хотелось никак, кому-то, ни было.

«Сколько ещё испытаний мне приготовила судьба и так жёсткая, до неизвестности? Почему и Берли страдает в мучениях?» – горько подумал Макарий.

Машина нервно прыгнула от неровной дороги, нехотя дотянула свою надоевшую езду до следующей кочки и остановилась.

– Вот, ещё одна каприза на мою голову. Сколько раз она тормозилась, даже не помню. Ну, что ж, с твоим псом мы сейчас разберёмся, – и вытащив с кобуры пистолет, выбрался из «уазика».

Макарий выскочил за ним и, будто вспомнив, что он пограничник, выбил пистолет из рук участкового.

– Ты что же делаешь? Да как ты смеешь... на меня, участкового?

– Не надо! Уж, лучше в меня, а его то, зачем? Верность, да стрелять? Не позволю! Он то, причём?

– Ну, парень, ты видимо, недопонял. Я его только хотел отпугнуть, а ты подумал другое.

– Если вы, как говорите, пугнёте, то тогда вы ему враг и навсегда. Он этого вам никогда не простит. А жизнь может, когда-нибудь, и свести вас вместе.

Участковый Георгий нехотя спрятал в кобуру пистолет и спросил:

– Где ты воевал, или служил, что в ранах таких весь?

– На границе, в Таджикистане, в тринадцатом погранотряде. Там всё эти «подарки» и получил, как награду, от «моджахедов».

– А я, парень, в Афгане видел такое, что и забыть по сей день немогу. Так что мы с тобою, почти что, однополчане. Давай, иди, попрощайся со своим другом, и отправь его куда надо. Да запомни крепко, что в тебя открылись старые раны, из военных былых времён.

Берли стоял в ожиданье, вдали от машины, посреди дороги. Видимо, чувствовал напряжённость происходящего и знал, что ближе подходить нельзя. Макарий, шатаясь, подошёл к нему и обнял его верную понимающую жизнь.

– Берли, Берли! Зачем ты за мною побежал, а? Я что тебя просил? Оставаться и меня ожидать, вот что я тебе говорил! А ты непослушный, вот увязался за мной. Нам ещё необходимо к Смотрине Алексеевне добраться, как можно скорее. Что там происходит, нам бы знать? Так что, Берли, возвращайся к Агафье Никаноровне и жди меня там. Я, надеюсь, что скоро вернусь.

День смотрел на этих двоих, совсем разных существ, жизнью силы и светил им, природой покоя и верности.

Берли, заскулил и замотал головой: то ли от надоевших мух, то ли от слов Макария.

Позади, на этой неухоженной дороге, хлопко заурчала машина и подала сигнал клаксона.

Из неё вышел участковый милиционер и крикнул Макарию:

– Вот, тебе ясность в происходящем, заberi! И помни: в тебя открылись старые раны! – и бросил на обочину какой-то лист бумаги.

Бряцнула дверью машина, неуверенно двинулась в свой участковый и трудный путь, оставив позади вопросы и ответы на обочине дня.

– Принеси, Берли, это что там, на обочине! Что так смотришь на меня? Я говорю тебе, принеси, вот тот лист, что на обочине. Принеси, Берли, принеси.

И в какой раз закружилось небо над Макарием, завертелись пустые облака по кругу-роту сознания. Обочина приняла его усталое тело радостно, травянисто, без проблем. Польша не колола горечью мысль, а приятно жгла каким-то неестественным пряным запахом. Возносила туманная лёгкая свет в бестелесную невесомость. Стало легко и уютно Макарию в небе этом..., как никогда раньше и он поплыл в манящую даль средой лазурных небесов.

– Ну, что? Возьмём его с собою, или, как?

– Да на чёрта он нам такой нужен! А если согнётся, что тогда? Мы в ответе, так, что ли? Пускай лежит для всяких других. Может, кто и поедет мимо, а, может, и нет. Да и не один же он здесь. Очнётся и пойдёт, куда ему надо.

– Слушай! А он бы нам пригодился: втроем-то, сподручней. Да и глянь, какой пёс у него силён. Смотри, как он насторожен, что даже мурашки по телу пошли.

– У кого, у тебя? Не трусь! Этот пёс умный и он понимает наш разговор, я так думаю. Они сейчас эти все псы поуменьли, получше, чем некоторые людишки! А? Верно, ведь, пёсик?

Макарий слушал этот разговор, словно сквозь туман, но очнуться не находилось сил.

Разговоры стихли вдали и растаяли в урчанье глухого мотора, который тоже уплыл в эту убегающую неоспоримую даль.

И туман действительно висел над вечерним миром серо-густым молоком, как будто кто накинул вязкую белизну на всё, что имелось вокруг.

Голова Макария гудела от этой вязкой неуёмной влаги. Рядом лежал Берли и смотрел вопросом ему прямо в глаза, как будто в поиске ответа: что же дальше?

– Ну, мой друг, домой пойдём к Агафье Никаноровне! Заждалась, видимо, она нас уже давно. Давай с тобой посмотрим, что нам оставил за бумагу участковый, – с огромным трудом поднявшись, обратился к Берли Макарий.

Лист, принесённый Берли, лежал рядом на подвяленной траве, скомканный, с расплывчатыми буквами от влаги.

– Да! Ожидать другого и не приходится. Филя, этот, приревновал к этой Грине-Агриппине. Было бы до кого ревновать, да и кому. Так ведь, Берли?

Но пёс настороженно всматривался в этот плотный завес тумана, как будто спрашивая: а, что же, там, находится, за ним?

– Да вижу я, какое плотное одеяло нас укутало, что и дорогу не узнать. Но дорогу к Агафье Никаноровне надо найти нам с тобою, мой друг.

Туман окутал деревья, дорогу и даже небо стало не небом, а блеклой давящей массой. Наступил мрачный вечер, который слал им неожиданную и не желаемую, промозглую ночь.

Пала на землю затаённая тусклая мгла, которая не открыла: ни звёзды, ни дорогу, ни смысл происходящего.

Под ногами шуршала неизвестная трава: высокая и колючая, ранее неощутимая Макарием. Дорога была еле видна в этих зарослях неизвестности. В эти времена летняя ночь всегда прозрачная и не спрятанная глубокой темнотой, на этот раз была липкой и, будто, шершавой для мыслей и нетвёрдых шагов.

Шли они долго, почти, что на ощупь. Рядом, за густой и высокой травой, шуршали неизвестные зверьки и птицы, и что-то таинственное ухало в глубине леса.

Потянуло, откуда-то, ещё большей сыростью и впереди завиднелись силуэты каких-то невысоких строений. Подошли ближе и увидели всего три старых бревенчатых дома с насупленными камышовыми крышами. Они стояли в ряд на берегу неизвестного озера, скрытого нависшим обрюзгшим туманом.

«Три домика, и всё? И нет больше никого вокруг? Куда же это мы с Берли забрели? В какую-то, безвыходную глухомань?».

Что-то сверкнуло в туманном небе огнём и, зашипев, булькнуло тревожно водой. Дикие утки, испуганные этим, прошумели над поникшими ольхами и растворились в серости.

Всполохи в поднебесье, следом за этим, начали пронзать серую ночь непонятными блесками, освещая этим дивом висящую безбрежность сизого тумана.

Камыш у берега шумел густым тростником и прятал в себе голосающую выпь.

Давящая тревога и безысходность вонзались Макарию в его сознание. Очень и очень так захотелось в Затворку, что нет терпения и сил. Видимо, только там он чувствовал себя настоящим человеком мира и чистого спокойя.

Макарий подошёл к первому домику и заглянул в дворик. Калитка сломанная, ворот нет совсем. Вместо штакетника старый плетень из густой облезлой, полуразрушенной лозы. Весь дворик, заросший высоким бурьяном, иван-чаем, да широкими лопухами. Но тропинку эту, сквозь заросль, кто-то всё-таки протоптал: не широкую, но пройденную и, видимо, несколько раз.

Макарий поднялся на хлипкое крыльцо и постучал в дверь этого невзрачного домика.

Ответом стала густая пустота и гулкий звук обратного, безразличного ко всему эха.

Дверь оказалась не запертой, и Берли первым кинулся в этот дом под камышовой крышей.

Серая туманная ночь таила углы этого мрачного строения. Но всё же, в единственной большой комнате, виднелась деревянная кровать, стол, уставленный посудой. Табуретки стояли на земляном полу, опрокинута, вверх ножками. Что-то висело на серых и, видимо, когда-то побеленных стенах: то ли картины, то ли иконы, в этой тёмности не разобрать.

– Ну, что, мой друг, здесь и будем мы с тобою до утра? Иного пока нам не светит, – обратился Макарий к Берли, но, больше к себе самому.

– Занесло нас куда-то, что не познать, не признать, зачем мы в этой глуши. А, Берли, мой друг? И что же нам с тобою теперь делать в этом не понимании? Будем мы с тобою отдыхать, как говорят хорошие люди: утро вечера, а точнее ночи, мудренее. Разберёмся мы с тобою во всём! Мы, ведь, молодцы? Точно же, Берли?

Голос Макария прозвучал глухо и нетвёрдо в этой мрачной тишине домика. Берли, обняв все углы, улёгся возле единственной кровати.

Макарий, устало прилёг на эту скрипящее ложе и тяжело со вздохом произнёс:

– Странно всё здесь, как-то, до тревоги и опасности, Берли. Утром мы с тобою пойдём обратный путь, правда, же? Ну, что ж, до утра и до причинных сил, доживём, надеюсь.

Кто здесь в этом домике обитал ранее, стены ответом молчали и Макарий уснул на твёрдом ложе покоя и беспокойства.

Утро разбудило Макария рычанием Берли. Он стоял у окна и, ошестившись, рычал в запутиненное стекло, грозно и жёстко.

Макарий быстро вскочил из скрипящей неуютной кровати и подбежал к окну.

С улицы, если это можно назвать улицей, напротив окна, стояли два человека с заплывшими лицами. Один из них нацелил прямо в Берли одноствольное ружьё, и, казалось, что вот-вот выстрелит. Другой, махал огромной палкой в сторону окна, как будто был в глубоком испуге.

Макарий, несмотря на слабое состояние, быстро выскочил из домика и бросился к ним. Но его мгновенно опередил Берли и, прыгнув через плетень на державшего ружьё человека, сбил его с ног и придавил к земле.

– Берли! Нельзя, фу! Не трогать, ты слышишь, что я сказал? Не трогать!

Разгорячённый пёс с трудом отошёл от поверженного им человека и стал в стойку рядом с Макарием, успевшего перелезть через плетень.

– Вы, что, нас убить хотите? Или как это ружьё понимать? – хлёстко спросил их Макарий.

Оба эти оказались молодыми парнями, но лица их были опухшие до уродства.

– Ха, ха! Вот это да! Мы то, подумали, что это волк! И откуда вы здесь взялись, такие вот неожиданные? Тебе что, не спалось на обочине, а, парень? Что, не узнаёшь нас, совсем? Да нас сейчас и родная мать узнать не сможет! Мы теперь эти, как их, метаморфозные! Ха, ха! Помнишь ты свадьбу Феди и Агриппины в лесу, возле обсерватории, помнишь? Так это я тебе наливал в стакан, и ты так резво выпил, что ого-го! Но, в пляс пустится, так и не захотел, а надо было и очень! А почему?

Макарий, сжав кулаки, твёрдо ответил:

– А мне-то, зачем это было? Вы ворвались на запрещённую для посещения территорию и устроили там такой кавардак, что даже птицы разлетелись за другие леса.

– Ты помолчи, парень! Мы ведь, хотели только уважить жениха и невесту, дав им возможность посмотреть в телескоп на звёзды. Но ты всё нам испортил своим ранением. Так что, скажи нам ещё и спасибо, за то, что тебя доставили к Агафье. А так бы тебе – кранты! Ну, чего замолчал, герой прошлого времени?

Берли сразу откликнулся рычанием на этот вопрос. Стал в стойку нападения и, зарывав, вонзился угрозой в этих чужих людей.

Лица их были заплывшими до неузнаваемости и уродства. Глаза этих двоих, смотрели на Макария сквозь еле заметные щелки, твёрдо, настороженно, но не грозно.

– Ну, и кто тебя подослал сюда, а, парень? Следить за нами мы не позволим! Так ведь, я говорю, Николай? Это, что же ты сам сюда дотянулся-добрел-дополз, и спроса у нас к тебе совсем нет? Или тебя притащил этот, вот, что рядом с тобою ершится?

– Ох, ты глянь, в самом деле, какой этот «гаво-собачиенс» силён. Ужас, какой-такой! Он перекусит даже проволоку и не поморщится. Ух! Аж мороз по коже, словно этой колючей проволокой по спине!

Второй, что с ружьём, ухмыльнулся и добавил:

– Именно! По твоей дрожащей части, что ниже спины? Ха, ха, ха.

И это, ха, ха, будто пошло на разрядку. Стало немного свободней вокруг, и разговор пошёл уже не твёрдый, а более миролюбивый.

– Ну и что мы будем с тобою парень решать, а? Мы-то здесь по своим настоящим делам, а ты почему забрёл сюда, в это пропащее место? Как тебя смогла отпустить Агафья в такую запущенную даль? Ты же, кажется, был прострелен кем-то в грудь и что, уже совсем здоров? Что-то, не вяжется это в правду.

– Да заблудились мы в этом густом тумане. Он нас сюда и направил, этот туман, – тревожно ответил Макарий, и устало добавил:

– Мы сейчас пойдём назад, к Агафье Никаноровне. Она нас давно ждёт, а мы вот застряли с этим туманом, здесь.

– Да не смей ты парень и не мельтеши словами, ведь так нельзя. Отдохните день-два, или три, тогда можно и назад. Может, мы вас и отвезём, если радость, конечно, придёт.

– Ну, что Николай, пожалеем его, с этим собачим другом? Думаю, что мы имеем возможность ему помочь?

– Да, он же ещё от ранения не вылез, уж, точно. Когда бы он это успел? Агафья лекарь хороший, но и она ведь не волшебница. Тебя-то, звать, как, Макарий?

– Да! Макарий, а его – Берли! Только больше ему не угрожать: он вам этого не простит никогда! А помнить он умеет всё: и добро, и особенно – зло, нанесённое ему, или мне.

– Да это мы уже поняли, и он надеюсь тоже. Да! Меня звать Игорь, а его, Николай, – сказал, тот, что с ружьём и протянул руку для пожатия.

– Ну, а теперь пойдём в наши хоромы, в последний домик.

– Ночью такое с неба летело, что просто не верится. Зато рыбы полно, хоть мешками таскай, не перетаскаешь! Сам посмотри: из берега увидишь, сколько плавает её перевёрнутой вверх. Оглушило рыбу эту и, видимо, для нас! Знало небо, что мы хотим рыбки, а? Ага-га - га! Так что нам это очень повезло!

Они вошли в дворик третьего домика, который, так же как и первый, был заросший разной порослью. Было видно, что здесь всё брошено людьми и давно.

– Что, понравилось тебе здесь, в этой озёрной местности, а, Макарий? Восклицания, что-то, не очень-то и слышно.

– Мы, с утра сегодня, рыбки-то наловили, просто – море! Вот, глянь сам, сколько! – указал Игорь на полных три корыта и различные кастрюли-мыски, стоявшие возле крыльца.

– Увезём домой! Засушим и увезём. Благо соли нашли в сараях – мешки. Пять лет прошло после того как исчезли отсюда жители, а всё осталось целым и нетронутым никем. Такие вот, здесь дела, Макарий, – добавил этот парень, натянуто и тревожно.

– А это, вот наш трактор самотяжка: собрали сами и ведь ездит. А озеро-то, так называется, что и не угадаешь никогда: «Пропади пропадом!».

– Вот как называется это озеро. Раньше оно называлось по-другому: «Тихое», а теперь, вот так. Боятся сюда люди добираться, да и далеко от селений. Пропадали здесь люди, и много.

С этих вот трёх домиков, люди исчезли неизвестно куда. Все, до единого человека. И нет никаких следов, уже почти пять лет. А мы, вот, молодцы, не боимся! Да и ты тоже такой?

– Так, ведь, я думаю? Или, может, нет? – сказал Игорь, заглянув в глаза Макарию.

– Да, не знаю: наверное, что да!

– Ну как, Николай, расскажем ему, если он конечно парень, что надо. А я вижу, что он крепкий и честный, точно такой как мы: надёжный!

– Ну, что ж, видимо, придётся, раз он уж здесь!

– Мы, вот, позавчера, смотрели телевизор, а там такое увидели-услышали, что и притащило нас сюда. Хочешь, послушать о таком, Макарий?

– Давайте, говорите, если это необходимо, я послушаю.

– Только уговор у нас к тебе: никому и нигде, и никак об этом! Ты нас понял, парень? Это дело серьёзное и опасное! Так что, если ты никому, то слушай и будь серьёзен. Согласен?

– Хотите – молчите, а хотите – говорите! И знайте навсегда: я – не болтун!

– Была передача о природе и о всяком разном. И вот один из гостей сказал, то, что у нас до сих пор не вкладывается в голову. За один грамм яда шершня – один миллион долларов! А за один грамм яда осы – 500 тысяч долларов. А денег у нас-то нет! Мы всегда почти, что на ноле. Понял теперь, почему мы здесь, на этом, как его, «Пропади пропадом»? Как говорят хорошие люди: пропадать так с музыкой!

– Пропадать, да за какой-то, миллион? Да уж, лучше не пропадать! Рисковать жизнью, за чем-то неясным и уничтожающим природу? Это вы уже добыли себе несколько валюты, что на ваших лицах? Это вам уже денежные призы пошли от ос и шершней любимых?

– О! Заблел, всё-таки, а то молчал. Ты ещё замычи, да замурчи, от своего непонимания. Ты с нами, или как, без нас? Кругом здесь нет ни души, хоть свисни, хоть крикни! Да тишина с ветром на озере плещет. А вокруг, этих летающих шершней да ос, не сосчитать. Не промажь, парень, не прогадай!

– Да оставь ты его пока: он ведь ещё не очухался. Как так можно сюда дойти пешком? Не верится даже! Смешно, что дальше некуда, хоть почеси себя за ухом.

– Ты лучше друга нового почеси за его ушками. Он тебя зубками, поприятельски в ответ почесет твои ушки. Ха-ха-ха! – и Игорь, смеясь, опасно посмотрел на Берли.

– Ладно, всё это мы оставим на потом. А сейчас нас ждут неотложные и серьёзные дела. Ты парень, сначала подкрепись, чем нам бог послал, и пёсика своего подкрепи, а потом займись хозяйством, – задумчиво продолжил Игорь и, взглянув зачем-то на лес, добавил:

– Мы сейчас с Николаем двинемся по делам, вот за эту лиственницу, что торчит над миром. Видишь? Если нас до утра нет, то пойдёшь на поиски. Договорились, Макарий? А сейчас, можешь набрать грибов: здесь их столько, что хоть коси косой! Приготовить, я думаю, что ты сможешь грибно-рыбную уху, что уже на слуху? О, я уже чувствую её невероятный запах! А в доме имеется три комнаты, выбирай себе одну: только наша – большая. Рыбу мы уже успели засолить, но её нужно придавить грузом. Найди камни и придави, так, что займись этим, без вопросов.

– Хорошо, попробую всё сделать, как ты говоришь. Только сначала скажи, что это так ухало ночью в лесу?

– Скоро узнаем! А теперь – пока, и, надеюсь, что мы уходим ненадолго. А дома ты обследуй, если хватить силы. Мы их осмотрели, но, видимо, не так как надо! И что-то здесь есть такое, чего не должно быть. А что? Непонятно! Вот сам, на крыльце, перед входом в дом почи-тай. Мы всё здесь осмотрели, до остервенения, но так ничего и не нашли, – и, махнув рукою, Игорь вошёл следом за Николаем в заросший хвоей лес. И уже, из-под густых веток сосен, донеслась его бодрая уходящая песенка:

На мир зовут дубы высокие,

И лес шумит листвою затаенной.

Где встречи – жар, слова жестокие
Отправят нас к любви опаленной

Камни он нашёл на берегу озера и придавил ими всю засоленную рыбу. Потом сходил в лес за грибами, которых действительно было очень много. Приготовил эту грибно-рибную уху на полуразваленной печке во дворе и принялся осматривать дом.

Макарий взошёл на старое крыльцо и внимательно осмотрелся вокруг. Что здесь в этом доме таилось необычное и загадочное, он почувствовал сразу. Это осознал он своим внутренним «я», которое всегда умело тревожить его душу сверхожиданием.

Над распахнутой дверью в дом виднелась вырезанная неровными буквами старая надпись:

«Будь человечен, всяк сюда входящий!».

Выше этой надписи виднелось другое указание.

На стесанном неровно бревне, была вырезанная стрелка – вверх, и так же имелась поставившая надпись:

«Я там есть! Ты поймёшь, сумев взойти!».

Макарий внимательно осмотрел внутри этот третий дом: всё брошено и, видимо, давно. Ничего интересного он в доме не заметил и решил осмотреть здесь всё снаружи.

Он обошёл вокруг дом и увидел прислонённую к пристроенному сарайчику деревянную лестницу, не совсем изъеденную временем и ветром. Прямо с крыши этой пристройки имелся закрытый вход на чердак дома.

– Ну, что, Берли, я – наверх? Под крышу мира? – и подмигнув своему защитнику, залез на чердак.

На чердаке было влажно и смутно, как в душную тяжёлую ночь. Призраками чужих миров свисала густая паутина с потолка до самого низа. Камышовые связки снопов, связанные крепкой осокой, издавали непонятный и терпкий запах. Всё здесь было покрыто временем и пылью, что даже птицы не посещали это глухое место. Серовато, мохнато, от паутин и сотканной необычности тишины.

«Но, что, же хочет эта надпись на бревне? Чтобы кто и что здесь нашёл? Но что можно здесь спрятать, и зачем, и для кого? Странно это, и очень! Но, может, здесь и нет ничего? А чья-то, шутка-розыгрыш, для простаков, желающих что-нибудь прихватить, просто так?».

Крыша нависала серым камышовым вопросом и молчала в ответ. Гирлянды паутин плотной завесой тянулись к Макарию и будто манили в себя. Внимательно осмотрев этот, паутиный мир, он заметил небольшую прореху в этой завесе времени.

«Что это за невиданность такая? Это, что же? Неужели тайник?» – тревожно вскинулась мысль.

Из камышовой щели чердака, что-то торчало, сероватой тканью.

Он потянул к себе эту мешковину и, оказалось, что это целый мешок. Макарий вытащил всю эту неожиданность и развернул её. Там находились две пожелтевшие тетради, фотографии каких-то людей и тяжёлый свёрток, обмазанный хвойной смолой.

Сверху этой находки лежала пожелтевшая записка, написанная ровным почерком:

«Если вы нашли это послание, то я имею надежду, что вы хороший человек!».

«Хороший ли я человек? Странно задавать себе такой вопрос! И надо ли? За все дела сотворённые оценивают другие, а я? Ну, что ж, имеем надежду на то, что хороший».

Он развернул первую тетрадь и начал читать, невзирая на тусклую видимость.

«Здравствуй неведомый человек! Пишу мало, так как не имею много времени. Мы, жители этих трёх домов, имели большую неосторожность проживать в этой местности. Объяснять уже некогда, так как на нас совершенно нападение каких-то людей.

Нас здесь всего девять взрослых людей, с этих трёх домиков, что на берегу озера «Тихое». Дети давно все разъехались по городам, и мы их в эту глушь пока не зовём.

Всё что найдёте в свёртке, огромная просьба: сдайте государству! Я думаю, что это очень и очень необходимо! На пользу детям и развитию страны, которая ищет свой потерянный путь. Это наша личная просьба к вам, которую хочется повторить множество раз! Писать, больше нет времени, потому что имеется ощущение, что нас скоро найдут. А необходимо ещё спрятать всё это, понадежнее, чтобы чужие не смогли отыскать! Когда прочтёте тетради, вы многое о нас поймёте! Нежданную эту беду мы нашли возле местности, которую назвали «Камышовая Гуща». Это, отсюда за озером, где-то в шести километрах на север, по речке Беглая, возле устремлённого в небо обломка скалы.

Если мы успеем уйти от этих злых людей, то быть может, сюда никогда уж не вернёмся.

Не думайте о нас плохо и неуважительно, так как мы ничего дурного не сотворили за свои приозёрные жизни.

Чтобы за нами не тащилось прошлое, мы оставляем всё своё имущество здесь, во имя спасения заблудившего человека, да разгульному буйному ветру, который был нам совсем не чужой.

С уважением: Гордей Иванович Бурин, и все жители приозёрного хуторка Тихий, у озера. Всего нас девять человек. Пять мужчин и четыре женщины».

Дальше страницы этой тетради были заполнены стихами. Что-то ровным почерком было написано на нескольких листах карандашом, но всё это Макарий оставил на потом.

Повторялось несколько раз, что их девять человек. Уж видимо сильно этот человек был встревожен чужими людьми.

Со двора, от озера, неожиданно зарычал Берли, точно, что не на своих.

Макарий посмотрел в щель крыши и увидел рядом с домиком двух шагающих людей.

У одного, на макушке головы, виднелась, словно тонзура, круглая лысина. На этом голом пятне, зачем-то, была наколта кольцами мишень. Пальцы рук неприятно серели тусклой синевой других наколок. От этих людей тянуло мраком, затаённой лихой враждебностью и непонятным беспокойством.

Идущий первым был широк в плечах, но низок ростом. А второй, с тонзурой, был художав и цепок, как крепкая былина в голом поле. Какая-то жёсткая сила исходила от этих обоих, что чувствовалось: не обуздать её никак и не принять за простоту.

«Кто они? Бывшие здешние жители? Или же такие как и мы? Что им этим здесь надо?» – тревожно подумал Макарию, и быстро спустился по лестнице на землю. Рядом густели широкие лопухи, и Макарий бросил, в эти заросли свою находку из камышовой крыши.

«Пусть полежит пока здесь, до выяснения, кто эти», – тихо прошептал он себе и обратился к Берли:

– Тихо! Ты помолчи пока. Что этим надо здесь, мы ещё не знаем! Давай за ними посмотрим отсюда, поглядим, что и к чему. А пока, на время, замри и не рычи!

Эти двое, посвистывая что-то, легко и непринуждённо вошли во двор третьего дома, для них первого от леса.

– Глянь! Да здесь же имеется лимузин! Вот это подарок, что надо! Может, он ещё и ехать умеет? Да и рыбы, вот смотри, сколько! И нет никого в этом дворце причитаний. Или есть, кто-то, в мире этом? – с весёлостью захохотал невысокий, но крепкий человек.

– Эй! Есть здесь, кто-нибудь? Или, только мы, люди настоящие? – выкрикнул, тот худой, что, как былина.

Макарий, внутренне напрягшись, вышел из-за домика, держа рядом Берли.

– О! Парень-то есть в этом краю безлюдном, да ещё и не один. Ты нас не бойся, мы совсем не враги. То, что видок у нас не в праздник, ты не переживай. Мы ведь, не гулять зашли, а спросить, да вот и всё что надо.

Но от них тянуло холодком и какой-то неприятной мглюю, острою, как промозглый ветер.

На веках прищуренных глаз, того с мишенью, были наколоты надписи: «хотим спать».

– На вопрос ответ найду, если знаю! – осторожно ответил Макарий, оценив их взглядом.

– Знаешь, знаешь! По тебе видать, что знаешь! И пёсик твой поймёт, о чём мы спросим.

Так ведь? – прищурился, сказал тот, что пониже. Вслед ему, худощавый, легкостью добавил:

– Нам бы в Зелёное село, да чтоб короче путь. Ну, и если не жалко, то и перекусить, что ни будь, на дорожку. Мы здесь на разработке леса, а соляры-бензина нет: закончились проклятые. Без них, работы нет, и хода никакого. Вот у тебя стоит технический мерин, так ты может нас и подкинешь туда? А, парень что надо? За нами не заржавеет! Мы на отдачу – молодцы!

– Не могу! Это не мой мерин! – не сдержал улыбку Макарий и добавил:

– А перекусить-то, можно. Правда, не очень, но немного можно. Я же здесь не один. Остальные в лесу, по делам и скоро придут.

Грибно-рыбная уха стояла в казанке на полуразваленной печке, которая ещё умела держать в себе огонь, на заросшем дворе.

– Присаживайтесь, правда, за хлипкий стол, но другого вам предложить немогу.

– Сойдёт, сойдёт и за царский, сойдёт, – промычал широкоплечий и оба этих путника жадно принялись за уху.

– Красота-то, какая эта уха! Спасибо тебе парень, и очень! Поднял дух и силу для жизни нашей! Но, раз отвезти не можешь, то укажи дорогу на Зелёный, – сказал тот, что поменьше ростом и, взглянув на Берли, добавил:

– Ух, как с людьми-то обращается? Что – огонь и не подступится? Видать, что силён он, как гладиатор былых времён?

– Ну, всё, люди-путники! Спасибо вам за посещение! Дорога вот за теми домами, что впереди. Прямо идите по ней до конца и свернёте налево. Там и есть Зелёное, – и спросил:

– А это, что за рисунок на голове? – и сразу же подумал: «Зачем же я их зацепил вопросом? Необдуманно очень: пусть уходили бы скорей!».

Но сказанное, уже не вернуть, не позвать назад.

Этот, худощавый и стойкий, ответил с быстрой охотой:

– Это, чтобы звёзды не теряли свою навигацию в небе! Я ведь для них – цель благосклонности! – и засмеялся, встав из-за стола.

– Спасибо парень и очень, за понимание и приём! – добавил второй и цепким взглядом окинул разваленную телегу, стоящую рядом с печкой.

– Жизнь нас научила цепко держать её за узды, но вот, что телега, не очень-то везёт! Вот, как эта, что смотрит на меня своей тощей оглоблей! Да и колёса в неё не в езде! – с весёлостью вставил с тонзурой.

– А это проглотное место, не иначе? Люди уйдут в лес за грибами, или за ягодами, и нет уже их? С огнём и метлой найти их больше нельзя? – продолжил он затягивать вопросами.

– А ты то, откуда это знаешь? Что, раньше жил здесь?

– Да нет, не приходилось осчастливиться этим сюрпризом. Но, думаю, что это так. Ведь, здесь никто давно уж не живёт! Понятно с первых оглядин-смотринок! А? Точно, ведь, так? И есть вот эту рыбу-заразину, может быть, грех? И грибы к ней, может, тоже отравы, да и только?

– Но вы ведь с таким аппетитом взмахнули в себя! А как же этот грех?

– Мы-то, люди закалённые, не то, что иные. Мы привычные ко всем непривыčnostям и тяжестям недоумного быта.

Звенело ёмко небо своей бесконечной высотой! Дышало озеро приятной влагой дня! И эти, двое пришлых, из какого-то неясного пути, не предвещали угроз.

Мирно в озере плескалось солнце, купаясь волнами в своей ясности. Лес продолжал шуметь, играясь с лёгким тихонравным ветром. Но, что-то, веялось напряжённое из этого величия дня, и тянулось чем-то неожиданным, чего никогда не ждёшь. Это Макарий ощущал всеми частицами своего напряжённого «я» и был готов ко всему.

– Да! Райское это место, как нигде больше! Волшебство, не иначе! Так и жил бы здесь до полёта в никуда! Эх! Красота-то, какая! – раскинул руки, тот, что пониже, и мирно, всю широту улыбнувшись, полез рукой в карман. Лениво вытащил из него моток верёвки, и, зевнув, сказал:

– Вот с этим мы и ходим, вдвоём по миру, как могём! И нет на нас обиды от мира нашего! – и резко взмахнув рукою, бросил верёвку с петлёй на шею Берли.

И сразу же второй торопливо и напряжённо воскликнул:

– А тебе я сейчас покажу наш любимый полёт стрекозы, с огромной радостью! – и, замавав своими длинными руками, бросился на Макария.

Но Берли – есть Берли! Его быстрым наскоком не взять: ни петлёю, ни испугами зла. Он мгновенно захватил лапой эту петлю и, перекусивши её, прыгнул на этого широкоплечего, вцепившись пастью в его руку.

Но второго, с тонзурой, этим не остановить, не усмирить. Он, как ветряная мельница под диким ветром, махал своими длинными руками и с криками «я!», бросался на Макария. И уклонится от них, почти что, небыло никакой возможности и такта. Словно это жестокая беспощадность к чистому миру гостеприимства нашла здесь свою применимость. И остановить её от этих действий, нет ни времени, ни возможности, ни силы.

И Макарий, оглянувшись, рванул оглоблю от старой телеги, взмахнул нею в сторону чужака, и громко воскликнул: «Ух! Вот и тебе подарок от нас!», со всей силы стукнул по плечу, этого, странного, махающего руками «гостя». Но тот отскочил от оглобли, как резиновый мячик и опять бесшабашно кинулся на Макария.

«Выстоять против этих захватчиков, обязательно! Я ведь, пограничник!», – мелькнула жгучая мысль, и он краем глаз увидел, что его Берли неподвижно лежит на траве. Вторым, что пониже, вдруг скомандовал:

– Не трожь! Оставь его, пускай остынет от нас. Мы уходим туда, куда нас зовёт жизнь! Ты слышишь, что я говорю? – крикнул тот, что низок ростом.

Но, этот, с тонзурой, ещё резвее накиннулся на Макария.

Мощный удар ноги попал Макарию прямо в грудь и, споткнувшись, он упал на старую телегу, к печке. Боль в груди рванула силы изнутри, и он вскричал на всю лесную мощь:

– Уху, ведь, разольёте! Она-то, здесь причём? Это же – ваша сила!

И мгновенно остановилось дикое нападение чужаков. Как будто волшебство невероятности прекратило безумное нападение этих «путников».

Сразу стали слышны щебетанья камышовок из берёз, склонивших во двор свои ветки. Кусты даровито заблестели ягодами чёрной черёмухи, показывая настоящую, совсем ещё не опавшую жизнь.

И солнце засветило мирно, и озеро уж не тревожилось в своей близости. Лес, зазывно шумел в своей умелости доставать нарядной зеленью до лазурной выси. И будто небыло угроз от пришлых забияк, и того плохого, которого никогда не ждёшь, и не веришь, что такое есть.

«Вот так путники, и до чего непутные! Выдохнуть от них, и сил уже почти нет! А день-то, чистый, выше всех ожиданий! Хоть песни пой, а хоть пляши: действительно он прекрасный, до непостижимости!».

Эти, двое, присели вдалеке на траву и о чём-то шептались меж собой, жестикулируя руками.

Макарий, тяжело дыша, подошёл к Берли и потрогал грудь. Да, сердце билось, как тогда в лесу. Но стекала тоненькой струёй жизненная кровь по густой шерсти, на эту обрётённую приозёрную траву, из старой открывшейся раны.

–Эй! Ты! Слышишь ли ты нас, или нет? Поговорить нам надо, без войны, а так, по-людски. Есть о чём нам говорить, если ты на нас не зол и обиду кинешь прочь! За пса своего нас прости! Это не мы его так, а он сам так вот сумел. Руку он повредил сильно очень! И,

если имеется в тебя, какой-нибудь йод и чем забинтовать, то просим извинения и жизненной помощи, – вскричал тот, что как былинка.

Макарий с трудом встал, и, подняв с земли оглоблю, пошёл на этих странных «гостей».

– Сейчас я вам это принесу! Вылечу вас обоих, до самого младенчества, или до самого возврата, откуда вы появились на свет! На свет чёрный для вас обоих, и гадкий до омерзения от ваших действий. Вам ещё и йода? А оглобли вам для лечения милосердием не надо?

– Подожди, подожди не спеши! Это нас так бес сгоряча попутал! Мы хотели чинно и благородно спросить о дороге, да и всё. Но, вот так вышло. Что ж, такое бывает, сам пойми. У тебя вот трактор, а нам – пешком. Вот и всё решение. Так что, нас прости! И нас здесь небыло совсем, и – никогда, и – никому! Лады? И мы уходим, уходим, навсегда. Только, ты мне руку помоги чем-нибудь залечить и замотать! Больше силы нет терпеть эту боль! А мы ведь миру ещё нужны, да и себе тоже, – сдалека промычал, тот, что пониже ростом.

– Мы – гады, и этого не отрицаем! Но нам необходимо ими быть, чтобы выжить! Понял, ты нас, парень? На тебя зла у нас нет и небыло никогда! Ты просто случайность в нашей жизни. Так что брось с нами войну, а пойми и помоги! – вдруг, став вежливым, добавил, тот, что с тонзурой.

– Нет у меня никакого йода! И мой вам совет: давайте быстрее отсюда! Пока из лесу не пришли наши люди! А рану, если она есть, то присыпьте перезрелым дождевиком. Их сейчас везде полно!

Пёс, неожиданно поднял голову и взглянул на Макария, будто говоря, что всё в норме.

– Берли! Не вставать! Лежи пока, я сейчас! – и, повернувшись к этим пришлым, жёстко воскликнул:

– За что это всё? Зачем вы так с нами? Что, вдруг мирно затихли?

Он вспомнил, что на опушке видел дождевики. Несколько перезревших, больших коричневых грибов смотрели в мир происходящего, достойно и обнадеживающе.

«Вот оно, лучшее средство от сепсиса и всяких неожиданных ран! Необходимо присыпать кровотечение Берли этим лекарством леса».

Он сорвал дождевик, и его пыхающую внутренность густо насыпал на рану Берли. И пёс неожиданно вскочил и, оглядевшись, встряхнулся, и жёстко уставился на этих двоих.

Тот, широкоплечий, что ниже ростом, тяжело выкрикнул:

– Да не маши ты этим орудием тягла, а успокойся своего пса и выслушай. Ты, случайно, не ждёшь ли Игоря и Николая? Если их, то беги отсюда, да поскорее, во всю свою прыть. Они больше сюда не придут. Теперь они в западне, и очень, безвылазно глубокой.

– Что, что, что? Ты о чём это так сдалека? А ну-ка, подойди и уточни, да скорей!

– А, что уточнять! Они захвачены в работяги. В работяги, невольные и бессрочные. Вот так, парень, вот так. Такие вот теперь у тебя дела. Им на ночь хомуты на шеи, да на ноги вожжи от лошадей. Теперь им мир безвольный, и иначе не бывать.

И Макарий вдруг почувствовал, как что-то потекло по левой стороне груди, тёплое и липкое. Он понял, что открылась полузажившая рана и сжала всё его естество до колючей боли.

В голове помутилось, закружился лес, но он выстоял, и, расставив ноги, упрямо смотрел на этих чуждых «пришлых».

– Это, кто так посмел затронуть наших людей? По какому такому праву это всё я слышу? А? – грозно выкрикнул Макарий и вонзился взглядом в этих «пришлых».

– По какому праву? Да по праву силы, наглости и бесправия, которого сейчас хватает везде, куда не кинь, куда не глянь! – скривившись, выдавил тот, что поменьше и добавил:

– Там верховодит какой-то, Веня-Феня! А на его плечах сверкают погоны майора милиции. Может, ты хочешь, с ним сразится, а, парень, или как? Восторга, что-то, нет! И добавь к нему ещё пару лиходеев-безумцев. Вот, так вот, жизнь показывает свою начинку без сожалений и ласки. Хочешь ли ты этого, или не хочешь, но так на самом деле есть.

– Вы-то всё это откуда знаете? Ветер вам принёс, или лес нашептал комариной тучей? – нашёл в себе силы, справится с этим Макарий и про себя тревожно подумал:

«Веня-Феня! Вот куда делся этот после обсерватории. Мир узок даже в этих лесных глухих бесконечностях. Что же теперь делать? Не зря Игорь с Николаем просили их искать, если не придут до утра. Не зря! Видимо, не за шершнями да осами они прибыли сюда. Но, что же, теперь делать? Я же обещал их искать!».

– Ты не затягивай с собой! А беги отсюда, куда глаза глядят, и подальше! Мы вот, убегаем, сколько есть мочи от этой беды. У тебя, вот, немного тормознулись, да и то, из-за еды. А там страшная охрана с ружьями, да с беспределом ко всем иным.

– Это что за кошмар от вас я слышу? Средневековие какое-то, что ли? Да такого быть не может никак! В наши годы, да невольники? Не болтайте чепухи!

– Парень! Ты что ещё не сообразил, что эти невольники там роют и роют, без устали? Там теперь и Игорь с Николаем! Что дальше будет с ними предугадать совсем не сложно! Ведь скоро осень, а там и зима! И куда этих невольников потом девать? А? Дошло, или нет?

– Что они там так роют, что захватывают людей? И как это предугадать, не сложно? – надавил словами на этих двоих, Макарий.

– Парень! Да ты что, совсем ничего не смыслишь? Не озарило тебя ещё? – почти выкрикнул, этот, с тонзурой и тяжело вздохнув, добавил:

– Там «чёрные копатели», как их теперь зовут, то есть, «бугровщики». Вот они шарят по лесам да лугам в поисках добычи! Всё ищут свои ненасытные богатства, которые, на самом-то деле, принадлежат всей стране. Есть у них и металлоискатель, и, так называемый «лозоходец», тоже имеется, как говорится, находится на «зарплате». Ищут они всё, что схоронено в курганах, иных полузабытых местах и ещё не затронуто никем. И они там нашли самый настоящий «солнечный камень», точнее, янтарь. Тот, что с жучками внутри, да насекомыми, то есть, инклюзы. И добывают его без зазрения и стыда, не жалея никого и ничего. Вот так вот теперь всё есть, что не хочется и помнить!

– А там, где такое явление, там всегда присутствует беда! Это родня таким вот делам. Пора бы знать об этом! И эти – в погоне могут быть сейчас за нами! Так что, будь осторожен! О нас, никому ни единого слова, если они появятся здесь, – скривившись от боли, выдал тот, что пониже ростом.

– Что, что? Предательства и трусости здесь нет, и не будет, никогда! И незачем болтать эту безосновательную чепуху! Недостойно человеческого звания «я!». Вы, слышите меня?

И, вспомнив слова Смотрины Алексеевны, жёстко добавил:

– Мы всегда обязаны быть людьми! Всегда и везде! А вы – бежать, как последние трусы! На меня одинокого бросились, не боясь! А? И если вы люди настоящие, а не трусы, то мы найдём этих мерзавцев! Пускай ответят перед миром за всё, и освободим людей от их гнёта!

Те, двое, о чём-то, пошептавшись, поднялись с травы и чуть двинулись к Макарию.

– Да мы-то не против твоих слов, только это всё невозможно! Мы что с голыми руками пойдём на этих что там? Дорогу туда мы-то найдём. Но как бы нас самих быстрее эти не нашли! А ты – трусы! Да не трусы мы, а жить хотим! Без всяких гадов и унижений! Ты, вот спросил, что это у меня за рисунок на голове? Отвечу! Это этих, что там, развлечения надо мною, за попытки к очередному бегству. Вот так, парень, наш неожиданный! Да и на пальцах рисунки этих подонков. Так, что я рвать их готов, даже зубами! Но, вот боюсь, что не выстою я против этих гадов! – рванул на себе ворот рубашки, тот, что с тонзурой.

День вдруг будто посерел, и волны озера заволновались, бурно выплескиваясь в мир. И откуда-то, издалека, затмевая камышовки, Макарий услышал рваный звук гармонии. И бубен, так же, как когда-то, громким таинством заполняя окружающий лес, приближался всё ближе и ближе. И хриплое урчанье автомобиля будоражилось всё ярче и ярче, доставая собой заоблач-

ность встревоженных небес. И казалось, что бубенцы, подбадривая ветки сосен и елей своим звоном, приглашают в радостное веселье целый день.

Неожиданно, из-за первых домиков выскочил лихой наездник на тёмном безудержном коне! Сверкая красной одеждой и белой косынкой повязанной на голове, вздыбился конём и остановился перед Макарием.

– Ой! Мир-то, живой какой! До невероятности, что этого не может и быть! Макарий, Макарий! Неужели это на самом деле ты, тот, которого забыть я и во сне немогу? Что, не узнаёшь меня, Макарий, никак? Я теперь совсем не та, что ты когда-то встретил! Помнишь ты ещё меня? Или уже забылась встреча наша? Я же Гриня-Агрипина! Вот такая я и есть самая настоящая! А не та, что в том далёком полузабытом лесу. О! И вы здесь, заблудшие во времени и цветущей жизни пустоты! Где это вас так долго носило, что встревожили всё село? Почему молчим, растерянные до неузнавания люди? – и, спрыгнув лихо из седла, скомандовала коню:

– Успокойся, Гром! Отдохни и не рвись быстро домой! Сколько здесь мы пробудем – неизвестно! Видимо, до тех пор, пока нам время не скажет своим «я!», на возврат.

На её груди матово сиял на цепочке золотистый медальон, добавляя этим необычность происходящего, что не верилось в это совсем.

Вслед за ней, из-за тех же домов, выкатился, тот же хлипкий «ГАЗ-51», но без полной веселой кузовной пестроты. Гармонь и бубен состязались в руках двух молодых парней, одетых в народные одежды давних лет.

И так же кипела взбудораженная радость, и так же бесшабашно звучало «семь-сорок», что казалось: жизнь и мир – едино целое. Память Макария вздрогнула и всколыхнула закоулки того прошлого, что туманно пряталось, где-то, за пределами чувств. Он вспомнил, и обсерваторию, и всё-всё, что тогда с ним произошло.

– Здесь с неба что-то вчера упало? Может, прилетело огненным подарком для нас, людей, не очень-то верных? Как ты думаешь об этом Макарий? Мы люди верные и безупречные, как то, что с неба летает? Или нам этого ещё не дано? А вот Агафья очень уж тебя заждалась, и в плаче почему-то очень. Да и мы все тебя, уж, обыскались, а ты вот где! Как тебя сюда занесло в это пропащее место? И пёсика своего не потерял нигде! Да ты Макарий точно, кровинка неба без неё-то и жизни нет нигде, – и недоговорив слова, повернулась к лесу, закрыла ладонями лицо.

– Туман сюда нас завёл своей непроглядностью, и никто иной, только этот туман, – с удивлением смотрел Макарий на эту новоявленную и необычную Агрипину.

Не верилось, совсем не верилось, что это и есть та, чужая невеста, которую он запомнил жарким поцелуем.

– Ты не бойся! Я тебя отнимать ни у кого не собираюсь. К тому же, я – ничья! А точнее, своя собственная, как и была всегда! И никогда ещё не принадлежала никому, ни единого разу! Только миру, да своей затаенной в уголок душе. Вот так, Макарий! Как на духу перед тобою вся! А, зачем? Понять и сама ещё не могу!

Она вошла в дворик этого домика и, увидев трактор самотяжку, удивлённо воскликнула:

– Вот это – да, так да! И эти, тоже здесь! Умудрись всё-таки унырнуть без нас. И вот куда! Где же они теперь эти наши молодцы-загуляки? А, Макарий? В каких-то, краях, сейчас они бесшабашат? И узнать бы очень хотелось, где это их носит, да ещё и без нас!

Она посмотрела поверх зелёного леса и, сорвав косынку с головы, неожиданно с горечью добавила:

– Улететь бы туда, за эту далёкую даль, да не одной, а с тем, кто верен собой и может беречь святую чистоту души! Да вот, не с кем в полёт тот, не с кем. А жаль, что крылья расправить совсем никак невозможно. Нет высоты для полёта в тот мир! А, Макарий? Что ты на это скажешь?

У Макария, вдруг, защемило, затревожилось внутри, словно это озеро нашло свой выход и плеснулось из берегов в его бескрайние чувства огромной волной беспокойства.

– А как же твой благоверный Филя? Что, он уже и летать не может? Ведь, у вас только свадьба была и что, полёта уже нет? – скрыв своё волнение, спросил Макарий.

– Какая свадьба! Это же была простая имитация свадьбы! Так, от скучного безделья, что захлестнуло наше Зелёное. И очень уж нам хотелось, хоть немного, взглянуть на иные миры в телескоп. Так что, это всего лишь была игра, не очень для меня приятная, но было так. От Фили этого, теперь отбоя нет! Возомнил он о себе так, что и видеть его не хочу! Нигде, и никак!

«ГАЗ-51», развернулся и стал капотом в обратную дорогу, приглушив тоскующий мотор.

– А это вот наш оркестр, из двух человек! На все наши непредвиденные случаи жизни! – и указала на двоих парней, что стояли в кузове с гармонью и бубном.

– Но, всё же, где таки Игорь и Николай? Они ведь без нас – никуда! – осмотрев трактор самотяжку, спросила Агриппина.

– А вот они тебе объяснят, яснее, чем я! – Макарий указал рукою в сторону опушки леса.

Два этих «путника» стояли, словно прикованные к приозёрной земле, и молча, смотрели на Агриппину, и на прибывший автомобиль, «ГАЗ- 51».

– Витя! Ты ли это? Не узнать даже во сне! Что это за «украшения» ты одел на свою молодую жизнь? Наколки, что ли? Нельзя вас никуда отпускать и на один день! А голова-то, что, совсем уже без мыслей? Растерял их в пути неосознанном, что и уродство приобрёл такое?

– Морфогенез это! Сотворение во мне нового человека, для взрослой жизни! – ухмыльнулся, тот, что с тонзурой.

– Слова-то знаешь умные, а сам-то что, ничто? Это как вы сдружились непохожие ни в чём, ни в одном едином? Ведь вы совсем разные люди по нутру и по вздохам? – спросила Агриппина, окинув их пристальным взглядом.

– Уж, не миряченье ли на тебя нашло, Агриппина, что знаешь об этом? – развязно улыбнулся, этот, всезнающий Витя.

– Миряченье? Это кажется приполярная болезнь? Так что ли?

– Нет, конечно, нет! Это для кого-то может и болезнь, а для кого-то, и высшая жизнь! Это, что-то, вроде транса, или рядышком с этим. Так камлают шаманы и прочие запредельные умельцы. Те, что по своему желанию сбегают в запредел и возвращаются обратно в себя, как ни в чём небывало, притом, узнав там всё и обо всём, что им необходимо.

– Ты что и шаманил уже, Витя? Не шути так неосторожно! Ведь, пора бы знать, что жизнь не всегда принимает шутки.

– А я не шучу, а просто знаю об этом уж давно. Черпаю сведения из мира сего, сколько могу. А о том, что с Борей мы разные, то ты как всегда права! Ведь, его акушерка достала совсем из другого места, чем меня! – развеселился этот Витя. Но было заметно, что натянуто и через силу неподвластного ему дня.

Макарий, жёстко посмотрел на него и, повернувшись к Агриппине, спросил:

– Что же это у вас вечно, бубен да баян? Дела уж нет никакого, как по пуговицам баяна, да бубном тревожить лес? Веселье не всегда, веселье! В меру должно быть всё! От таких вот, безудержных действий, люди только глупеют!

– Да, я согласна с тобою, Макарий. Люди меняются в лучшую сторону, как ни парадоксально, или от беды, или от горя. А от безудержного веселья только глупеют и могут, навсегда! Я это всё прекрасно понимаю!

Подошли поближе эти два «путника» и остановились возле коня.

– Ну, здравствуй, Гриня-Агриппина, здравствуй! Ты-то, зачем прискакала в эту погиль? А цыгане тебе, уж и коня подарили, перед своим отъездом?

– Подарили, Витя, на время подарили! Но, давай, рассказывай дальше, не переходи на личное, а обо всём, да чётко, без отвлечений!

– Ну, что ж, даю на иное дальше. Сюда уж лучше совсем никому, никогда и не зачем! Жили-были люди на этом берегу, а где они теперь? Каким их ветром отсюда унесло? И вернутся ли они в свой родимый дом, когда-нибудь? Наверное – нет! – тяжело выдавил этот Витя и, взглянув на Агриппину, добавил:

– Здесь таится зло, и разносит оно себя по всем неожиданным местам, где казалось, и быть-то не могло. Мы вот, с Борей, сюда-то, зачем добрались? А, для разнообразия жизни! Так, от просто нечего делать. Прослышали об этом «Тихом», и что теперь называется оно «Пропади пропадом» и захотелось, чего-то неведомого! Так, испытать свою судьбу на выносливость и на перемены. Теперь видишь, Гриня-Агриппина, перемены-то есть! Даже на веках глаз!

– Витя, не надо тризны! Ты толкуй толково, а не размазывай по своим обидам. И запомни: мы сюда не тебя жалеть приехали, а из-за того что с неба прилетело и упало, где-то, здесь!

– А я и не свои обиды, а жизнь, и всё происходящее здесь, и чуть подальше! Ты спросила об Игоре и Николае? Ну что ж, давай набирайся терпения и слушай! Мы тебе с Борей расскажем, даже больше, чем ты ждёшь! А что с неба упало, или прилетело, то это, видимо, метеорит. И рассыпался он перед самой землёй, как фейерверк, на многие светящиеся части.

Ветер стих, озеро престало плескать о берег свои волны и будто стало слушать слова этого Вити, стоявшего возле настороженного коня.

– Захватили нас негожие люди, как последних ротозеев. Да и мы не ожидали такого от этих людей, что внезапно возникли на этом берегу.

Рассказ Вити был долгий, с подробностями, об их злоключениях в этих неверных местах.

Боря, тот что ниже ростом, слегка поддакивал, но больше угрюмо молчал, ковыряясь рваным ботинком в подусталой земле.

– То, что ты Витя рассказал, ужасно, страшно и мерзко! Это, что же, будущая жизнь нам шлёт свои проглотные времена? А? Так что ли, теперь всё? Густо приправлено тем, что хочу, то и творю? Выходит, что так! Но киснуть нам Витя нельзя! Игорь и Николай сейчас в большой беде! Да и другие, наверное, ведь там невольники есть! И никто кроме нас их не сможет вырвать из этих адских мест! Не молчать, а всем умные слова, для сильных наших действий! Обдумать, составить план и в путь, для освобождения наших людей! – твёрдо сказала Агриппина и повернулась к Макарию:

– Макарий! Ты какую такую имеешь силу, что притягиваешь к себе, вот всё это?

– Какую? Я думаю, что безвредную. Ведь я не желаю зла, никому! Даже этому же злу! А Витю и Борю, я принял чисто и вне сожаления. Они видимо ещё в шоке от тех, но надеюсь, что скоро вернут свои человеческие слова и мысли. А против этих «захватчиков» мы выстоим! Иначе не может и быть! Кто же, как не мы? Но милиции необходимо сообщить об этом и как можно скорее.

– Макарий! Как твоё здоровье в данный момент? Агафья Никаноровна смогла поднять твою силу до необходимых жизненных высот?

– Смогла – не смогла, а разговаривать об этом, у нас нет времени. Что это за люди с баяном и бубном? Они тоже пойдут с нами, или нет в них такой готовности?

– Макарий! Я, заведующая клубом! Некого было поставить на эту проклятую должность, и вот, уговорили меня. Сожалею и очень! Но, так вот есть в данный момент. А это, весь состав нашего клуба Зелёного села. Эти два, с баяном и бубном: Кирилл и Пётр. Захотят ли они в этом участвовать, я не знаю! Но было бы очень кстати! Мы подошли бы к этим «ройщикам», как изучающие природу своей страны. Тем более, они и одеты в народные костюмы прошлых лет.

Решили, что Макарий, Агриппина и те, двое с кузова «ГАЗ-51», пойдут по берегу речушки Беглой, до самых роющих добытчиков. А Витя и Боря пойдут незаметно лесом, указывая путь. Остальные действия, по ситуации. Шофёра отправят за помощью к участковому Георгию, да в сель совет.

«ГАЗ-51», прощально вздрогнув, стрельнул выхлопной трубой и укатил в свой путь за помощью силовых властей.

Макарий подошёл к Берли и, погладив по холке, сказал:

– Берли! Ты остаёшься здесь, за старшего! И охранять-беречь всё здесь от чужаков и иных пришлых до нашего возврата. Коня, трактор, и всё- всё, что имеется здесь! Ты понял, мой друг? Жди, мы вернёмся, обязательно! Давай, родной, не скучать и за нами не бежать!

Вышли все вместе! Витя и Боря шли впереди этой странной команды, которая была нацелена на освобождение невольников удерживаемых «Веней-Феней» и его приспешниками.

– Макарий! Нас всего-то шесть, и то, безоружных. А тех, что там, двенадцать? Так ведь? Как мы тех, что там, сможем обезвредить голыми руками? Что-то мне уж нехорошо от такой затеи! – голос Агриппины чуть дрожал от напряжения, но был верен силе интонации и тембру.

– Ты, Гриня-Агриппина? Так ведь звали тебя в том лесу! Так и будь сейчас такой, как была тогда: смелой и решительной! Я помню это, как луч безоблачного солнца, светящего зенитом дня! Верь своим начальным действиям и мне, тоже! Больше веры в свои силы и наших людей. Витя и тот Боря, что-то взяли с собой из домика. Но нам нельзя! Мы ведь хранители природы и осматриваем её целостность во всём. Да и там есть нам помощь: Игорь и Николай. Так что, не переживай, мы сумеем освободить людей с этой неволи.

Речушка Беглая, была больше болотом, чем рекой. Цвели раскидано по ней жёлтые кувшинки, окружая себя величественно плавающими листьями, что лопухи по воде. Изредка, доносился звериный ухающий крик из камышовой густоты. Лягушки, лениво бултыхались по водной траве, вперемешку с верховодной маленькой рыбкой.

Шли они тихо и настороженно по непролазному берегу речушки, пробираясь сквозь гибкие ветви лозняка.

Гармонь и бубен взяли с собой, на всякий непредвиденный случай. Может, этим музыкальным дивом отвлечь «ройщиков» от тревоги? И расслабить их внимание к внезапно появившимся людям? Знать бы только, как захватить тех врасплох, знать бы только?

Макарий, повернувшись, к этим двоим музыкантам, тихо сказал:

– Когда подойдём к этим «ройщикам», вы уж, сыграйте, до поднебесья, свои «семь-сорок»! Да так, чтобы мороз по коже! Уж очень лихо и душевно у вас это звучит. Хорошо?

– Да в чём разговор! Конечно, сыграем им, и веселее! А если надо, то можем и «мурку!».

Макарий улыбнулся, но твёрдо ответил:

– «Мурку», ни в коем случае! Не вздумайте так пошутить. Это опасные и жестокие люди! Так что будьте внимательны, не расслабляйтесь и на миг.

Идущие, впереди Витя и Боря, остановились и указали на стоящий утёс над Беглой.

– Вот! За этим огрызком скалы и есть лагерь этих «ройщиков». Там бегают собачка по имени Шлихт: не злая, но может лаем предупредить о нашем приближении.

– Ничего! Мы тоже умеем лаем, когда надо! Так ведь? – и Макарий улыбнулся, деловито и легко, без напряжения.

Стрекозы, порхая по верхушкам осоки, наслаждались присутствием не знакомых людей. Разноцветные бабочки, словно лепестки волшебных цветов, возносили мир бережка в безбрежность и не прятались в убранство лета.

Ясноглядное небо смотрело на них по-настоящему мирно, лазурно и дружелюбно.

– Вот оно, самое чистейшее тепло мира нашего! А мы куда-то в грязь не отмытую спешим! И думать об этом, что горечь глотать вместе с пылью, обшарканным башмаком! – шагая рядом с Макарием, вздохнула, Гриня-Агриппина.

– Не тревожься, не переживай, а будь осторожна и не рвись на этих, что там, за утёсом. Ты здесь ещё успеешь познать и не такое! Чувствует моя душа, что битва будет не из лёгких.

Подошли поближе к этой скале, заглянули за её острые камни: им открылся мирный и трудовой вид бережка Беглой.

Палатка, невзрачный домик, одинокий шалашик под густыми кустами лозняка, да и все строения этого скрытого места не предвещали угроз. Было тихо и мирно, что не веялось беспокойство из этого прибрежного дня. Огромные заросли рогоза деловито помахивали на ветру свои коричневые «качалки». А ближе к этому лагерю, зияли бесчисленные земляные воронки, да горбатились рядом насыпи, видимо от вырытых шурфов. Возле домика стоял, какой-то генератор, похоже, что для электротока. Значит, это он и ухал прошедшей ночью.

На бережку полукругом сидело несколько человек в тёмных рабочих одеждах.

– Им даётся отдых минут двадцать, чтоб не сдохли совсем и могли работать дальше, – громко прошептал Витя и задумчиво склонил голову.

– Тихо! Нас видимо учуял этот пёсик: вот как он взглянул в нашу сторону. Вот и есть как раз нам этот случай! Это и есть наш данный момент: выходим все, кроме Вити и Бори! Они зайдут с тыла, через лесок и поддержат нас своим наскоком. А мы, с удивлением и огромной радостью, что встретили здесь людей, двинемся к этим «ройщикам». И на всю мощь, по клавишам гармони да бубном свои «семь-сорок», и так, чтобы кровь играла на бурную встречу! – резко выдавил из себя Макарий и первым двинулся вниз со скалы, в этот лагерь, «Камышовая Гуца».

Рванула гармонь во все меха и всплеснула музыку по этой тишине! И бубен в унисон, лоя тональность ритма, возлетел своей ударностью над людьми, что сидели усталым полукругом на шершавой осоке.

Агрипина, сорвав косынку с головы, лихо вскрикнула и закружилась в танце перед этими людьми с непонятым ухающим припевом.

Лишь теперь Макарий успел заметить, что из-под навеса выскочили двое мужчин с ружьями и настороженно смотрят на них.

Но музыка взвилась над этим изрытым бережком, как буйное наслаждение неслыханного, доселе, чуда и восторга. Как будто хотела наградить этот усталый ископанный мир волшебством и задушевностью мирного великолепия. И удержать её, казалось, не хватит никакой преграды, невзирая ни на что, ни на какие запреты!

И эти, сидевшие полукругом, от такого неожиданного вторжения, вскочили и с криками «ура!», бросились в дикий безудержный пляс по колючей осоке.

И будто приобретя музыкальную силу гармони и бубна, этот рабочий люд, затоптался, закружился таким танцем, что и верить не хотелось об их бесправии и неволи.

Плясали безудержно все, с визгом и гоготом, в изодранных, давно изношенных одеждах. Измазанные тинной их лица, выражали восторг и небывалую радость, выше понимая, для чего, и зачем, всё это здесь? Осока, шурша под ногами танцующих людей, словно смягчала этот тревожный пляс и добавляла что-то, неуловимо-беспокойное, загадочное до немоты.

Агрипина в этом безумном танце еле была видна, среди грязных одежд и топающих ног.

«Но, где же, Игорь и Николай? Что-то не видать их среди пляшущих людей? А те, что под навесом? Не они ли? Нет, это видимо, те два «лиходея»? Похоже, это те «журналисты», что приезжали в обсерваторию на милицейской машине? Точно, они!», – Макарий, стиснув зубы, приготовился к любым неожиданностям.

Из покосившегося домика выскочил какой-то человек и замахав руками, закричал, перебивая гармонь и бубен:

– Что за дикость? А ну, замолчать всем! Что развеселились как на свадьбе у беспредела? Кто посмел зайти на территорию исследований? Почему посторонних допустили без разрешения? Охрана! Что, уже не в силах работать? Быстро убрать с территории чужаков!

«Это мы-то чужаки?» – всколыхнулась злость в Макария и он, взмахнув рукой, остановил «семь-сорок» и громко выкрикнул этому человеку:

– А вы-то, на каком основании здесь? В этой местности не может быть никаких разработок, никаких исследований почвы и грунтов. Так же леса, речек, болот и озёр. Это заповедник охраняемый лесничеством и государством. Так, что здесь никаких разработок не может быть!

– Ты что сюда пришёл учить меня и страшать? Уж не бубном своим да гармошкой? Даю вам три минуты: и – «брысь отсюда!». И не больше! Здесь всё по закону и безупречному разрешению от кого надо! Так что, топайте бубном поскорее отсюда и своими мехами дуйте, сколько влезет, и подальше! И веселей, пока мы ещё в силе сдерживать вашу наглость! Охрана! Помогите этим убраться от изысканий науки, да так, чтобы они нашли свою дорогу в иные места, не мешая работать другим!

Это был точно Веня-Феня, одетый в милицейский китель, но без погон.

Неожиданно прибежал рыженький пёсик и радостно, запрыгав вокруг новых людей, стал на задние лапки. Видимо, ему очень уж хотелось угощения, ласки и внимания.

– Ты, что и есть Шлихтик? Вот ты какой, мой хороший! Что-то хочешь? Да? – с теплотой воскликнула, прибежав от танцующих Агриппина и тревожно охнув, закрыла рот ладонью.

Мгновенно, этот Веня-Феня, вскинулся взглядом в девушку и жёстко спросил:

– Как ты его назвала? А ну-ка повтори, красавица юная, что сказали губки твои пёсику нашему? Шлихтик? Откуда это тебе известно как его звать?

Тяжело заскрипели ботинки этого Вени-Фени по примятой осоке, и он, твёрдо выговаривая слова, зло спросил:

– Что, молчишь любительница угадывать имена собачек? А? Вы здесь по какому такому праву расхаживаете, нанося ущерб окружающей среде и исследовательской работе?

Эти слова прервал какой-то диск, свистом взлетевший из-за домика и, ударив в плечо этого Вени-Феню, сбил его наземь. Бесцеремонно, без вопросов и ответов, этот «руководитель» шлёпнулся в ожидающую истоптанную болотную грязь, лицом вниз.

Макарий успел увидеть, что этот диск был ржавой крышкой от большой кастрюли, или от чугунного казанка.

Из-под навеса, два охранника, рванулись в сторону прибывших, держа наизготовке свои ружья, с криком и угрозами.

– Лечь всем на землю! Иначе – стреляем! Всем, повторять не будем! – заорал один из них и выстрелил вверх.

Танцующие люди, в испуге остановились и упали на ржавую осоку, замерев в ожидании, чего-то, неотвратимого и небывалого здесь. Осталась лишь стоять одна Агриппина, из тех только что танцующих людей.

Но, неожиданно, что-то тяжёлое, величиной с камень, вылетело из-за навеса и сбilo этого стрельца с ног, оставив в одиночестве второго.

Этот второй, как говорят в народе, не был лыком шит. Он был жёстким и выполнял свои обязанности верно, беспрекословно, как и следовало жестоким рьяным «лиходеям».

Он быстро поднял первого и, нацелив ружьё на прибывших людей, дико и безудержно закричал:

– Быстро поднять нашего руководителя! Быстро! И отойти на пять шагов от него. Гады вы!

– Стать всем в один ряд и забыть, что вы были до сих пор людьми! И девка, тоже в ряд со всеми! С этой минуты, вы – никто! Уяснили? Теперь вы все наша собственность! Если вы ещё хотите жить!

От упавших на осоку людей, вскочили двое крепких мужчин, бросились поднимать этого Вени, причитая и сожалея о происшедшем.

«Вот оно, то, что ожидалось от этого нехорошего места!», – вскинулся мыслями Макарий, и рванулся на этого второго охранника, который вновь выстрелил с ружья.

Всё неожиданно замоталось в клубок человеческих тел и криков. Не понять, не разобрать, кто здесь свой, а кто не свой. И кого считать своим, а кого не своим? В этой, махающей неразберихе, только маленький Шлихтик был в стороне и с непониманием смотрел на происходящее.

Закружилось небо вихрем, открывая жестокость жизни людской, что скрывалась на этом диком берегу Беглой речушки. Камыши, склонились удивлением, от этой беспощадной человеческой жажды насилия и мерзкой жуткости происходящего. Рогоз, отчуждённо отстранил свои «качалки» от бережка, как будто бы хотел быть подальше от этого чуждого мира.

Прозвучало ещё несколько ружейных выстрелов, но это не остановило никого. Всё кричало, рычало и стучало непонятно чем. Из-за склонённого домика выскочили Витя и Боря, и с громким гиком бросились в гущу сплетённых людей.

Те, что так танцевали и видимо были раньше дружны, теперь рвали свои глотки ором, и рубашки без сожаления, друг на друге. И, казалось, что тишину, сбежавшую от этого жуткого места в такие камышовые дали, что нельзя уж, никогда вернуть обратно!

Витя и Боря скрутили этих двоих «охранников» с огромнейшей силой. Особенно старался вездесущий Витя: без жалости и уважения к этим двоим чужеродным, которых и назвать то, по-иному, как? То ли людьми, то ли отбросам ума человеческого? Видимо, это они так и жестоко нанесли рисунки на тело Вити, за попытки к свободной жизни.

Но возня и драка в круговороте событий на побережье Беглой на этом не остановилась.

Из этой кутерьмы, вырвался, какой-то, человек и бросился в покосившийся домик. Схватил там огромный рюкзак и побежал в густые болотные камыши.

– Убегает, смотрите, этот негодяй Веня-Феня! Ой, да задержите ж его скорее! Убежит ведь он! Макарий, задержи это чудовище, обязательно схвати! Я тоже за ним с тобою: бежим! – прерывисто вскричала, оглянувшись вокруг, Гриня-Агрипина.

Макарий рванулся за этим Веней, спотыкаясь о жухлую осоку, но с огромным желанием, догнать и обезвредить его, не дать ускользнуть этому от наказания! Позади него бежала Агрипина, не отставая ни на шаг, что-то шепча на бегу.

Камыши, словно защищаясь, хлестали в лицо и не жалея резались листвою. Хлюпала, чавкая от бега трясиновая тина, под тяжестью усталых людей, отчётливо брызгалась грязью. И вот, Веня-Феня, обозначился среди камыша серым рюкзаком, но догнать его, чуть-чуть, не хватало сил.

– Не могу больше, Макарий, не могу! Оставь меня здесь, оставь! Сам давай беги за этим чудовищным мерзавцем! Наслышаны мы о нём, ой, наслышаны! Что не желалось, то и наслышались. Догони его, и обезвредь эту гадину. Беги, давай! Я за тобою по следу побегу! Чуть отдохну и за тобою! Слышишь, мой родной?

– Хорошо! Только, ты здесь меня жди и никуда, разве что назад! Я этого негодяя, догоню и доставлю, куда надо! – тяжело дыша, выдавил Макарий.

Впереди трещал камыш и метёлки, падая с высоты, тревожились под бегом чужака.

«Догнать, догнать и обезвредить этого Веню-Феню! Все силы приложить, но схватить этого недочеловека, вне какого сомнения!».

Хлюпало болото под ногами, будто спрашивая: зачем вы тревожите тихий здешний мир?

Рюкзак этого Вени, вот-вот уж можно схватить! Осталось несколько усилий, чтобы рвануть и достать этого беглеца.

Но впереди, оказалась неширокая водная преграда, поросшая кочками травы. Этот, Веня-Феня, с разгона прыгнул на большую кочку и, взмахнув руками, с хрипом ушёл под воду.

Проглотила его болотная тина, возвещая об этом булькающими пузырями на поверхности бурой воды.

– Всё, вот и ушёл в поиск своих ценностей, этот недочеловек, – тяжело дыша, выдавил себе Макарий и мрачно добавил:

– Жаль, только, что болото вымазал своим гадливым телом. Лягушки чище, приятней и нужней, чем этот негодяй.

– Ух! Неужели это происходит с нами? А, Макарий? – вытирая грязь с лица ладонью, спросила подбежавшая Агриппина.

Макарий ответить ей не успел.

В том месте, где утонул в болото Веня-Феня, вдруг вскипела вода и на поверхность выскочил живой, он самый, что-ни-есть, утонувший.

Схватившись за растущий впереди густой камыш, он рванулся изо всех сил вперёд и выскочил на маленький островок. Рюкзак, всё также, висел на его сгорбленной спине. По его милицейской одежде стекала жидкая болотная тина, добавляя ещё больше отторжения к нему.

Он, жёстко усмехнулся и, вытерев лицо рукавом, тяжело крикнул:

– Уходите поскорее отсюда, пока вам нет беды! Вы молоды! И вам ещё молодость нужна! Давайте отсюда, и мигом, а то я не сдержусь, и рассержусь! И вам от этого не станет лучше!

– С одним условием: вы – с нами! Так пойдёт? Иного выхода вам нет! Милиция уже, наверное, прибыла на ваши «научные открытия», так что, милости просим с нами на возврат! – ответил Макарий.

Веня-Феня, скинув свой рюкзак, достал из него увесистый пакетик и бросил Макарию через болотную топь.

– Вот вам на вашу свадьбу! Хватит с избытком, если распорядится с умом, то и забудете всё неприятное, что сейчас жизнь приносит.

Пакетик шлёпнулся прямо у ног Макария: веско, верно и точно.

– Это мы заберём обязательно с собою, как доказательство ваших незаконных действий в этих местах. А о свадьбе? То, у нас есть чистая жизнь, и она нам предложить всё, чтобы мы не сожалели о ней. И нам спорить об этом времени нет! Так что, прошу с нами на бережок Беглой, так измученный вашими действиями до бесправия.

– Ты парень отстал от жизни этой, что вокруг зияет сейчас разъявленным ртом. Она очень голодна и многое что хочет! Ты у неё спроси сам! Сейчас без денег и в небо не взглянёшь! Так что, уйди с пути! Слышишь меня? Зла я не хочу, ни тебе, ни твоей юной подруге. Обо мне, забудьте навсегда, да и всё!

– А мы зла от вас и не требуем. А за преступления надо отвечать!

– Ну, ты ж и настырный! Ух, какой!

Задрожало небо в своей непостижимости! Камыши вздрогнули от дикого человеческого воя! Полегла в низменность чужеродная сила этого Вени-Фени. Он зарычал, заорал на всю камышовую округу, от безысходности уйти от преследований.

– Аааа! Ну, что ж! Уходите обратно и забудьте обо мне навсегда! Повторять об этом, у меня нет больше сил! Вы слышите меня, герои заблудшие во времени? Уходите, иначе начну по вас стрелять! – он дрожащими руками вытащил с нагрудного кармана пистолет и угрожающе наставил на Макария!

– Этим меня не взять! Ну, убьёте меня и что дальше? Девушку, ни в чём неповинную, тоже пулей, в её молодую жизнь? И за что? За какие-то камушки застывшей смолы, что только годятся лишь на бирюльки? И вы – есть человек, который рождён матерью для верности и подобия ей? – Макарий, чувствовал, ещё, чуть-чуть, и этот беглец остынет и сдастся.

Но, Веня-Феня, задрожав всем своим телом, начал валиться в болотную тину, в цветущую густую ряску, которая заполонила окружающий болотный мир.

Прогремел неожиданный выстрел и тихий ужаленный вскрик раздался рядом с Макарием.

Нежные девичьи руки взмахнулись в небо, чтобы схватится за что-то неведомое, но начали падать в жёсткий и безразличный ко всему, сизоватый хвощ.

Макарий, хлюпая болотной тиной, рванулся к девушке и успел поддержать её от падения.

– Это Болотник видимо в разгуле здесь. Такая дикая и суеверная сущность мира этого, Макарий!.. Это он меня, вот так, почему-то ударил, да? – схватившись за грудь, стоном выдохнула Агриппина.

– Ух, неужели этот мерзавец выстрелом попал в тебя? Да, как, же так, этот негодяй посмел!

Веня-Феня, всё также лежал на островке осоки и рогоза, не двигаясь и не шевелясь. Рука, вымазанная болотной жижей и ряской, продолжала сжимать губительный пистолет.

Тишина вокруг замерла и лишь незаметный ветерок, колыхал высокий, понимающий камыш.

– Мы сейчас, мы сейчас вернёмся, к своим, быстрым ходом, Агрипинка! – шептал Макарий девушке слова, повторяя их вновь и вновь.

Он поднял девушку на руки и, прижав к себе этот ценнейший груз, пошёл по болотной тропинке назад, к бережку Беглой.

Он нёс девушку и в его встревоженную душу, почему-то, входили, давно забытые стихи. Он, в память о Галинке, создал их ещё, в своей и далёкой своей Затворке.

И ты во мне, и я в тебе!

И мир вокруг живой без мглы!

И мы в любви, что яркий свет,

Не зазыванием в углы.

И камышовые места –

Для веской ёмкой тишины!

Где наша жизнь в любви чиста –

Не тянет к холоду зимы.

«Не тянет к холоду зимы, не тянет. И ноша не тянет своя», – путано думалось Макарию, и ноги, шагая по жёсткой осоке, тяжело топтали болотный и безучастный мир.

Небо, неожиданно нахмурилось и затянуло себя волокном серости, подстёгивая к рвению, было затихший ветер. Задуло в камышах, чем-то, густо-тревожным до неизвестности и зашлёпало мглистым дождиком из безразличности туч.

Ноги вязли в густой болотной жиже, издававшей тяжёлый запах устоявшейся тины. Ветер подул сильнее! Зарядил крупными каплями по Макарию, захлестал по тростнику камыша, раздавая дробный частый звук обычному тускнеющему дню.

Агриппина, вдруг очнувшись, сквозь силу спросила:

– Макарий, родной мой! Что так мокро стало мне? И медальона на груди, почему-то нет. Ты не видел, куда он делся? Я что-то, не ощущаю его на груди! Слышишь, родной? В нём единственная фотография мамы моей. Найди его, прошу, мой хороший, найди, – шептала Агриппина Макарию.

– Ты помолчи пока, не тревожься о нём. Береги свои силы! Медальон я обязательно поищу, но прежде, необходимо добраться до Беглой.

Но Агриппина затихающим голосом продолжала:

– Хорошо, я помолчу, но, может быть, я сама пойду? Я ведь сильная и смогу идти!..

– Нет! Нельзя тебе двигаться, нельзя! Этот негодяй тебе выстрелил в грудь, так что, нужен срочно врач! Успокойся и терпи, сколько сможешь! Мы скоро дойдём к бережку Беглой, дойдём. А там свои, они помогут, и всё будет хорошо!

– Ой! И ты меня несёшь? Как самую родную и самую-самую дорогую? Да, Макарий, мой хороший? Ой, Макарий, Макарий.

Дождь пошёл хлесткий, беззастенчивый до густоты и шуршания камыша. Идти становилось всё трудней и трудней по вязкой болотистой тропинке.

Впереди, среди зарослей на изгибе, что-то захлюпало и затопало бегом. Мелькнул тёмный силуэт, какого-то животного, пробирающегося по этому миру, будто неся затерянную тревогу в этот, и так, неуравновешенный мир.

– Берли! – с огромнейшим удивлением и радостью воскликнул Макарий.

– Ты, как оказался здесь? Откуда ты мог, вот так вот, явится? Каким-таким образом ты нас нашёл? – почти в слезах спросил Макарий.

Пёс, оббежал вокруг Макария, который держал на руках Агриппину, и ринулся по тропинке дальше.

– Берли! Ты это куда? Назад, назад и ко мне, и срочно! Домой, домой и только так, только так, и не иначе! Ты что, оставил без присмотра коня цыганского, да трактор-самотяжку? Зачем ты это сделал, Берли, Берли.

Пёс нехотя вернулся назад и, тронув лапой Макария, тяжело зарычал.

– Я тебя понял, мой друг, понял. Но не сейчас, не сейчас.

Сколько времени они шли к берегу Макарий вспомнить не мог. Только помнил, что каким-то людям не хотел отдавать Агриппину, которые что-то толковали ему о времени и что можно не успеть.

Утро заглянуло Макарию в глаза до боли и рези красно-жарким заревом восхода. Свежим дыханием зачастило в груди биение сердца с привкусом безмятежной тишины. Над ним нависал парусинный навес: что-то подобие крыши от непогоды, или, чего-то необходимого, так, на всякий случай.

– Ну, что, ожил уж наш Макарий на чужом ложе, а? – послышался чей-то знакомый голос.

– Уж, прости нас, что мы тебя сюда поместили! Был ты, как говорят, чуть-чуть, не в порядке. Видимо и не помнишь почти ничего?

– Витя, Витя! Как я здесь оказался, на этой жуткости, да ещё и спать? Ты, что ли меня сюда поместил в это логово? Или, кто так пожелал мне этого добра, с лихвой?

– Выхода у нас иного небыло, как вот сюда. Милиция всё-таки прибыла в это чёртовое место. Пусть и неспешно, но прибыла. Правда, в одном единственном лице: участковым Георгием. Сумел он пробраться на своём «уазике», по этой непроходимости. Тебя хотел забрать с собою, но Берли не позволил. Агриппину увёз, расспросив её о происшедшем, и увёз. Сказал, что доставит её к Агафье Никаноровне, так как спешить надо. А тебе, когда хорошо придёшь в себя, явится к нему на уточнение, что и как здесь произошло.

– Некогда мне Витя, некогда. Я сейчас немного отойду от этой трясины и снова к ней, к этой болотине. Я слово дал Агриппине, что пойду искать её медальон: дорого он очень ей. Ну, и заодно погляжу, там ли ещё этот негодяй Веня-Феня. Или опять ожил и смылся в заболотные бессмертные дали.

– Да, Макарий, а пёсик твой – молодец! Пусть он и повредил руку Борису, но это уже в прошлом. Памятник ты ему поставь заживо у себя дома, да в свой человеческий рост. Ведь, это он вытащил вас из той, не желающей отпускать трясины, что здесь царствует повсюду. Он прибежал к нам и лаем тащил, и тащил нас всех за собой. Так, что герой твой Берли!

– Герой!.. Да он всегда герой, уж такова его пёсья судьба! Витя, я то, знаю это, пусть тоже немного, но знаю!

Рядом на осоке, прищурился, лежал Берли, как ни в чём не бывало и будто бы мирно дремал.

– Может, мы пойдём вместе, Макарий, за этим, вдвоём? Этот, негодяй и мерзавец мне много чего должен! И я хочу спросить его о многом, о многом, чего раньше не смог. Так, что, вопросов никаких у тебя ко мне нет и не должно быть! Вдвоём мы сильнее, чем он один. Так будет вернее!

Витя, закинув с провизией рюкзак за спину, первым двинулся в камышовый проём пути поиска. Макарий, обошёл глубокий серый шурф, обременённый водянистой насыпью, и резво двинулся за ним.

– Нет, Витя, нет! Я пойду туда не один, а с Берли. А ты храни эту «Камышовую Гушу». Тебе, видимо, Георгий сказал, что нельзя оставлять это всё без присмотра?

– Да, он просил не покидать до приезда милиции. Но, может, всё-таки, махнём за ним вдвоём? Чёрт с ним этим местом. Кто сюда сейчас рванётся? Да и Боря здесь тоже. Занят он сейчас своим целебным отдыхом, в бывшем «дворце» этого проходимца.

– Витя, я уж сам, как-нибудь. А ты храни от гадов разных этот измученный бережок! И не один же я, а с Берли! Вот, смотри, как он готов за мною в путь! Агриппина, то какая была? В силе ещё? Если что со мною, Витя, то ты побереги её и поддержи, как сможешь!

– Да в чём разговор, Макарий! Знаешь, мир здесь непредсказуем, так что я тебе дособеру рюкзачок в дорожку. В этого Вени-Фени, здесь, только чего нет из припасов. Сейчас добавлю в него то, что посильнее. И ружьё возьми, на всякий случай. Неизвестно, куда тебя может увести этот камышовый рай. Но прежде, хорошо подкрепись и Берли, для пути накорми, – и неуверенно, добавил:

– Агриппина, так сказать, была временами в себе. А, так, впрочем, не очень-то уж в силе. Макарий от этого сжался внутри себя и тяжело спросил:

– А Игорь с Николаем нашлись, или нет?

– Нашлись, нашлись! Живые и полуцелые, как всмятку силы их пожатые. Поиздевались эти уроды над ними, до ужасностей. Не хуже, чем надо мною, глумились эти, над ними, а зачем? Мерзавцы, и всё!

– А невольники эти, где? Ушли, сбежали в недоступные места, или здесь пока?

– Вот Игорь с Николаем, да музыкантами, увели их всех к тем домикам, что на этом, «Пропади пропадом». Оттуда они доставят их в Зелёное село, а там, уж, с ними точно разберутся. Ну, что, может, на дорожку присядем, чтобы всё было в ажуре и мажорно, – и Витя, склонившись к рыжей скрюченной осоке, пошарудив рукою, вытащил бутылку с яркой этикеткой.

– Вот, силу-то, на путь-дорожку! Да так, чтобы везло не в ремесло, а в ого-го!

– Ты это о чём, Витя? Это ого-го мне и за деньги ни к чему! Так что, убери и подальше! И не вздумай только здесь «ого-гольничать». На тебе ведь эта вся изрытая жуть остается, – и Макарий, вскинув на спину дособранный рюкзак, добавил:

– И ещё, Витя! Эти рисунки, что на тебе, я думаю, их сможет убрать Агафья Никанорова! Так лично думаю я. Обязательно проведай Агриппину и передай от меня, всё то, что поддержит её силу. Береги здесь бережок, и берегись напастей, от тех, что в твоей руке. А мы постараемся, скоро вернутся: то есть, мы с Берли. Ну, давай, пока, и не скучай!

Шумел безразлично камыш, трещали под ногами живые корни осоки и рогоза. Впереди, шлёпая по болоту, спешил Берли, видимо, точно зная, куда и зачем.

Да, это была точно та прореха в камыше, по которой вчера они с Агриппиной бежали за этим Веней-Феней.

Утро уже распахнулось намного выше горизонта и добиралось в неясный зенит.

– Берли! Здесь надо искать нам с тобой утерянный Агриппиной медальон. Ты меня понял, или нет? Вот, смотри, – и Макарий указал на скомканный головной платок девушки, висящий на изломанном тростнике.

Берли, понюхав этот белый платок, ринулся искать в изломанном густом камыше.

Искать медальон долго не пришлось! Вскоре послышался радостный лай и навстречу выскочил Берли, из этих шуршащих непроходимостей.

Медальон втоптанно лежал в тине с разорванной цепочкой у основания карабинного кольца.

– Берли! Ты просто неповторим! Вот что я тебе скажу, мой друг: спасибо тебе и тысячи раз! Ну, а теперь мы куда? Посмотрим, что имеется впереди нашего пути? И есть ли там кто, или, уже и нет?

Шли недолго, не ожидая встречи с вчерашним днём, но с какой-то острой надеждой, во всё лучшее. Макарий чувствовал, что на этом острове Вени-Фени уже нет. Такие, как он, быстро не исчезают и долго-долго мучают белый свет, окрашивая его в безутешно серо-чёрный.

– Вот, Берли, отсюда куда-то истаял этот вчерашний беглец. А вот здесь лежал пакет, брошенный мне этим «Веней-Феней», его тоже нет! Впереди нас, вода! Ну, что, форсируем, или вернёмся назад к Беглой, где нет преград?

Но пёс, угрожающе зарычал и, прыгнув в ржавую болотную воду, переплыл к островку. Макарий, снял с себя одежду, завязал её в узел и бросил на островок. Потом, вскинув рюкзак на голову и поддерживая его рукой, переплыл следом за Берли эту густую болотную отчуждающую муть.

Оказалось, что это совсем не островок, а продолжение густого камыша, который мирно дышал влагой шуршащего дня.

Впереди пробирался Берли, по протоптанному следу, убежавшим Веней-Феней.

– Берли! Мир здесь, какой одетый камышом, а мы бредём с тобой, что нагишом! – подбадривал Макарий словами рифмы своего друга и самого себя.

День уже давно покинул облачный зенит и начал добирался до серого тусклого горизонта.

Шли они тяжело, пробираясь сквозь камышовые дебри, что казалось, им не будет конца.

Где-то, закрикали дикие утки, и вороньё не таясь, добавляло к ним своё безустанное «кар».

Неожиданно эту кричащую вязкость разорвал, ужасный крик испуганной птицы. Этот крик пробежал дрожью по телу Макария, как будто призывая к спасению от нагрянувшей беды.

Стало тревожно и совсем неуютно в пути предночном, что вновь закружилось темнеющее небо, и камышовый рост тростника стал ещё выше.

«Держаться, держаться! И нет больше возврата к потере сознания! Да ещё, здесь!», – мысленно приказал себе Макарий, и, стиснув зубы, двинулся за Берли.

Заблестала за камышом небольшая речушка, на которой сквозь сумрак, просматривалось, что-то, тревожно-рвущееся на водной взбудораженной глади.

«Утка, попавшая в рыболовную сеть? Очень и очень похоже на это. Неужели здесь присутствуют люди? И кто они эти неизвестные?», – всмотрелся Макарий в речную трагедию утки.

– Вперёд, Берли, вперёд! Неужели и мы с тобою не люди? Поможем утке, да? Вижу, что ты со мной согласен, на все сто и даже больше! Но тебе оставаться на берегу.

Подбежав к речушке, Макарий быстро скинул одежду на траву и бросился в речку. Он стремился, к этой вопящей птице, цепляясь ногами за илистый грунт, за растущие со дна какие-то травы. Утка рвалась и билась о воду, истерзано крича в надвигающую безжалостную ночь.

Это точно была рыболовная сеть, кинутая поперёк этой речушки. С огромным трудом Макарий освободил утку из сети, и она на прощанье, дико вскрикнув, сильно царапнула ему лапами плечо.

«Видимо, это знак благодарности! Спасибо, что рану не затронула!», – невольно улыбнулся про себя, Макарий, но потом с тревогой подумал:

«Кто же здесь всё-таки обитает? Веня-Феня не мог поставить эту сеть: просто не успел бы, да и где бы он её взял? Значит, здесь кто-то обитает иной, и, может, даже не один. Надо, надо обратиться поскорее отсюда».

– Берли! Ночь в небе уже вошла и нам бы куда-нибудь прислониться в тепло. Ох, как надо бы! Слышишь, мой друг? Давай пройдемся тихонько по округе и, по возможности, посмотрим, что сможем! Так, ведь?

Берли устало вздохнув, двинулся вперёд, к опушке темнеющего леса.

– Давай в кусты, быстрее, мой друг. Кто-то пробирается из этого леса. Видимо это он спешит на крик утки. Догадался, что она попала в сеть и подняла такой раздирающий крик.

Пробежал мимо тяжеловатый человек и, постояв с минуту возле речушки, повернул обратно к опушке леса.

Макарий с Берли тайком двинулись за этим мужчиной и подобрались к пристанищу неизвестных людей.

Горел не жаркий костёр в окружении нескольких немолодых мужчин. Они сидели вокруг этого костра и о чём-то вели беседу.

– Ну, что, Митяй, утку принёс? Или успел уже съесть её по пути?

– Тебе не оставил! Сеть на месте и уток нет совсем. Видимо это выдра их вспугнула, больше то и некому. Так, что и рыбы, может быть – не быть! – ответил этот Митяй. Потом усевшись рядом к остальным и подняв лицо вверх, вопросительно сказал:

– А небо-то, как в нас смотрит! Ух, как! Что эти светляки от нас хотят? Сто грамм, или, даже больше? Но нам и самим бы ещё, ох, как бы надо!

– Рюкзак, вон полный! Куда же ещё! Пей – не хочу, и сколько влезет! Что, мало тебе?

– Да! Видимо, всё-таки хотят! Ты посмотри, как они-то высвечивают! До самого, что-ни-есть, немогу! И что там за ними находится, а? Неужели и души наши туда, в эту задаль? Вот, как это так? Что ты думаешь об этом, Данила? Или мы по этой земле размажемся, как никому не нужная тварь?

– А что я! Я как все: хода в зазвездие, тоже не хочу. Земля нам всем родня! И чужаков мы не терпим! И звёзды, видимо, к нам так же будут не терпимы! – ответил подусталый голос, и, помолчав, с затаенной ухмылкой, продолжил:

– Души наши ведь всякой душе рознь. Вот, взглянёт на тебя, искоса, ненаглядная красавица, да так, что сердце захочет выскочить в поиске спасения. И что, куда от этого жара деться? Не выдержит оно взгляда такого, и ты прыг в омут этот: выхода-то и нет! Так, что, доведёт тебя эта любовь до не струганной гробовой доски, и нет тебя больше в мире людском. Закроют тебя в тёмный домик, постучат на прощанье сверху молоточками и всё! И вызреет потом из тебя красивый червячок, на зависть другим червякам. Потом вылезет твоя новая жизнь на эту земную твердь, чтобы согреться в солнечном тепле, где ты и станешь новым этим «я»! А здесь, как раз и новая любовь к тебе рванёт из высоты, и цап клювом за твой червячный вид, и ты уже другой.

– Ну, ты даёшь болтовнёй этой! А дальше то, как?

– А дальше, в восторге эта ворона, каркнув радостно от червячка, плюхнет в эту вот речушку, что здесь. А там, на дне, недремлющий рак разделает её до основания и ты опять уже другой!

– Ха, ха, ха! Ну, ты ж и травитель... а, потом-то, что?

– А потом, вот Петя придёт на этот водный мир и закинет удочку с блесной, сделанной из консервной банки. Рак кинется на блесну и улов есть у Пети. Костерок, вот как наш, казанок, и ты опять другой. Но ты ведь упрямый и жёсткий, так что не станешь Петей всем, а выйдешь частично наружу, ну, ты знаешь как. Это и есть круговорот нашего мира. То есть, биоценоз полнейший с продолжением эволюции. Всё возвращается на круги своя, и понемножку развиваясь дальше, мутируясь по назначению иного мира.

– Как это, мутируясь? В муть, что ли, вперёд и вперёд, как головой в колодец, до самого дна?

– Ну и колодцы-то бывают разные: где вода чиста, что роса с листа, а где ил не течет из вил. Всё ведь движется, вертится, крутится, меняется во времени, вне спроса и желания нашего. Вот так вот, Митяй, тебе на всякий случай!

– Ну, всё, хватит трепаться! Утром ранним выходим. Так что, всем отдыхать! Можно ещё для хорошего сна по сто грамм, но не больше. А Пете, чтоб не думал о раке, пораньше встать, доставить сеть и обязательно на полненную рыбой.

– Хорошо! Для вас смогу встать и пораньше. Но с рыбой, как повезёт! – ответил хриплый голос.

Звякнули в полутьме кружки, и потянуло от них к Макарию острым запахом спиртного.

«Фу! И кто они эти стограммовые любители сна?», – вскинулась ему полусонная мысль.

– Берли, давай отползём незаметно отсюда, да скорее. В кусты, в густую траву, спрячемся до рассвета, и может быть, уснём. А там, он, этот рассвет, нам расскажет, что и как, – прошептал Макарий на ухо псу и они незаметно отползли от этого людского пристанища.

Кто-то толкал Макария в плечо! Чей-то хриплый голос жёстко твердил:

– Вставай парень, вставай! Проспишь всё, что есть впереди, что идёт без остановок и полустанков по дороге жизни.

Макарий сонно вскочил и увидел рядом стоящих двух мужчин. Берли напряженно смотрел на них, но не проявлял жёсткости и агрессии.

– Пойдём к нам, пойдём. Нехорошо находится в отчуждении от людей. Мы ведь, чай не звери!

Утро взошло, загораясь алой зарёй над миром земным. Не спрашивая никого из людей: нужна ли им эта заря, или нет.

Дымился слегка тот же костёр в окружении нескольких немолодых мужчин. Один из них, повернувшись к Макарию, взглянул на Берли и, с твёрдой вескостью, сказал:

– Ну, вот, теперь мы и в полном сборе! Вперёд без отставаний и разговоров! Тихо, умно, и без мысленных потерь идти друг за другом. Оставлять за собою неистоптанную траву, не обломанные ветви кустов и тишину, – и указав рукой на Макария, добавил:

– Ты и есть, тот, настырный? Идёшь со своим псом замыкающий! И поглядывай на прошлое, сам! Ты, понял? И больше не опаздывать, никогда и нигде! Да хранит нас, Господь!

Макарий тревожно прижался ладонью к густой шерсти Берли, двинулся за этой странной группой людей. Кто они эти незнакомцы, что неожиданно встретились ему в гонке за преступником? Почему они ждали его, именно его? Может отстать и сбежать в дебри чернеющего леса? Или брести замыкающим в этой странной команде неизвестно куда и зачем?

Он потрогал лежащий в кармане медальон Агриппины: на месте, не потерян. И согревает он своим теплом, и тем, что он есть для настоящей сохранности талисман. И почему-то, вдруг, вскинулось мысленно:

«А ведь медальон-то нашёлся вдалеке от места ранения Агриппины! Точно, ведь. Не меньше чем десять-двадцать шагов от места ранения. Значит, медальон оборвался при беге её? А сели бы он не оборвался, что было бы с Агриппиной тогда?».

– Подождите! Вы то, кто такие, что меня так легко признали своим? И зовёте неизвестно куда, что приказом, без вопроса: хочу я с вами или нет.

– Мы-то, люди мирские, и безвредные для всех. Мы свои: и для мира, и для себя, и для того, что есть вокруг. Может, слышал, про озеро Тихое, там, где три домика у берега стоят? Вот, туда мы и направляем свои жизни, давно ушедшие из тех мест. Так сказать, возвращаемся домой! – произнёс мужчина, что видимо среди них старший и, оглянувшись вокруг, добавил:

– А о тебе нам сказал, тот, что в милицейской одежде. Измученный, исковерканный он своими же действиями, до пагубности. Угрожал нам здесь оружием, а сам он был совсем, что ни к чему! Можно сказать, что душа еле-еле в теле. Но, как раз в его-то души и нет. И ещё он, как в бреду твердил, что ты очень, очень хочешь с нами. И безумно ты настырный человек.

– С вами? Нет, я не мог о вас знать! Да и как, если этот «бегун», что сказал обо мне, большой мерзавец и негодяй.

– Не горячись, парень! Мы-то его знаем уж давно и не с лучшей стороны. И не с такой, как вот сейчас, в данное время. Это из-за его действий мы ушли из своих домов. Но мы ведь, люди, а не звери. Так мы его и не тронули физически, а хотелось, очень и очень, что и слов искать иных, совсем ни к чему.

Макарий мгновенно вспомнил находку на чердаке и, с внутренним трепетом, спросил:

– А вы, случайно, не Гордей Иванович Бурин?

– Ух! Да он действительно настырный! Всё ему так сразу и скажи! Выверни всё наизнанку и без догадок, что и чему. Тебе сразу и скажи всё, а на потом что, и сказать уж будет нечего? Ну, я Гордей Иванович и Бурин! Откуда-то знаешь об этом, парень?

– Нашёл я ваш схрон на чердаке. И что в нём я заглянул, правда, мимо ходом. Не позволили иные мне всё прочесть, что в тетрадах. Прочёл вашу записку и немного в тетради! Остальное, там, рядом, в густых лопухах. Так что, если вы идёте туда, то найдёте свой схрон там.

– Так ты уже и там успел? Да ты не только настырный, но ты ещё и вездесущий! Ну, а теперь скажи-ка, зачем тебе этот, что в кителе милицейском?

Макарий сжался в себе и тяжело ответил:

– Он девушку мою тяжело ранил пулей в грудь и что будет дальше с ней неизвестно.

– Да! Понимаем мы тебя, ещё как! Но на нас зла и обиды не держи! Мы – не алкаши и не пьяницы, какие-нибудь, а усталые люди, но тебе во всём свои. Значит ты за ним, этим, получеловеком! А может и не стоит за ним? Он и так уже грешен, до немогу! Зачем он тебе, парень? Мстить хочешь?

– Нет! Мстить я не собираюсь. Не в моих правилах мщение, а вот к ответственности я его хочу призвать! И по закону! Он много что натворил, этот Веня-Феня! К тому же, изрыл весь бережок Беглой, что вы назвали «Камышовая гуца».

– Ну, что ж, действуй, как тебе велела судьба, а мы идём домой, на наше «Тихое». В целости там ещё наши дома, или как? – спросил Гордей Иванович, задумчиво и устало.

– Все целые и невредимые, но дворы заросли бурьянами, лопухами и разной травой.

– Это не беда! А беда в том, что нас там долго небыло и для нас это тяжело. А тебе, парень, мы желаем хорошего и справедливого пути в деле своём. И поберегись этого уroda: он на многие подлости способен, так я думаю. Ну, давай, шагай настырный наш и неожиданный, в свой путь, тяжёлый и неведомый, как мир что вокруг. И чтобы жизнь не убежала от спасения девушки твоей, мы тоже тебе желаем!

– Спасибо вам за пожелания, спасибо!

– Да за что, то, так? Мы-то люди мирные и не хотим зла никому! А куда этот «герой» делся, мы тебе сказать не можем, потому что не знаем. Убежал куда-то в этот вот лес, а может и в дереvушку, что здесь недалёко. Мы-то в ней и обитали эти затерянные годы, ты, то там и поспрашивай, парень. Вот там она находится, за этой речушкой, – на прощанье участливо сказал Гордей Иванович и, взмахнув рукой, скрылся в густом утреннем лесу за своими ушедшими людьми.

Макарий с Берли перешли эту речушку по двум осинам, упавшим на водное неширокое русло протоки.

Лес всё так же высился под утренним сводом небес. Откуда-то, издалека, донесло эхо растяжный собачий лай. Потянуло лёгким дымком и запахом жилых домов.

Вскоре они вышли к небольшому селению, окруженному густым березняком и осинами.

Макарий взобрался на пригорок и всмотрелся в этот неизвестный мир. Дома, будто прятались друг от друга за высокими заборами, деревьями и кустами.

– Тринадцать домиков, тринадцать. Так это же «чёртовая дюжина», Берли! А день недели, то какой сегодня? Пятница? Точно, пятница. Куда же это так нас занесло?

Они вошли в единственную изогнутую улицу этой деревушку и осмотрелись. Заборы закрывали дома и дворы, что казалось, будто никого в этом селении нет и небыло никогда.

Усталость Макария овладела мгновенно, как только он с Берли оказался среди жилых домов этого селения и они присели под старой берёзой, росшей у пыльной дороги.

Неожиданно, донёсся тихий скрежет открываемой двери. Напротив, из щели высокой калитки, выглянула украдкой пожилая женщина и, оглянувшись по сторонам, поманила ладонью со словами:

– Уж, видимо, так наблудился в камышовых непролазях, что не знаешь идти-то, теперь куда? Вот, зайди-ка сюда, зайди, я и расскажу, что да как. Ты, я вижу, человек здесь пришлый и ещё неизвестный миру нашему чуткому.

И ещё раз, осторожно оглянувшись по сторонам, помахала зовущей рукой.

– Но, всёравно, ты уж ко мне заходи, сынок, чем ютится под деревом. Оно-то, ладу тебе сейчас не даст! А я вижу, что он, этот лад, ох, как нужен! Зайди, да душу свою согрей и чайку попей. Я то, уж это найду! Только давай веселей и не ленись! Собачке твоей тоже найдётся тепло и место для силы верной. Ты не бойся, я женщина свойская, так что, заходи смелее и по-свойски.

Макарий, устало двигаясь, вошёл с Берли через калитку во двор зовущей пожилой женщины. Идя, бездумно и будто по инерции, он успел заметить, что перед входом прибит к забору старый тазик и рядом с ним висит деревянная колотушка.

«Видимо, это своего рода, звонок-оповещение», – подумал, безразлично, Макарий.

– Заходи-то, заходи! Да смелее во двор, а то глаза бывают и в улицы колючие да недобрые. Что говорить об этом, когда вот жизнь теперь такая неожиданная во всём, что и не поймёшь её до самой ночи, а потом и до утра, – с этими словами она отворила дверь и пропустила Макария с Берли в дом.

– Звать меня Клавдией Ивановной. Но лучше – тётя Клава. А то, когда доскажешь всё имя да отчество, то и вечер наступит. А пока суть найдётся, ты приведи себя в божеский вид. А то, уж и не под силу тебе эта же сила, что жизнь даёт! Душ имеется у меня во дворе, правда, там вода столетняя, или даже больше. Пойдёшь, или как, сынок?

– Что вы! Как я могу, вот так, как-то, сразу, – вздохнув, тихо сказал Макарий.

– Не к чему здесь стесняться и, я думаю, что полезно очень очиститься от усталости чуждой. Она вон как тебя морит, что сумрак светлости дня. А потом уж и застолье наше откроем, что великий праздник! Или, как ты на это смотришь? И лицо-то, лицо омолоди ещё помоложе, если есть чем. А если нет, то я тебе подарю для бритья, всё что необходимо! И даже навсегда! Всё равно здесь без пользы место тревожит. Я ведь вижу, что насквозь: ты парень надёжный и верный! И в этом ошибиться нельзя мне: ничуть, и никогда!

– Клавдия Ивановна! Да я сейчас уйду со своим Берли, вы не тревожьтесь, уж обо мне, – устало выдавил Макарий.

– Ты, парень, к добрым людям относись по-доброму! Вот тогда и будет у тебя высота жизни и все дополнения к ней! А теперь, давай слушай тётю Клаву и без разговоров: в душ! А пёсик твой пускай отдохнёт возле еды на веранде. Там ему будет уютней и намного свежей, чем здесь, в закрытой комнате дома, – с этими словами тётя Клава увела Берли на веранду.

Вода в душе была тёплая, приятная и чем-то напомнила Макарию баню Смотрины Алексеевны.

«В своей ли она обсерватории? В порядке ли всё у неё? Когда же я вырвусь из своих дел и попаду к ней?», – всколыхнулась память тревогой и сожалением, что он теперь не там.

Стараясь сильно не мочить рану, Макарий принял душ и в задумчивости взошёл на веранду дома, посмотрел в глаза Берли и доверительно спросил:

– Берли! И как нам теперь быть, а? Домой в обсерваторию, или пока немного здесь, у тёти Клавы? Да ещё нас ждёт и Агафья Никаноровна! И «бегун» то, этот, где? Будем ли мы его искать, или нет? – и, потрепав за холку пса, вошёл в ожидающий его дом.

– Ну, вот и молодец теперь стал, что и не признать даже пёсику твоему. Но вот тебе одежда, новая и никем ещё не мерянная. Сыну своему вот приобретала, а он остался, где-то, у Брызгуньки, ну потом расскажу. Покой свой там нашёл, вечный, а где, так никто и не знает, по сей час и день. И с тех пор я живу одна. Мужа нет, сына нет, а огород, да дом терпеливый, ещё сохранились, – вздохнула тётя Клава и продолжила:

– Переоденься, переоденься! Негоже оборванцем садится за стол. Да и скатерть я сейчас достану, что снег белейшую. Мы же люди и жить будем, по-людски! А ты вот присядь-ка сюда, да и скажи-ка, как моя-то фамилия, а? Знаешь, какая? Ну-ка скажи, мил человек неведомый!

Макарий, переодевшись, легко присел на лавочку у стола и, улыбнувшись про себя, ясно произнёс:

– Фамилия ваша, должно быть, очень известная и хорошая! – взглянув на неё, ответил Макарий.

– О, какой ты правильный и догадливый! Хочешь я тебе так спою, что ты в меня немолдую влюбишься по самые свои уши? Хочешь? – и засмеялась, несмотря на годы, весело и пронзительно.

Потом, взмахнув рукой, добавила:

– Да Шульженко то я! Но не та, что знаменитость, а та, что спеть могу, могу и не хуже! Ну, ты оглядись пока в избушке моей, а я на стол соберу, что на праздник. Гостей в доме моём, уж не вспомнить, когда видала. Так, что ты и пёсик, тоже, очень ценные для меня гости.

Дом был старинный, просторный, на несколько комнат и высок потолком. Глядели прямо в душу иконы-лики с побеленных и достойных стен. В красном углу, так же, как и в Агафьи Никаноровны, горела лампада мирным домашним фитилём.

Стукнула ляда подполья, и появились домашние заготовки на белоснежной скатерти стола.

– Это смородиновка! Хороша она для пользы тела и для лёгкости языка. А это вот, покрепче, так сказать, своего производства, на всякий случай и для поведения смелого. Для очень важных гостей, ну, как вот ты! А звать-то тебя, всё-таки, как? Я ведь ещё и спросить не успела, а душа уже тормозит: спроси, да спроси, и без требования лишнего.

– Макарий, меня зовут, а его Берли.

– Имена-то, какие редкие! И видимо многое что значат? Эх, ты знаешь, куда-то попал, или нет ещё? А? – взгляделась в глаза Макария тётя Клава и провела рукою в сторону улицы.

– Да нет, ещё не успел об этом узнать. Но, надеюсь, что вы мне расскажете! – улыбнувшись, ответил Макарий.

– Проходнушка это! Хуторок, можешь называть его так, или, как вздумается. Но имя его – Проходнушка! Знакомое тебе это слово, надеюсь, что да.

– Это, что-то, вроде для промывки добываемого золота? Так, что ли?

– Так, мой родной человек, так! Но об этом разговоры потом. А сейчас вот смотри, как горит на свету чистейшая смородиновка, что розовой лепесток! Глянь-ка, сынок! И льнёт она к тебе желаньем своим: прикоснись, что к девушке любимой! И всё до дна, как любовь без горечи с ус ладой, мой гость дорогой и дороже былых всех! – и тётя Клава, перекрестившись, резво выпила содержимое стакана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.